

Siberia Lingua

Научный журнал

Институт филологии и языковой коммуникации
Сибирский федеральный университет

Ученый язык
 Sibiriya

2010'1

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Анисимов Кирилл Владиславович, доктор филол. наук, доцент (Сибирский федеральный университет)
Иванцова Екатерина Вадимовна, доктор филол. наук, проф. (Томский государственный университет)
Ковтун Наталья Вадимовна, доктор филол. наук, проф. (Сибирский федеральный университет)
Косяков Геннадий Викторович, доктор филол. наук, доцент (Омский государственный педагогический университет)
Куликова Людмила Викторовна, доктор филол. наук, проф. (Сибирский федеральный университет)
Магировская Оксана Валериевна, доктор филол. наук, доцент (Сибирский федеральный университет)
Панин Леонид Григорьевич, доктор филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет)
Плотникова Светлана Николаевна, доктор филол. наук, проф. (Иркутский государственный лингвистический университет)
Шарифуллин Борис Яхиевич, доктор филол. наук, проф. (Лесосибирский педагогический институт – филиал СФУ)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Фельде Ольга Викторовна, доктор филол. наук, проф. (отв. ред.)
Киселева Лидия Александровна, канд. филол. наук, доцент (зам. отв. ред.)
Богуславская Олеся Владимировна (отв. секретарь)
Башкова Ирина Венадьевна, канд. филол. наук, доцент
Ким Игорь Ефимович, канд. филол. наук, доцент
Копнина Галина Анатольевна, канд. филол. наук, доцент
Осетрова Елена Валерьевна, канд. филол. наук, доцент
Разувалова Анна Ивановна, канд. филол. наук, доцент
Сперанская Алевтина Николаевна, канд. филол. наук, доцент

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора С. 8

Мельников Е.А.

Электронный молодежный журнал: концепция С. 11

Березовский К.С.

Жаргон футбольных фанатов как социокультурное явление С. 15

Богуславская О.В.

В. Жириновский и А. Леппер: штрихи к речевому портрету С. 19

Бушина Е.А.

Семантика и синтагматика частицы *даже* в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» С. 29

Володина А.А.

Языковое сознание как основа межкультурного общения С. 33

Еремеева Т.В.

Полярность духовного стиха: коннотативный анализ С. 39

Жилина А.С.

Спелеонимы Красноярского края в ономаσιологическом аспекте С. 48

Касацкая Е.А.

Речевые тактики и стратегии в беседе М. Максимовской
(на материале программы «Неделя») С. 53

Кишкурин А.В.

Ценность «деньги» в современной студенческой среде:
социопаремиологический эксперимент С. 57

Кочурова О.В.

Русские и польские фразеологизмы с заголовочным словом «огонь»:
лексико-семантический сопоставительный анализ С. 64

Лукьяненко А.Г., Фельде О.В.

Языковая ситуация кетского поселения Суломай С. 69

Мазур М.С.

Языковое воплощение эмоций главного героини романа М. Булгакова
«Мастер и Маргарита» и его переводы на польский язык С. 74

Морозова О.В.

Языковая рефлексия в польском тексте «Волчьего блокнота» М. Вилька С. 78

Павленко С.А.

Фотографическое изображение как способ конструирования действительности
(на материале произведений С. Хвина, П. Хюлле и Г. Грасса) С. 86

Перфильева А.В.

Влияние социального опыта носителя языка на мотивацию специального наименования С. 99

Поташкова М.Ю.

Паронимическая и омофоническая замена в прецедентных текстах как прием языковой игры в книге Е.В. Ключева «Между двух стульев» С. 106

Смотрицкая В.В.

Синтаксис и синтагматика лексемы «скандал» С. 110

Соколовский Я.В.

Соотношение оригинала и перевода художественного текста: концепция когнитивной изомерии С. 117

Строкина И.М.

Русские пословицы об отрицательных характеристиках человека: языковое воплощение С. 129

Сысоева Н.А.

Концепт «Бог» в индивидуальной картине мира В.П. Астафьева С. 135

Тарасенко В.Е.

Контрастивные аспекты жанроведения С. 141

Хижнякова А.Н.

Функционирование языкового штампа в российских женских романах 2000-х гг. С. 148

Шарифуллин С.Б.

Музыкальный клип как вербально-иконический текст: проблемы описания С. 153

Ян Минбо

Историография перевода русской литературы в Китае С. 161

Информация:

– перечень ведущих рецензируемых журналов (2010) С. 170

– перечень зарубежных научных журналов и изданий, в которых могут
быть опубликованы основные результаты диссертационных исследований С. 180

– перечень электронных лингвистических журналов С. 181

– сведения о ближайших конференциях на базе ИФиЯК СФУ С. 185

– памятка авторам «Siberia Lingua» С. 186

ОТ РЕДАКТОРА

Идея создания «Siberia Lingua» родилась так, как рождаются большинство издательских идей такого рода. Ее «почтенными родителями» стали практическая потребность и научная целесообразность. В числе ближайших родственников новорожденной идеи числятся суровая экономическая реальность и горячее желание «не взирая и вопреки» помочь молодым людям сделать свои первые шаги в большой науке.

Еще совсем недавно издание малотиражных нерецензируемых (или *как бы* рецензируемых) сборников студенческих работ было обычным делом. Редко какой деканат был не завален «неликвидом». Брошюры и книжки издавались по случаю ежегодных студенческих научных конференций, как правило, мизерным тиражом. А потом

докладчики несли свой авторский экземпляр с апрельским приветом любимой бабушке или какому-нибудь другому заинтересованному родственнику. Задумывая журнал, мы исходили из того, что глупо писать для деканатских антресолей. Голос молодого ученого должен быть услышан, его работа должна быть доступна самому широкому кругу сопроблемников.

Именно поэтому в Институте филологии и языковой коммуникации СФУ создан рецензируемый электронный журнал для молодых ученых, в котором будут публиковаться актуальные и достоверные исследования в области лингвистики и межкультурной коммуникации. На его страницах также будет оперативно размещаться полезная информация (о грантах, стажировках, новых базах данных, ближайших конференциях, заседаниях специализированного совета Сибирского федерального университета и проч.). Доступ к журналу бесплатен для пользователей.

В настоящее время публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Первая публикация молодого исследователя в электронном журнале подобна выходу в открытый космос. Надо к этому событию тщательно готовиться. Тысячи людей могут прочесть статью, и это обстоятельство в десятки раз повышает ответственность за научный труд и авторов, и их наставников, и тех, кто готовит электронный выпуск журнала. Все статьи, поступающие в нашу редакцию, подлежат обязательному рецензированию. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно в разделе «Памятка авторам «Siberia Lingua».

Считаем полезным указывать в подстрочнике имена научных руководителей и рецензентов, «если рекомендуемый специально не возражает против этого в своей рекомендации», как это делают, например, в авторитетном журнале «В мире науки».

Для управления журналом в ИФиЯК создана редколлегия, куда вошли опытные исследователи. Ответственным секретарем назначена аспирант О.В. Богуславская, которая курирует научно-исследовательскую работу студентов отделения филологии ИФиЯК.

В первый выпуск журнала «Siberia Lingua» вошли работы студентов и аспирантов, рекомендованные Оргкомитетом региональной научно-практической конференции молодых ученых «Диалог культур в аспекте языка и текста», которая с успехом прошла в Институте филологии и языковой коммуникации СФУ в Год молодежи (2009).

Целевая аудитория нашего журнала – многолюдное и пестрое (преимущественно молодое) лингвистическое сообщество, в зоне внимания которого языки, речевая деятельность и культура разных народов.

Мы надеемся, что в нашем журнале всегда будет можно найти, что почитать культурному человеку....

Проф. О.В. Фельде, отв. ред. эл. журнала «Siberia Lingua»,
заместитель директора ИФиЯК СФУ по научной работе

ЭЛЕКТРОННЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЖУРНАЛ: КОНЦЕПЦИЯ

Е. А. Мельников¹

Молодежная журналистика, находящаяся на периферии теории массовой коммуникации, как правило, интересует исследователей лишь как частный случай процессов, протекающих во «взрослой», большой журналистике. Между тем именно здесь, в тесном взаимодействии с социологией, психологией и социальной философией, находят свое отражение те тенденции, которые рано или поздно обнаружатся и в других сферах медиа-пространства.

Ценностная система современного молодого человека формируется под влиянием двух могущественных сил, одной из которых является Интернет. Функцию второй выполняют традиционные СМИ. Результирующий вектор этого влияния, обусловленный социальными и духовными пертурбациями в российском обществе, ведет к кризису социализации и к отказу от культурной идентичности в сторону субкультурной деидентификации. На стыке онлайн и оффлайна рождается уникальный феномен, который способен стать новым словом в развитии журналистики вообще и молодежной журналистики в частности.

Представляется возможным рассматривать электронный журнал именно как феномен массовой культурной коммуникации. Предметом исследования должны стать тенденции, обуславливающие появление подобного издания, его эффективность и востребованность.

Исследователи, впервые в России сформулировавшие проблему электронных сетей как нового вида СМИ, предлагают все сетевое пространство рассматривать как некое средство массовой информации, с определенной структурой, имеющей деление по тематическому, целевому и иным признакам [Акопов, 1998. С. 43].

Соглашаясь с этим, следует признать также, что новое СМИ должно обладать новыми характеристиками, в том числе и типологическими. В свою очередь, типологические особенности сетевого текста – прежде всего, обилие

---

¹ Научный руководитель – д.ф.н., проф. Пфанештиль И.А.

гиперссылок и подавляющая доля завизуализированной информации – требуют особого способа мышления [Пронина, 2006. С. 308].

Поэтому создание концепции электронного молодежного журнала невозможно без обстоятельной теоретической подготовки. Основными тезисами для обоснования целесообразности создания подобного издания послужил ряд утверждений, последовательно сформулированных и аргументированных в предшествующих исследованиях.

- Молодежный журнал способен выступать в качестве средства субкультурной консолидации. Аккумулируя в себе ценностные ориентиры тех или иных молодежных течений, он приобретает все функциональные особенности субкультурного ядра.
- СМИ в современном обществе являются одним из источников деформации ценностной системы молодежи. Подбор материалов в молодежных СМИ не соответствует необходимому, что ведет к кризису социализации.
- Шаблонизированный подход к явлениям молодежной жизни со стороны СМИ имеет, среди прочих последствий, ускорение процесса стереотипизации этих явлений. Все журналы, которые на сегодняшний день освещают явления молодежной жизни, делают это сквозь призму устойчивых стереотипов восприятия своей целевой аудитории. Негативным последствием такого подхода становится дальнейшее тиражирование этих шаблонов в сознание реципиентов, их укрепление и закрепление.
- Появление Интернета, развитие новых средств массовой коммуникации и, что более важно, качественное изменение способа мышления привели к тому, что наиболее эффективным средством взаимодействия с публикой становятся электронные СМИ и NET-текст в качестве инструмента онлайн-журналистики.

Исходя из этих утверждений сформулированы тезисы, послужившие опорными пунктами для формирования концепции принципиально нового молодежного издания.

- Поскольку журнал способен стать центром объединения молодежи, то возможно объединить молодежь с различными вкусами вокруг некоего издания, которое своей формой и контентом будет удовлетворять их пристрастиям и ценностным потребностям. Таким образом удастся преодолеть субкультурную разобщенность, вернув аудиторию в русло традиционной культуры.
- При подборе материалов для наполнения издания должен выдерживаться баланс терминальных и инструментальных ценностей. Материалы должны способствовать формированию активной жизненной позиции, призывать к участию в событиях и к созданию таких событий самостоятельно.
- Во избежание стереотипизации следует использовать некий общий язык, дешифровка которого, находясь в зависимости от интеллектуального развития реципиента и его духовных воззрений, тем не менее, не будет вызывать сложности. Этим языком должен стать язык молодежной культуры и молодежного творчества во всем его многообразии.
- Журнал должен располагаться на электронном носителе и не иметь бумажного аналога. В его модели должны учитываться особенности современного мышления и использоваться принципы гипертекста.

Неоспоримым преимуществом электронного журнала является то, что он сочетает в себе плюсы онлайн-журналистики, совмещенные с плюсами журналистики оффлайн. Он осуществляет предельно визуализированную выборку информации, лишенную жесткой зависимости от структуры сообщения, и расширяет пространство восприятия, открывая одновременный доступ к нерегламентированному числу взаимопоясняющих каналов-источников [Там же. С. 270-271].

Электронный молодежный журнал – наиболее перспективное начинание для нынешнего времени, учитывая популярность Интернет-журналистики, крен зрительских симпатий в сторону визуальной информации и кризис ценностной системы молодежи.

С уверенностью можно говорить о том, что традиционные СМИ никогда не уступят медийное пространство электронным изданиям полностью, подобно тому, как печатная журналистика успешно пережила появление

телерадиовещания. Однако несомненное достоинство электронной журналистики – ее мультимедийность. Мультивизионная программа предполагает множество форм информации, множество точек зрения и множество форм интерактивности, таких как комплиментарность, свободная навигация по контенту, отсутствие компрессии при передаче информации. [Рэддик, 1999. С. 401]. Также необходимо учитывать ее способность не просто сочетать в себе онлайн и оффлайн, но и все категории оффлайна, что обещает жесткую конкурентную борьбу за внимание аудитории.

Электронный журнал – это уникальная форма информационной коммуникации, рожденная новым временем и новым человеческим мышлением. Он обладает самыми современными мультимедийными возможностями, неограниченным пространством для размещения в нем информации и при этом всеми достоинствами традиционной журналистики.

Будучи оригинальным и перспективным воплощением наиболее свежих и современных тенденций в сфере медиа-технологий, концепция журнала пребывает в стадии динамического развития, поэтому исследования в данной области средств массовой коммуникации могут быть продолжены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопов А.И. Электронные сети как новый вид СМИ // Филологический вестник РГУ. 1998. № 3.
2. Пронина Е.Е. Психология журналистского творчества. М.: КДУ, 2006. 368 с.
3. Рэддик Р., Кинг Э. Журналистика в стиле он-лайн: использование Internet и других электронных ресурсов. М.: Вагриус; Национальный ин-т прессы, 1999. С. 401-412.

ЖАРГОН ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

К. С. Березовский²

Зависимость языка и культуры социума, в котором бытует язык, подчёркивали многочисленные исследователи, среди которых В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, В. Матезиус, Б.А. Ларин, Л.П. Крысин и др. «Своеобразие языка влияет на сущность нации как той, которая говорит на нём, так и той, для которой он чужой, поэтому тщательное изучение языка должно включать в себя всё, что история и философия связывают с внутренним миром человека» [Гумбольдт, 1985. С. 377]. Можно говорить об обоюдонаправленном влиянии: общество влияет на язык, и язык, в свою очередь, воздействует на общество. В основе культуры лежит язык. Язык - универсальная семиотическая система, потому что все знаки, в том числе и знаки самого языка, назначаются посредством слов. Язык в равной степени относится к духовной, физической и материальной культуре - как система имен, как речемыслительная деятельность и как совокупность произведений слова. Любое произведение или явление природы может быть понято, осмыслено и описано исключительно посредством слова. Но и сам язык развивается по мере развития культуры - как инструмент познания и организации деятельности людей.

Благодаря прогрессу цивилизации и развитию человеческой личности появляется множество новых лексем и сочетаний, которые стремятся отразить сущность социума в себе. Язык и речь имеют непосредственную связь с мыслью, отношение между языком и мыслью, как выражающее/выражаемое. Мысль напрямую определяет духовные и материальные стороны жизни группы людей. Язык - «посредник в процессе понимания. <...> Он даёт чувству выражение, и сам вызывает чувство и потому требует силы, отчётливости и гибкости» [Там же. С. 378]. У наций, склонных к агрессии и военным действиям, преобладают эмотивно-оценочные слова и лексика, номинирующая оружие, тактики ведения боя и т. п. Культурно развитые этносы и государства с богатыми традициями в искусстве большое значение уделяют форме. Слово, которое выражает красивое понятие, должно

---

^{2 2} Научный руководитель – д.ф.н., проф. Фельде О.В.

соответствовать и даже подчёркивать означаемое. Темперамент и мироощущение можно связывать не только с языком народов; малые социальные группы для выделения и обособления себя от общества также могут использовать характерные языковые единицы, применяя существующие языковые средства либо образовывая новые на базе старых. Мы можем наблюдать образование профессиональных и групповых жаргонов. Под групповыми жаргонами, вслед за Л.П. Крысиным, в данной статье понимаются «языковые образования, основанные на социальном обособлении людей» [Крысин, 2004. С. 369].

Объектом настоящего исследования является лексика футбольных фанатов, предметом – способы словообразования в социолекте. Источниками исследования послужили интернет-сайты, видеосюжеты, посвященные футбольным фанатам, а также данные, полученные методом наблюдения на стадионах г. Красноярска. В результате выборочной расписки была составлена картотека, насчитывающая около 240 единиц.

Сочетание «футбольный фанат» появилось в российском лексиконе в 70-е годы XX века и первоначально означало группу молодых западноевропейцев, нарушающих общественный порядок во время, до или после футбольного матча. Вместе с этим футбольный фанатизм начал проявляться на территории бывшего СССР. Тогда особо выделялись поклонники московского «Спартака», поддерживающие команду по всей стране, можно отметить и активных фанатов киевского «Динамо». Постепенно взгляды российских фанатов обратились в сторону Англии – родины футбола и футбольных фанатов, на стадионах зазвучали песни, речёвки, слоганы, движение приняло строго закрытый субкультурный характер со своей атрибутикой и жаргоном. В начале 90-х появились группировки европейского масштаба – «Red-Blue Warriors» у ЦСКА и «Flint's Crew» у «Спартака». На фоне их противостояния группы поддержки стали возникать практически у всех клубов Российской Федерации, вплоть до непрофессиональных команд.

Каков же социальный портрет «среднестатистического» российского футбольного фаната? Как правило, это молодые люди от 15 до 25 лет. 15 лет считается самым ранним возрастом для вступления в «фирму», совсем юных людей берут редко, в исключительных случаях. 25 лет – возраст самых «олдовых», «пожилых» фанатов, в этом возрасте многие фанаты «отходят от дел». Субкультура футбольных фанатов объединяет людей абсолютно разных,

но с общей идеей и общими пристрастиями. Род занятий фанатов может быть различным: в группировке и студенты вузов, и учащиеся профессионально-технических училищ (технических колледжей), и частные предприниматели, и рабочие, и люди без определённых занятий. У многих фанатов хорошо развит музыкальный вкус, они предпочитают джаз, ска, ска-панк, многие начитанны, подавляющее большинство хорошо разбирается в стиле одежды и моде, так как одежда для любой субкультуры имеет большое значение. В среде футбольных фанатов основная функция одежды – неприметность. К данной субкультуре относятся мужчины традиционной сексуальной ориентации, также есть и женщины, но их крайне мало. Всех фанатов отличает повышенный эмоциональный фон, эмотивный аспект личности подавляет логический.

Источником формирования жаргона футбольных фанатов является по преимуществу общенародная речь, смежные жаргоны, а также собственное словопроизводство. По нашим наблюдениям, самым продуктивным является семантический способ. Примеры семантической деривации обнаруживаем практически во всех тематических группах исследуемого жаргона. Особенно часто встречаются случаи метафорического переосмысления общенародных слов: *гроб* – багажное отделение под нижней полкой в поезде; *космонавт* – милиционер в каске; *скворечник* – комментаторская кабина, расположенная в верхней части стадиона и др. Примеры синекдохи и сужения значений, напротив, единичны: *шайба* – хоккей; *мячик* – футбольный матч; *бомжевать* – ночевать во время выезда на вокзале или скамейке.

В жаргоне футбольных фанатов выделяется множество тематических групп, включающих наименования важнейших понятий и представлений:

1. Наименования «своих»: *выездюк* – фанат, часто выезжающий в другой город (или страну) на матч своей команды; *ермак* – фанат, совершивший выезд в другую страну или в дальний город; *траблмэйкер* (англ. *trouble maker* – создатель проблем) – фанаты, которые непосредственно проводят / участвуют в хулиганских акциях; *динамики* – фанаты ФК «Динамо» (Москва), *инчас* – фанаты мадридского «Реала»; *инопланетяне* – фанаты ФК «Сатурн»; *паровозы* – фанаты футбольного клуба «Локомотив», *харьки* – болельщики харьковского «Металлиста».

2. Наименования «чужих»: *бычьё* – агрессивные, малообразованные, ничего не понимающие в фанатизме зрители; *кузьмич* – человек, не участвующий в акциях и обычно приходящий на матч с семечками, пивом и дудкой болельщика; *дударас* – кузьмич с дудкой; *коля* – человек, которого легко одурачить; *цербер* – сотрудник правоохранительных органов и др.

3. Наименования помещений специального назначения: *наб* (англ. *pub*) – пивной бар; *сарай* – ледовый дворец спорта, *скворечник* – комментаторская кабина; *тошиловка* – 1) отделение милиции; 2) плохая столовая.

4. Наименования стадионов: *Лужа* – московский стадион «Лужники»; *Петрович* – стадион «Петровский» (Санкт-Петербург); *стадик, стадио, эстадио, стадо* – стадион.

5. Наименования одежды, обуви и головных уборов болельщиков: *роза / розетка* – шарф с атрибутикой клуба; *тапки* – любая обувь; *бейс* – бейсболка; *цветá* – клубная мерчендайзинговая атрибутика: шарф, футболка и т. д.

6. Название матчей: *договорняк* – договорной матч; *дэрби* (англ. *Derby*) – 1) встреча двух команд из одного города; 2) встреча двух команд, находящихся на первых строчках турнирной таблицы»; *слив* – проигрыш команды за деньги или по предварительному сговору.

7. Названия футбольных сезонов: *золотой сезон* – футбольный сезон, на котором какой-либо фанат побывал на всех матчах команды.

8. Названия голевых ситуаций: *банка* – гол (*забить банку* – забить гол); *дурик* – нелепый, глупо пропущенный вратарём или защитниками гол; *шара* – нелепый гол.

Рассмотренный нами жаргон можно отнести к категории своеязычных, поскольку он включает около 90 % слов русского происхождения. Его можно назвать лабораторией русского словопроизводства и зеркалом уникальной субкультуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков А.А. Курс русской риторики // Мужской монастырь Спаса Нерукотворного пустынь [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.klikovo.ru/db/book/msg/2816>
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
3. Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 883 с.
4. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 186 с.

В. ЖИРИНОВСКИЙ И А. ЛЕППЕР: ШТРИХИ К РЕЧЕВОМУ ПОРТРЕТУ

О.В. Богуславская³

В современной социолингвистике проблема языковой личности представляется как одна из наиболее значимых, и тем актуальней видится необходимость создания речевого портрета того или иного деятеля.

Данная статья посвящена изучению речевого имиджа политика. Материалом моего исследования явились аудио- и видеозаписи публичных выступлений представителей российской и польской политики, в лице Владимира Жириновского и Анджея Леппера. На мой выбор в объекте исследования повлияло неоднозначное и яркое речевое поведение обоих политиков, тем более, является интересным рассматривать их в сопоставлении, поскольку в Польше А. Леппер считается прямым последователем поведенческой политики В. Жириновского: « Он безумен. Но в этом его мастерство. Его слушают, и это главное. А каким образом он этого достиг, никого не волнует. Амбициозная,

---

³ Научный руководитель – к.ф.н., доцент Осетрова Е.В.

взрывоопасная политизированная личность нынче в моде. Первым такую поведенческую политику привнес пан Жириновский, мы же успешно перенесли ее на нашу почву, на нашу действительность» [Malchawski, 2006. С. 12].

Перед тем как приступить к работе над выбранной темой, показалось необходимым и интересным провести анкетирование-опрос среди жителей России и Польши с целью определить отношение к данным политическим деятелям граждан обеих стран.

Данный опрос проводился среди разных возрастных категорий (примерно 15 лет – 73 года) как среди мужчин, так и среди женщин, общее число опрошенных в России составляет 9552 человека, в Польше – 2341. Таким образом, путем суммирования наиболее частотных отзывов были поставлены следующие вопросы:

– «основные составляющие имиджа современного успешного политика: *поведение, этикет – 12%,

*наличие высшего образования – 12%,

*внешний вид – 12%,

*речь, способность вести диалог, коммуникативные навыки – 64%;

– «отношение к В. Жириновскому» (среди граждан России):

*положительное, безусловный лидер, «знает свое дело, обстоятельный, толковый», успешный политик – 66%,

*положительное, но рассматривается только в качестве преуспевающего шоу-мэна – 20%,

*резко отрицательное, «шут» – 14%;

– «отношение к А. Лепперу» (среди граждан Польши):

* положительное, безусловный лидер, «знает свое дело, обстоятельный, толковый», успешный политик – 57%,

* положительное, но рассматривается только в качестве преуспевающего шоу-мена – 25%,

* резко отрицательное, «шут» – 18%.

Таким образом, результаты опроса еще более наглядно подтвердили актуальность выбора объекта исследования.

Из двух составляющих имиджа: языка и речи – мною рассматривается только последняя. Таким образом, была сформирована схема описания речевого портрета политика, в нее вошли следующие категории:

- активность-пассивность в коммуникативной ситуации (монологичность / диалогичность; инициирование темы);
- использование речевых жанров: императивный, информативный, оценочный и этикетный;
- коммуникативные стратегии и тактики;
- правила речевого поведения;
- реакция адресата;
- репертуар речевых ролей, мобильность / немобильность;
- сфера речевого общения.

В предложенной статье будут рассмотрены только пять категорий, характеризующих, на наш взгляд, выбранных политических деятелей наиболее ярко.

1. Активность / пассивность в коммуникативной ситуации: монологичность или диалогичность. Известно, что диалогичность более предпочтительна в речи, поскольку диалог как таковой есть знак социальной активности.

Приведем в пример высказывания обоих политиков:

В. Жириновский (далее В.Ж.): «Что ты думаешь, дорогой Андрей? (обращение к А. Малахову) Ну ответь же, каково твое мнение, поддержи дискуссию! Если даже хочешь, я открыто призываю тебя к диалогу!»

А. Леппер (далее А.Л.): «Что вы молчите, я вас спрашиваю? Где диалог? Где действие событий? Я не собираюсь говорить один в пустоту. Я пришел... для активной беседы. Сам с собой поговорить я мог бы и в душе».

Таким образом, можем заметить, что оба эти примера ярко демонстрируют предпочтение каждого из политических деятелей диалогового режима общения как таковой – монологовому.

Также показателем активности в коммуникативной ситуации является элемент инициирования темы. Приведем несколько примеров:

В.Ж.: «– Согласны ли вы с законом о выплате материнского пособия?»

– Что вы все старое перемываете? Здесь нужно копать глубже – на мировой уровень. Вы в курсе, что Буш опять на Ирак «позарился»?» (Дальше вся студия начинает обсуждать проблемы Америки и Ирака.)

А.Л.: «Да, я знаю. Но никаких домогательств не было. И нет сейчас. Я вообще считаю, что с/х ситуация в стране критична. Что же делать, мы работаем над этим». (Все продолжают обсуждать современную экономическую ситуацию в Польше.)

Таким образом, из представленных выше примеров можно сделать вывод, что как русский, так и польский политик активны в коммуникативных ситуациях, поддерживают диалогичное общение и выступают создателями новых тем. Нужно особенно отметить тот факт, что все их выступления спонтанны, и тексты, которые они воспроизводят, порождены самостоятельно в каждой из ситуаций.

2. Использование речевых жанров в речи.

Общеизвестен тот факт, что для политической сферы общения наиболее характерными следует считать

оценочный и информативный жанры. Однако в ходе изучения речи как В.Ж., так и А.Л. была отмечена высокая частотность употребления императивного жанра.

Для подтверждения вышесказанного обратимся к примерам:

В.Ж.: *«Убогая действительность. Везде разруха. Довели родную мать. Я о Земле сейчас. О русской. О России».*

«Замолчите и не перебивайте, я сказал. На прошлой неделе был на заседании. Я повторяю тебе (все тому же назойливому оппоненту): «выключись» отсюда. Да, был на заседании».

«А вы все в курсе, что экономика Индонезии перегнала нас в своем развитии? Мало того, статистика показывает, что...»

А.Л.: *«Устали? Нет. Просто вы – обедневшая нация. А может, и духовно обедневшая. А может, совсем и полностью. Вы сами всем этим убили в себе людей, граждан».*

«Уважаемый, покиньте студию. Или придется это сделать мне, а вы читайте за меня программу. Выйдите!»

«Вчера было состоялось внеплановое обсуждение итогов последних перестановок, оказалось, что... встреча прошла под руководством...»

Об этикетных жанрах же можно сказать, что они присутствуют в речи обоих политиков, и не представляют для нас интереса в данной статье.

3. Неотъемлемой, как нам кажется, частью структуры описания речевого портрета политика является соблюдение или, напротив, несоблюдение *правил речевого поведения* (схема анализа была заимствована из ст. Т.В. Шмелевой «Кодекс речевого поведения») [Шмелева, 1983. С. 55]. Нам не видится целесообразным рассматривать все категории, предложенные Татьяной Викторовной, хотелось бы остановиться на особенно значимых, ярко характеризующих речевой портрет политиков.

Так, правило **«сообщай информацию, содержащую известное для слушателя»** соблюдается четко обоими политическими деятелями, что является естественным, поскольку они вынуждены говорить о проблемах, актуальных для народа, например:

В.Ж.: «Россия – самый духовный народ. Мы – сила, православие, великая культура, мы же должны стремиться к возрождению религиозного сознания нашего народа, *ведь это известное для всех дело – упадок русской религиозности*».

А.Л.: «Я вынужден, как всегда, затрагивать всеобщие, всех волнующие темы – судопроизводство, тот вопрос, *который решается на протяжении уже многих лет, и все мы это прекрасно знаем*».

Следующее правило – **«сообщай информацию, не расходящуюся с житейской логикой слушателя и его представлениями об обычном ходе событий»** – нарушается обоими политиками, их фразы – яркое свидетельство этому:

В.Ж.: «БУШУ – НЕТ! Я вообще думаю, что, чтобы повысить деторождаемость, *нужно ввести закон о многоженстве*. Ничего особенного. Мужчина по природе самец. Андрей, не тебе же мне это говорить.

– Эээ... В.В... (Смущенно, несколько растерявшись, сказал А. Малахов.)

– Разве нет правоты моей? Между прочим, в той самой любимой всеми Америке на это уже смотрят сквозь пальцы, и тут они опередили нас. *Вырастят многомиллионную армию, а мы все так и будем куковать с одной женой*. Да не жалко ли вам ее? Разве родит она вам 30 детей?»

А.Л.: «*Не вижу никакого абсурда. Многоженство* существенно может нашу современную жизнь изменить, просто мы никогда не думали об этом. Официально этого не имеем, а ведь, в сущности, каждый мужчина, нормальный мужчина в течении всей своей жизни 10 000 раз многоженец...»

Одно из правил, которое постоянно нарушается и В.Ж., и А.Л., – **«не сообщай неприятного для собеседника»**. Почти каждое их выступление сопровождается некоторыми «выпадами» в сторону собеседника или оппонента,

например:

В.Ж.: «— Что я вам тут нянька какая, играть в «здрасьте, как поживаете»? Я вам вот что скажу — мы, загнивающая когда-то страна, взлетели на небывалый уровень развития! *Чего вот ты смеешься? Я тебя спрашиваю!*

— *Попрошу без хамства, Владимир Вольфович.*

— *Где ты видел хамство, наглец. Тебя бы вместо меня посадить, не оберемся «вони», расплодились, падонки-сосунки!»*

А.Л. : «Да вы *наглец*, я скажу. Более того, просто...» (Идет продолжительная нецензурная брань в адрес оппонента.)

Правило «**будь искренен и правдив**» выглядит как своеобразная установка, модель речевого поведения — большинство реплик политиков сопровождаются подобными «вставками»: «по правде сказать», «я тогда немного слукавил, признаю», «я никогда не врал» и др. Например:

В.Ж.: «Прокрутите все эфиры со мной от начала моего рождения в политике, и вы увидите, что *я никогда не врал народу*. Если грязь, то грязь. Да, и позитивных идей у меня о будущем было немало. *Разве не так? Как мы, россияне, будем врать самим себе?*»

А.Л.: «Впрочем, не стоит обращать внимания, я *тогда немного слукавил*. По правде говоря, это даже был своеобразный подхалимаж...»

Особенно заметно нарушается правило «**соблюдай соц. дистанцию с незнакомым тебе человеком**» [Осетрова, 2004. С. 27]. Это правило частично пересекается с вышеназванным — «не сообщай неприятного для собеседника», так, например:

В.Ж.: «— *Ты куда лезешь? Вот куда ты лезешь?* (В. Жириновский)

— А почему это вы, собственно, *«тыкаете»* мне?

– Да *с тобой* еще не так надо, *сопьяк!*»

А.Л.: «– Да *ты* посмотри, *что ты несешь, хам!* (А. Леппер)

– Без оскорблений, пожалуйста...

– *Пошел вон!*»

4. Выше были рассмотрены наиболее яркие примеры нарушения или, напротив, соблюдения правил речевого поведения. Не менее важным представляется рассмотреть такую категорию, как *репертуар речевых ролей, социальные роли* (сюда же входят такие понятия, как ролевое поведение, ролевая «мобильность»). Социальная роль (по Л.П. Крысину) – «нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную социальную позицию. Исполнение человеком различных социальных ролей отличается некоторыми закономерностями:

– *исполнение* определенной роли требует использования соответствующих языковых средств, ожидаемых партнером по ролевому взаимодействию и окружающими людьми; нарушение этих ожиданий ведет к тому, что ролевой партнер или окружающие оценивают речь данного лица как неуместную, противоречащую нормам языка;

– *при изменении* социальной роли происходит переключение с одних языковых средств на другие; отказ говорящего на такие переключения – сознательный или вследствие неспособности выбрать нужный регистр общения – ведет, как правило, к коммуникативной неудаче;

– *механизм* переключения с одних языковых средств на другие при изменении ролевых отношений между коммуникантами предполагает некое соответствие между набором социальных ролей, присущих данному социуму, и набором языковых кодов и субкодов – языков, диалектов, стилей, речевых жанров, речевых клише и стереотипов. Успех коммуникации зависит от того, насколько хорошо владеют участники общения и тем, и другим набором (то есть набором ролей и набором кодов и субкодов). Невладение какой-либо социальной ролью, как правило, означает и неевладение соответственной манерой речи» [Крысин, 2003. С. 21]. Именно способность мобильно переключаться с одной социальной роли на другую отличает обоих политиков. Обратимся к примерам:

В.Ж.: «– Мы с Серегой вообще кореши, в натуре, брат?

– Без базара, брат.

– Сегодня мы задали, топырились по полной. Ганстер-рэп, йоу.

– Говорят, вы даже Eminema слушали перед сегодняшним выступлением?

– Без базара. Вставило. Шняга, но рэп есть».

А.Л.: (В разговоре с подростком) «– Да, ты *тему говоришь*. Заткнулись они все там. Ну ты наехал».

(Подросток в восторге и недоумении] – *Как их кидало*, я сам обалдел.

– *Ты пацан крутой*, я вижу. *Жги*, продолжай».

5. И последняя категория, которая будет нами рассмотрена, – *ситуация и сфера общения*. Первоначально не планировалось вводить этот аспект, но в процессе работы удалось обнаружить различие между польским и русским политиками именно в этом аспекте. Так, прежде нарушаемые В.Ж. нормы в определенной ситуации были соблюдены. Приведем пример:

В.Ж.: «– Православная культура – самая духовная, потому что мы нация, мы не какие-то американцы. Только у настоящей нации есть великая религия.

– Абсолютно с вами согласен, уважаемый Владимир Вольфович. Надо поднимать русскую церковь... (духовное лицо)

(Перебивают молодые люди) – Да к чему это все? Мы в 21 веке, глобализация и...

(Перебивает В.В.) – Сопляки, ты с кем говоришь! Отец Антоний, извините его, он проамериканец. Таким здесь не место! Продолжайте, пожалуйста...»

Таким образом, мы можем увидеть в данном примере подчинение регламентации в духовной сфере.

У А. Леппера же, напротив, подобного подчинения мы не находим, например:

А.Л.: «Что вы мне тут говорите? Я не собираюсь всего этого выслушивать. Я сам себе хозяин, кем бы вы ни были. Бред. Пустая болтовня. Пока вы не замолчите или не уйдете, я не произнесу ни слова. Обнаглели совсем». (В разговоре с духовным лицом.)

Таким образом, резюмируя все ранее сказанное, можно прийти к следующим выводам.

При сопоставлении двух речевых портретов политиков можно заключить, что они весьма сходны между собой: оба политических деятеля активны в коммуникативных ситуациях (речевая самостоятельность), используют одни и те же речевые жанры схожее (преобладают информационные, императивные и оценочные), оба политика не соблюдают некоторые правила речевого поведения, что выделяет их из всеобщей массы и делает интересными для окружающих. Они свободно переходят от одной социальной роли к другой (то есть обладают речевой мобильностью), однако отмечено и существенное различие – речевое поведение в определенных сферах и ситуациях общения. Так, В. Жириновский представляется активным во всех социальных сферах, кроме духовной, в которой он подчиняется ее (сферы) регламентации, и в этом проявляется его речевая мобильность и коммуникативная ориентированность. Анджей Леппер же, напротив, видится активным во всех коммуникативных ситуациях без исключения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крысин Л.П. Проблема социальной и функциональной дифференциации языка в современной лингвистике // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 49-74.
2. Осетрова Е.В. Речевой портрет политического деятеля: содержательные и коммуникативные основания // Речевой имидж. Красноярск, 2004. С. 34-49.
3. Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. № 1. С. 54-59.
4. Malchawski Z. Polityka / Z. Malchawski. Warszawa: Zielona Sowa, 2006. s. 234.

СЕМАНТИКА И СИНТАГМАТИКА ЧАСТИЦЫ *ДАЖЕ* В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Е.А. Бушина⁴

Нет, он не был жертвой языка; однако проявленный им пристрастный интерес к человеческой душе далеко выходит за пределы русского православия, с которым он себя отождествлял: синтаксис в гораздо большей, чем вера, степени определил характер этого пристрастия.

И. Бродский

Трудно не согласиться со словами И. Бродского. Действительно, синтаксис в романах Достоевского играет значительную роль, внося столько потайного смысла, сколько не вносят никакие другие художественные приёмы. Каждое слово, каждый знак используются писателем не случайно, и так же не случайно эти слова и знаки складываются в эмоциональные и не вполне логичные предложения, что затрудняет понимание текста. В произведениях Достоевского «...герои проявляют свои характеры, отношение к другим не только и не столько благодаря действиям и поступкам, но и благодаря высказываниям во время диалогов или монологов» [Синсинь Чэнь, 2004. С. 251]. И если попытаться проанализировать особенности синтаксиса писателя, то можно по-новому взглянуть на прочитанное.

Особое значение у Достоевского приобретают частицы. Их употребление в непривычных читателю позициях создаёт определённую атмосферу в романах. Задачей настоящей работы является анализ особенностей семантики и синтагматики частицы *даже* в одном из самых значительных произведений писателя – в романе «Идиот».

Если сравнивать, как представлено значение слова *даже* в современных словарях русского языка, то можно сказать, что «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой предлагает одно из самых широких

---

⁴ Научный руководитель – к.ф.н., доц. Башкова И.В.

толкований этого слова: данный словарь выделяет четыре значения *даже* как частицы и одно как союза: 1. частица. Употребляется при сообщении о том, что противоречит ожидаемому, осуществляется вопреки ему. *Шум не смолкает даже ночью. Все притихли, даже дети. Очаровательна даже без всяких украшений*; 2. частица. Употребляется при сообщении о том, что осуждается как противоречащее узусу. *Даже матери грубит. Обидит даже ребенка. Не подаст даже куска хлеба*; 3. частица. Употребляется для выделения той части сообщения, которая его подтверждает, приводя дополнительные аргументы или еще более вескую информацию. *Умен, даже талантлив. Холодно, даже, кажется, снег идет. Мила, даже красива*; 4. частица. Употребляется для выражения неожиданности и интенсивности того действия, о котором сообщается. *Даже заплакал от радости. Обиделась, даже слушать не хочет*; 5. союз. Присоединяет предложение или член предложения со значением уточнения, добавления. *Ветер сильный, даже провода гудят* [Ожегов, Шведова, 1992].

В реальных предложениях частица *даже* может присоединяться к элементам любой грамматической природы: а) к существительному: *Даже щеки ее разругались более обыкновенного*; б) к глаголу: – *Что ж ты молчишь? – даже топнула ногой Лизавета Прокофьевна*; в) к прилагательному: *Но случай, можно сказать, даже психологический*; г) к наречию: *Было даже довольно малоллюдно, сравнительно с прежними годичными собраниями в такие же дни*; д) к местоимению: *А Вам это смешно, вам это дико кажется, а при некотором воображении даже и такая мысль в голову вскочит* [Крейдлин, 1997. С. 108].

Особенностью романа «Идиот» является то, что в нем частица *даже* сочетается со словами, имеющими, казалось бы, противоположное значение. Одним из самых распространенных в данном тексте примеров такого употребления является сочетание частицы *даже* с наречием *почти*: *В последний год я даже почти помирился с Тибо и с пастором*.

В приведенном примере *даже* употреблено в значении «произошло то, чего герой не ожидал», а *почти* означает «едва ли не, чуть ли не», в результате сочетание *даже почти* выражает смысл «чуть не произошло то, что могло бы произойти».

Таким образом, в сочетании *даже* и *почти* прослеживается явное противоречие: получается, что герой ожидал «почти примирения», но этого невозможно ожидать. Можно ожидать лишь примирения, без *даже*.

Ещё один пример: *Кроме них, разумеется, был и Ганя, – тоже очень мрачный, очень задумчивый и даже почти совсем "нелюбезный", большей частью стоявший в стороне, поодаль, и молчавший.*

Это ещё более нетривиальный случай: в блоке *даже почти совсем*, помимо противоречия между словами *даже* и *почти*, уже рассмотренного нами выше, содержится противоречие в сочетании *почти совсем*.

В романе «Идиот» частица *даже* часто употребляется в комплексе с другими частицами, и самым частотным сочетанием является *даже и* (105 случаев употребления – более 10%).

Как отмечает Т.М. Николаева, русское *и* обладает способностью активно вступать в соединение с другими частицами, образуя комплексы, которые одни авторы считают соединением частиц, а другие – единой сложной частицей. *И* может быть расположено как справа, так и слева от другой частицы – *даже и*, *и даже*. Мена местами в комплексе «частица + *и*» ведёт либо к несущественному изменению смысла, либо к его полному нарушению [Николаева, 2005].

По традиционной классификации в таком сочетании обе эти частицы выступают как усилительные. Если опустить частицу *и*, смысл предложения фактически не изменится. Избыточность частиц, вероятно, необходима для экспрессии. Примеры такого употребления:

- а) *А мне тогда же пришла в голову одна мысль: а что, если это даже и хуже? Вам это смешно, вам это дико кажется, а при некотором воображении даже и такая мысль в голову вскочит;*
- б) *– Еще бы ты-то отказывал! – с досадой проговорил генерал, не желая даже и сдерживать досады;*
- в) *Детям запретили даже и встречаться с нею, но они бегали потихоньку к ней в стадо, довольно далеко, почти в полверсте от деревни.*

Однако если опустить частицу *даже*, то изменится не только смысл предложения, но и вообще атмосфера

текста, так как *даже* имеет значение «ожидаемого / неожиданного».

До самого финала романа царит ощущение неопределённости и раздвоенности, от которой более всех страдает единственный нормальный, «положительно прекрасный человек» князь Мышкин. Поэтому можно наблюдать частое использование неопределённых местоимений, которые и создают необходимую писателю атмосферу некой неясности, а в сочетании с частицей *даже* ощущение неясности, неопределённости становится запредельным, как бы выходящим за грани нормы:

а) – Не знаю, как вам сказать, – ответил князь, – только мне показалось, что в нем много страсти и даже какой-то больной страсти.

б) Это даже какая-то во мне симпатия.

в) <...> эти два контраста возбуждали как будто даже какое-то сострадание при взгляде на эти черты.

Таким образом, частое употребление в романе «Идиот» частицы *даже* (нередко в комплексе с другими частицами) показывает, насколько высока степень отклонения от нормы в мире, созданном Достоевским, – всё у героев не так. Атмосферой нервозности и хаоса, царящих в этом мире, читатель заражается с самого начала книги и «болеет» этой атмосферой до самого финала. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» частица *даже* является важным средством создания атмосферы, в которой события происходят неожиданно... не так, как предполагают читатель и герои романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Крейдлин Г.Е. Лексема ДАЖЕ (1975) // Семиотика и информатика. М.: Языки русской культуры, 1997. Вып. № 35. С. 108-120.
3. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 2005. 168 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1992. 2-е изд., испр.

и доп.

5. Синсинь Ч. Обращение и именование человека как художественное средство в романе Достоевского «Идиот» [Электронный ресурс] // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы: / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 251-252. Режим доступа: <http://www.ksu.ru>.
6. World Art. Бродский И. О Достоевском [Электронный ресурс] // И. Бродский. 1980. Режим доступа: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7902>.

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ КАК ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

А.А. Володина⁵

В последнее время наука о языке проявляет все больший интерес к изучению языка в межличностных, массовых и межкультурных коммуникациях. Это вызвано, прежде всего, необходимостью решения важных задач практического характера.

На территории Красноярского края, по данным переписи 2002 года, проживают представители 137 этносов. Национальный аспект пронизывает различные стороны жизнедеятельности края: его экономику и социальную сферу, культуру и образование, общественную и духовную жизнь. Активное освоение северных территорий края и мощный приток инокультурных трудовых мигрантов делает чрезвычайно актуальной проблему оптимизации и поиска новых путей анализа межкультурного общения (МО).

МО понимается как общение носителей разных культур и – обычно – разных языков. Интерес к проблемам

---

⁵ Научный руководитель – д.ф.н., проф. Фельде О.В.

МО сейчас чрезвычайно велик во всем мире и особенно в Западной Европе, где во второй половине XX века сформировались полинациональные мультикультурные государства, в которых различные национальные общины сосуществуют, не ассимилируя друг друга. Поскольку экономическая заинтересованность в таком совместном сосуществовании преобладала над культурным и национальным эгоизмом, это активизировало поиск оптимальных форм МО.

Психологические исследования, основная масса которых, как отмечает Е.Ф. Тарасов, появилась в англо-американском культурном пространстве, разделились на два подхода, противоположных по своим установкам: универсализм и культурный релятивизм. Это объясняется тем, что на постановку научных задач повлияли практические проблемы конкретного культурного пространства: «психологи США в основном занимались анализом адаптации к американской культуре носителей других культур: иммигрантов, студентов, обучающихся в вузах США, и т.п. В Европе же, кроме процессов адаптации к чужой культуре, изучались и новые проблемы – проблемы создания мультикультурного общества, которое предполагает не ассимиляцию культуры пришельцев культурой коренных жителей страны, а диалог культур» [Тарасов, 2004. С. 42].

При этом важно отметить, что в европейском научном сообществе МО рассматривается «не только как средство создания общего европейского сознания, но и как средство сохранения и поддержания собственной культуры, поскольку оригинальность собственной культуры осознается только в МО на рубеже культур, точнее – на границе двух сознаний <...> Роль своей культуры в качестве средства познания чужой культуры, а также и чужой для познания своей, хорошо осознается и достаточно широко используется в преподавании иностранных языков как интеркультура, которая возникает в межкультурном общении как совокупность 1) познавательных средств своей культуры, привлеченных для познания средств культуры чужой; 2) нового знания о чужой культуре, сформированного в процессе ее познания; 3) нового знания о своей культуре, созданного при познании чужой культуры» [Там же. С. 42-44].

Интерес к проблемам МО, отмечает Е.Ф. Тарасов, «совпал по времени с вытеснением бихевиоризма из психологии и формированием интереса к анализу процессов приема, передачи, переработки и хранения

информации, что привело к созданию теории информации, когнитивной психологии, когнитивной лингвистики и даже когнитивной науки. Смена бихевиористской парадигмы, внимание психологов к исследованию познавательных процессов, формирование новых подходов к исследованию общения и использование моделей коммуникативного акта как методологических схем анализа (так называемый коммуникативный подход), применение ЭВМ и компьютерных программ для изучения мыслительных процессов человека (искусственный интеллект) – все это получило название когнитивного поворота» [Там же. С. 43].

В отечественной науке МО, в той или иной степени всегда входившее в объектную область лингвистики, в настоящее время стало объектом исследования не только собственно лингвистики, а, что особенно важно, объектом стыковых дисциплин: психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, когнитивной психологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии.

В.А. Пищальникова отмечает, что в конце XX – начале XXI вв. сама логика развития науки поставила в центр лингвистических исследований психологическую парадигму: «...теоретический уровень развития отечественной науки о языке таков, что ей становится тесно в когнитивных рамках и она все чаще обращается к исследованию всех различных процессов, механизмов, способов познания человеком действительности, в том числе механизмов, совершающихся в языке и фиксированных языком» [Пищальникова, 2003]. Обоснование интегративного подхода к анализу языка представлено также в работах А.А. Залевской.

Таким образом, современный этап исследования МО представляет собой принципиально новый период анализа этого традиционного объекта лингвистики: с изменением и усложнением самого объекта анализа (т.е. возрастанием объема, интенсивности и многообразия межкультурных контактов) формируются новые, интегративные подходы к его изучению, используется все более разнообразный исследовательский инструментарий, разрабатываются новые методики исследования.

Когнитивный поворот в психологии естественным образом обусловил и очертил предметную область в анализе МО: в первую очередь, это закономерности использования знаний при достижении взаимопонимания в

МО. Проблема функционирования знаний в речевых процессах получила название «проблема языкового сознания человека». С середины 1980-х гг. эта проблема занимает центральное место в работе Сектора психолингвистики Института языкознания РАН, в рамках которой исследуется формирование структур языкового сознания, создание общности этих структур у субъекта и объекта речевого воздействия, что является основной предпосылкой осуществления общения, адекватного задачам субъекта речевого воздействия, и использования структур сознания в речевом общении.

По мнению Е.Ф. Тарасова, «языковое сознание понимается как совокупность структур сознания, в формировании которых были использованы социальные знания, связанные с языковыми знаками, или как образы сознания, овнешняемые языковыми средствами, отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового сознания интегрируют в себе языковые знания, формируемые самим субъектом, преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств в предметной деятельности» [Тарасов, 2003. С. 9].

Для изучения проблемы языкового сознания Е.Ф. Тарасовым было сформировано представление о межкультурном общении как самой адекватной онтологии анализа языкового сознания, которая позволяет наиболее удобным способом (на границе этнических культур) выявлять и фиксировать этнокультурную специфику языкового сознания, а также созданы методологические и теоретические предпосылки исследования языкового сознания, сформированы методики анализа этнокультурной специфики языкового сознания в межкультурном общении.

Специфика общения при использовании конкретного национального языка состоит 1) в специфике построения речевой цепи, осуществляемого по грамматическим правилам этого языка, и 2) в специфике образов сознания, отображающих предметы конкретной национальной культуры. Следовательно, для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы коммуниканты обладали 1) общностью знаний об используемом языке (и общностью навыков речевого общения), а также 2) общностью знаний о мире в форме образов сознаний.

Есть основание полагать, считает Е.Ф. Тарасов, что «главная причина непонимания при МО не различие языков – сформировать навыки говорения (письма) и слушания (чтения) сравнительно просто, – а различие национальных сознаний коммуникантов. Для анализа проблем взаимопонимания (непонимания) в МО целесообразно проблему общения носителей разных национальных культур понимать как проблему общения носителей разных национальных сознаний» [Тарасов, 2004. С. 40].

Возникшее в московской психолингвистической школе понятие «языковое сознание», с которым напрямую связаны проблемы межэтнического взаимодействия, в течение двух последних десятилетий получило широкое распространение. «Когнитология рассматривает соотношение стабильных ментальных структур и стабильных единиц языка, образующее когнитивные структуры/модели. Психология в интересующем языковедов аспекте исследует соотношение тела знака с эмоцией как экспликацией мотива, используя в качестве интерпретирующих моделей психологическое значение и личностный смысл. Психолингвистика выявляет глубинные соотношения ментальных структур, мотивов речевой деятельности через вербальные и невербальные ассоциации, стабильные языковые и когнитивные структуры, эмоциональные экспликации в телах знаков. Поэтому интерпретирующей моделью современной психолингвистики является не столько личностный смысл, сколько концепт/образ языкового сознания» [Пищальникова, 2003].

В последние годы понятие «языковое сознание» активно используется как в психолингвистических работах, так и для обозначения тематики психолингвистических симпозиумов и конференций. Это, по мнению Т.Н. Ушаковой, свидетельствует о том, что «названное словосочетание стало термином, удобным для объединения специалистов психолингвистической ориентации, поскольку оно подчеркивает слитность главных составляющих речевой деятельности: психологического и лингвистического элементов» [Языковое сознание и образ мира, 2000. С. 2].

При этом Т.Н. Ушакова отмечает, что сам термин «языковое сознание» нуждается в уточнении. Эту точку зрения разделяет, в частности, И.А. Стернин, который, понимая под языковым сознанием психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека, считает, что необходимо разграничить понятия

языкового и коммуникативного сознания, поскольку речевая деятельность является компонентом более широкого понятия коммуникативной деятельности человека [Стернин, 2003. С. 64].

Таким образом, проблема языкового сознания еще далека от своего окончательного разрешения как в практическом, так и в теоретическом плане. А.А. Залевская отмечает, что при продолжающемся накоплении аспектов и фрагментов языковой картины мира (или образа мира) носителей разных языков и культур все более наглядно проявляется стремление осмыслить теоретические аспекты исследуемой проблематики, разграничить смежные понятия и дать им более четкие определения [Языковое сознание и образ мира, 2000]. Е.Ф. Тарасов также справедливо считает, что «межкультурное общение — это новая и многообещающая онтология анализа языкового сознания, но ставящая новые теоретические проблемы и требующая их решения» [Тарасов, 2004. С. 46].

Мы разделяем позицию Е.Ф. Тарасова в том, что онтология межкультурного общения не только создает оптимальные условия для анализа национальных языковых сознаний, но и способствует их развитию – благодаря нарушению автоматизма восприятия своего национального сознания и формированию инокультурного сознания. Это делает контролируемыми такие уровни сознания, которые обычно не осознаются. И в этом нам видится залог ответа на главный вопрос, сформулированный еще в начале XX века Питиримом Сорокиным: «Как научиться жить вместе?»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пищальникова В.А. Психолингвистика и современное языковедение [Электронный ресурс] // Методология современной психолингвистики: Сборник статей. Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Режим доступа: <http://psycholing.narod.ru/monograf/pi-psy-hrest.htm>
2. Стернин И.А. Развитие русского коммуникативного сознания и прогнозирование развития русского языка // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Ч. I. Воронеж, 2003.
3. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания //

- Этнокультурная специфика языкового сознания. Сб. под ред. Н.В. Уфимцевой. М., 2003.
4. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики, 2004, № 2.
  5. Языковое сознание и образ мира. М., 2000.

ПОЛЯРНОСТЬ ДУХОВНОГО СТИХА: КОННОТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Т.В. Еремеева⁶

Изучение фольклора занимает одно из ведущих мест в русской филологии. Эта многогранная и сложная система не является строго централизованной, влияние фольклора распространяется практически на все сферы жизни человека – таким образом, устное народное творчество граничит и тесно взаимодействует с другими культурами. Одним из примеров этого слияния можно назвать такой сложный и необычный жанр фольклора, как духовный стих. Возникшие на юго-западе России около XVIII века, они сложились гораздо ранее, могли исполняться во внелитургической ситуации и быть связаны с календарем. Истоком для развития этого жанра послужили в большинстве своем книжные источники христианской литературы, которая стала активно проникать на Русь после ее крещения. Это были сюжеты из Ветхого и Нового завета, притом чаще в толковании христианских писателей, поучения и слова отцов церкви, жития святых. Кроме того, существовал целый пласт не признаваемой официально церковью литературы – это так называемые апокрифы, апокрифические переложения и толкования.

Основой данной статьи послужили тексты духовных стихов (33 единицы), взятых из архива фольклорно-этнографического ансамбля «Тропина» г. Дивногорска.

Находясь на границе устной народной и книжной христианской культур, этот жанр сочетает в себе признаки и качества и той, и другой и, по мнению Ф.И. Буслаева, является «посредником» между ними [цит. по: Никитина,

---

⁶ Научный руководитель – к.ф.н., доц. Сперанская А.Н.

1993. С. 47]. Такая дуалистическая природа – одна из важнейших особенностей стихов. Как и любой жанр народного творчества, духовный стих бытует в большинстве своем в устном употреблении и несет в себе *символичность* как одно из специфических качеств христианской культуры. Неоднозначность является одной из языковых особенностей духовного стиха, выражаясь и в самом содержании произведения, и в отдельных его словах – так называемых ключевых словах-символах, которые не только отражают языковую специфику духовного стиха, но и часть национальной культуры. Являясь коренными словами того или иного языка, ключевые слова и воплощенные в них концепты (понятия, образы, символы) отражают различные культурные идеалы, национальный характер и национальные идеи. Они сохраняют в своем значении опыт народа, его нравственную позицию, его, как принято говорить, менталитет [Вежбицкая, 1999. С. 112].

Тем более важным кажется выявление ключевых слов такого жанра фольклора, как духовный стих, так как он не только сохранил в себе многие особенности как устной народной, так и книжной христианской культуры, но и является до сих пор актуальным именно в научной сфере. Несмотря на то, что исследователей этого жанра немного, равно как и сборников, духовные стихи по своей серьезности, возвышенности содержания и исполнению противостоят большинству разделов устного народного творчества [Селиванов, 1991. С. 25].

Ключевые слова оказываются наиболее семантически нагруженными и часто встречающимися в духовных стихах. Таким образом, неся на себе главное смысловое ударение, они связывают между собой все элементы структуры стиха, являются его каркасом. Однако каждое ключевое слово имеет свой ряд особенностей, и среди них – частотность и семантическая наполненность, нагруженность слова. В качестве их экспликации как наиболее эффективный и удобный способ может служить особым образом составленная словарная статья – тезаурусное описание, которое позволяет учесть все связи слова с соседними ключевыми словами, более точно очертить его семантическое поле. Один из таких способов экспликации семантики слова разработала С.Е. Никитина в своей книге «Устная народная культура и языковое сознание». Под тезаурусом С.Е. Никитина понимает словарь с эксплицитно выраженными семантическими связями его единиц, а заголовочными значениями являются традиционные фольклорные значения – элементы фольклорной картины мира (в данном случае – ключевые слова).

В основном такой словарь – словарь сочетаемостный, фиксирующий постоянные, устойчивые связи слова, включающий названия типовых синтагматических и тех парадигматических партнеров слова, которые сосуществуют в одном тексте. В данном исследовании параметры рассмотрения ключевого слова несколько сокращены по сравнению с тезаурусным описанием С.Е. Никитиной. Ключевое слово анализируется по следующим признакам: словообразование, синонимы, антонимы слова, его внешний и внутренний атрибут, действие как объекта/субъекта и действие на него как на объекта/субъекта, локус действия и инструмент.

Для анализа из духовных стихов были выбраны следующие наиболее характерные для русского духовного сознания ключевые слова: *Бог, Мать, Ангел, Небо, Царство, Гора, Книга, Храм, Древо, Крест, Душа, Тело, Птица, Путь, Страна, Земля, Грех, Лукавый*. Из них наиболее показательными с точки зрения семантической нагруженности и частотности являются следующие:

БОГ

Словообразование – *божий, божья, боговоплощенье*

Синонимы – *Господь, Владыка, Отец Небесный, Спаситель, Царь, Христос*

Антонимы/оппозиты – *Лукавый, Дьявол*

Внутренний атрибут – *предивен*

Действие – *жить, звать, поднять, нести, упасть, пробудить, помиловать, давать, велеть, посылать, спасти, родиться, воплотиться*

Субъект действия – *славить, просить, уповать, молиться, поклониться*

Локус действия – *правая сторона, Царство Небесное, рай*

Инструмент – *милость*

ГРЕХ

Словообразование – *грешник, грешный, греховный*

Синонимы – *сети, страсти*

Внутренний атрибут – *бедный*

Внешний атрибут – *мрак*

Действие – *закрывать, вырастать, дать, судить*

Субъект действия - *растить, поливать*

Инструмент – *злость*

ДУША

Словообразование – *духовный*

Синонимы – *дух*

Антонимы/оппозиты – *тело*

Внутренний атрибут – *бессильная, грешная*

Субъект-действие – *спать, просыпаться, идти, найти, скорбеть, унывать, разлучаться, уповать, распрощаться, вести разговор, держать*

Объект/субъект действия – *изливать, молиться*

Инструмент – *вера, грусть*

Эти три лексемы и являются наиболее частотными и семантически наполненными в духовных стихах. В соответствии с этим фактом можно сделать вывод, что существует определенная закономерность распределения ключевых слов в духовном стихе. Кроме того, можно также заметить, что все ключевые слова определенным образом связаны между собой не только как лексемы, характерные для данной культуры. Исходной базой для выбора и переосмысления ключевого слова является национально-культурная значимость ассоциата, его обычность, понятность для носителей данного языка, символическая осознанность [Телия, 1986. С. 106]. Таким образом, этот аспект свидетельствует о некотором ореоле, который окружает любое слово-символ, или коннотации. Данным термином называют некую атмосферу, которая наслаивается и пронизывает предметно-логическое значение слова, то есть коннотацией можно назвать ближайший ассоциативный комплекс слова. Например, у слова *Бог* это будут лексемы *Мать, Ангел, Небо, Царство* – несколько менее частотные и семантически нагруженные слова по сравнению со словом-доминантой.

Таким образом, условно в коннотациях ключевых слов духовных стихов можно выделить три уровня, или слоя. Первый – это непосредственно сама лексема-доминанта:

...А у правой стороны

Сам *Господь* и *Бог* живет.

Сам *Господь* и *Бог* живет,

Он и нас к себе зовет.

Во втором слое – наиболее близкие коннотации лексемы «Бог», ближайший ассоциативный комплекс слова-доминанты. Это ключевые слова *Ангел, Небо, Царство, Гора*:

...Радость духовную, радость спасения

В сердце мое положи.

В *Царство* небесное, в мир утешения

Путь мне прямой укажи.

...А вы голуби, а вы сизаи,

А вы где были, куда летали.

А мы там были, туда летали.

На *Сеяны горы*, на расстаньце.

Третий слой можно условно обозначить «проекцией на землю» – в него входят ключевые слова *Книга*, *Храм*, *Древо*, *Крест*, которые также входят в ассоциативный ореол слова-доминанты, но по смысловой нагрузке и частотности стоят дальше в коннотации, несут несколько другую семантику, более «приземленную»:

...Читает *книгу* ту святую,

Где силен Господа закон.

...Но он [человек], как *древо* у потока,

Питается от светлых вод.

И разрастается широко,

Он там спасеньем возрастет.

...Так носи свой *крест* с терпеньем,

А на долю не ропщи,

А терпения и силу

Ты у Господа проси.

Следующее слово-доминанта – ДУША. Эта лексема присутствует в любом духовном стихе, но выражаться может по-разному, например, через второй уровень, точнее сказать, через ключевые слова, которые в него входят:

- Птица (как символ души или ангела):

...Вы *голуби*, вы сизые,

Мы не голуби, мы не сизые.

Мы – *ангелы*, мы – хранители,

Душе с телом покровители.

- Тело как оппозит слову «Душа»:

...Тебе, *тело*, в сырой земле лежать,

А мне, *душе*, ответ держать.

Тебя, *тело*, будут черви точить,

А мне, *душе*, на допрос идти

Перед грозным судьей –

Самим господом.

Третий слой коннотации также является несколько сниженным. Это ключевые слова, наиболее приближенные к миру человека, к действительности – *Путь, Страна, Земля*. В них заключается идея выбора земного пути:

...Прими теплейшие моления,

Мой дух от зол и бед избавь.

Пролей мне в сердце умиление,

На *путь* спасения наставь.

...Праведники идут правой *стороною*,

Грешники идут левой *стороною*.

...Братья, сестры в рай пошли,

И тебе должно идти.

И тебе должно идти,

Праву *сторону* найти.

Особняком в духовном стихе стоит коннотация слова ГРЕХ, так как она представлена небольшим количеством слов, где доминантой и является эта лексема. *Дьявол* и *Лукавый* встречаются гораздо реже. Такое обстоятельство можно объяснить спецификой духовного стиха как назидательного, дидактического жанра – главной его функцией было ограждение человека от неправильного выбора, указание ему именно на праведный путь, на спасение своей души.

Таким образом, духовный стих как система назидательных наставлений и поучений несет уже в своей природе определенную полярность – верх и низ, темное и светлое; между ними – земное, человеческое с высоким и низким, светом и тьмой. Эта полярность – свойство христианской культуры в целом, где противником Бога всегда

был Дьявол, а Душа совершала выбор между ними, выбор жизненного пути. Следовательно, каждый духовный стих также отражает эту особенность – в любом стихе условно можно выделить три аспекта:

- полюс «+», к которому относятся такие слова, как *Бог, Ангел, Мать, Царство, Небо, Храм*;
- полюс «-» – его составляют лексемы *Грех* и *Лукавый*;
- и особенная часть между двумя этими полюсами – «поле выбора», – к которой можно отнести слова *Душа, Тело* как ее оппозит, *Птица* как символ Души или Ангела, а также *Путь, Сторона, Земля*, ясно показывающие семантику выбора в этом поле.

Итак, в ходе исследования вырисовывается вполне целостная и органичная структура духовного стиха. Каждый стих имеет три семантических поля – два крайних полюса «+» и «-» и особый промежуток между ними – «поле выбора». В каждом из этих трех аспектов имеется свое ключевое слово-доминанта, самая значимая, семантически наполненная и частотная лексема. В полюсе «+» таким словом является *Бог*, в полюсе «-» – *Грех*, а в поле выбора – *Душа*. Тем не менее, ключевые слова не являются единственно важными лексемами, составляющими тот или иной аспект структуры стиха. Слово-доминанта оказывается окружено многими слоями и уровнями коннотаций, которые пронизывают и дополняют его семантическое значение.

Ключевые слова в данном случае играют немаловажную роль, так как вне зависимости от частотности и семантического наполнения ключевого слова, оно относится к тому или иному полюсу – такова специфика мышления русского народа. Именно через слова-символы человек на ассоциативном уровне относит их к тому или иному полюсу – полюсу добра или зла, Бога или Греха – вполне возможно замещение лексемы-доминанты любым словом из всех трех уровней ее коннотации. Вариативный дополнительный элемент в данном случае играет в духовном стихе не меньшую роль, чем играло бы главное слово на его месте.

Таким образом, так или иначе, все три полюса оказываются в любом стихе, но выражаться они могут как эксплицитно – прямо через доминанты, так и имплицитно – через лексемы, входящие в коннотацию главного слова. Однако, несмотря на это, человек, «считывающий» картину мира с любого духовного стиха, не ошибется и не

запутается, так как на ассоциативном уровне он отнесет слово-заместитель именно к тому полюсу, в коннотацию доминанты которого оно входит. В этом и состоит одна из самых интересных и важных особенностей такого необычного жанра фольклора, как духовный стих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1999. 416 с.
2. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 189 с.
3. Стихи духовные / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. М.: Сов. Россия, 1991. 333 с.
4. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.

СПЕЛЕОНИМЫ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

А.С. Жилина

Основное назначение географического названия – фиксация места на поверхности земли. Точные науки предлагают другой способ такой фиксации – с помощью системы координат. Но такой способ был создан относительно недавно и доступен лишь специалистам с серьезной и длительной подготовкой, да к тому же еще и с хорошей памятью на числа. У людей всех стран с незапамятных времен выработался способ фиксации окружающих их объектов с помощью слов. Поскольку основное назначение топонимов – территориально фиксировать объекты, в представлении каждого человека определенное географическое название связано с известным местом и эпохой. Это пространственное распределение топонимов позволяет им быть представителями и хранителями значительной культурной информации. Географические названия на каждой исторически или географически выделяемой территории образуют определенную систему. Каждый топоним не только создается для

называния какого-либо объекта, но и употребляется в речи людей, говорящих об этом объекте. Следовательно, он должен быть понят, принят, усвоен.

Филолог, побывавший в пещерах, не может не обратить внимание на названия различных выступов, переходов, галерей: *Грот психов, Чертово колесо, Кощеево Царство, Свадебный ход*. Обычно эти названия дают первопроходцы по первому впечатлению и очень точно передают обстановку и характер места.

К спелеонимам, кроме названий пещер и пещерных систем, Е.М. Поспелов относит также названия следующих элементов карстовых полостей: галерей; проходов, ходов, лазов, расщелин, гротов и залов; колодцев и шахт; сифонов, озер, рек, водопадов, каскадов [Поспелов, 1988. С. 82].

Названия элементов пещер всегда включают спелеотермины, определяющие характер именуемых элементов (зал, проход, шахта и т. п.).

В задачи нашей работы входит анализ спелеонимов и рассмотрение их в свете теории номинации. Источником их исследования послужил кадастр пещер Красноярского края. Нами было выделено 298 спелеонимов самых посещаемых подземных участков края.

Теоретической базой послужили труды по топонимике и теории номинации таких ученых, как Н.В. Суперанская, В.А. Никонов, Э.М. Мурзаев, М.В. Голомидова, Е.Л. Березович.

Нами были выделены следующие ономаσιологические модели наименований спелеообъектов:

Указание на дислокацию объекта (номинативный ответ на вопрос «где находится ландшафтная реальия?»). Среди них выделяются спелеонимы, указывающие на отнесенность к известному пространственно смежному объекту: пещера *Торгашинская* (находится в 6 км от поселка *Торгашинский*); пещера *Козыреевская* (находится в границах горы *Козыреевский зуб*). Спелеонимы со значением общепространственной ориентации: грот *Верхний*, пещера *Западная*.

Следующая ономаσιологическая модель – указание на физические и геологические свойства объекта (номинативный ответ на вопрос «какой по своим автономным качествам?»).

Это спелеонимы, «имеющие характерную форму»: грот *Наклонный*, грот *Плоский*; а также спелеонимы, «подобные кому-либо, чему-либо по форме»: Среди подобных спелеонимов встречаются наименования, образованные по следующим моделям:

а) простые сравнения: грот *Бутылка*, грот *Подкова* (эти объекты по форме напоминают соответствующие реалии);

б) образно-изобразительные: ход *Хобот Мамонта*, ход *Бахчисарайская канализация*.

Далее нами были выделены спелеонимы, указывающие на особенности окраски, освещенности: грот *Голубой*, *Изумрудное Озеро*, грот *Белокаменный*.

Также нашли свое отражение в наименованиях свойства покровного слоя, наличие натечных образований в покровном слое: грот *Снежный*, пещера *Ледяная*.

Вообще снежно-ледяная тематика широко представлена в спелеонимии. Она основана как на реально существующих признаках (пещера *Снежная*, пещера *Ледяная*), так и на связанных с ними представлениях: грот *Зимний*. Далее следуют объекты, «имеющие покровный слой, подобный...»: ход *Бисерный*, ход *Кристалльный*, ход *Коралловый*; «имеющий устойчивый/неустойчивый покровный слой»: грот *Обвальный*, пещера *Сыпучая*.

Отражены в названиях и звуковые свойства подземных полостей: грот *Тишины*, грот *Эхо*.

Следующую ономаσιологическую модель можно определить как указание на наличие характерного предмета внутри спелеообъекта (ответ на вопрос «по какому предмету можно опознать объект?»): грот *Сталактитовый*, грот *Трех Озер*.

Очень интересны спелеонимы, описывающие комплексно воспринимаемую картину внутреннего пространства:

грот *Будуар королевы*, грот *Хаос*.

Отражается и описание биосферы: пещера *Рысья*, грот *Летучих мышей*.

Спелеонимы, образованные от названий животных и растений, не всегда отражают реальную подземную флору и фауну. Некоторые зооназвания обусловлены зрительными ассоциациями, возникающими вследствие особенностей той или иной пещеры, грота (грот *Тигра*, грот *Лотос*, грот *Ручей цветов*, ход *Дракона*).

И, наконец, описание социосферы: пещера *Охотничья*, пещера *Партизанская*.

Ботанические названия пещеры получают обычно за наземную растительность, имеющуюся при входе в них (пещера *Брусничная*).

Встречается в спелеонимах отражение климатических условий: пещера *Прохладная*, ход *Сквознячок*.

Следующая модель дает нам указание на порядок обнаружения, наречения объекта: пещера *Девятка*, грот *Первый*.

Часто встречается в наименованиях оценка каких-либо качеств объекта. Она может быть как положительной: *Волшебный лабиринт*, пещера *Семь чудес света*, так и отрицательной: грот *Безнадежный*, грот *Обманчивый*.

Отмечены самые разнообразные наименования, выражающие возбуждение эмоционального отклика:

а) апелляция к эмоциональным или ментальным состояниям человека: грот *Резонанс*, грот *Мечтаний*;

б) апелляция к воображению, фантазии через привлечение условных и отстраненных образов: это образ, «подобный звездам», – ход *Сатурново кольцо*; «расположенный под землей» – грот *Склеп*, пещера *Могилы*; «принадлежащий к иному миру (загробному, фантастическому, сказочному, мифическому)» – система *Кащеево царство*, галерея *Фреди Крюгера*.

Многочисленны и разнообразны мемориальные спелеонимы, т. е. названия, присвоенные в честь лиц,

учреждений, событий, профессий. Их можно разделить на «персональное посвящение»: грот *Нины* (в честь девушки, пропавшей в этом гроте), грот *Фиделя*; «коллективное посвящение»: галерея *Романтиков*, грот *Мазохистов*.

Встреча в мире мрака и безмолвия с весенними радостными названиями, такими как грот *Весны*, галереи *Надежда*, свидетельствует лишь о бодрости и оптимизме исследователей.

Из рассматриваемых примеров названий пещер и их элементов нами было отмечено, что зачастую спелеообъектам присваиваются одинаковые или близкие по смыслу названия, т. е. сходные условия подземного мира вызывают у исследователей и сходные ассоциации. Не исключено, что в некоторых случаях имеет место и сознательное подражание, и бессознательное использование укоренившихся в памяти спелеонимов из других пещер.

Следует отметить, что при изучении спелеонимии нужно иметь в виду, что видимые на поверхности земли пещеры, шахты и другие полости имеют в большинстве случаев местные народные названия. Их известность, как правило, ограничивается одним селением или даже одной небольшой группой лиц, знающих пещеру. Задача состоит в выявлении народных названий и в их научном объяснении.

Внутренние элементы пещер у местного населения в основном не имеют названий. Их искусственное наименование спелеологами вполне правомерно. Однако следует избегать неуклюжих многословных названий, названий-аббревиатур, расшифровка которых доступна лишь ограниченному кругу лиц. Особенно нуждается в упорядочении присвоение названий в честь отдельных лиц – их нужно сделать действительно мемориальными, увековечивающими память людей, заслуги которых велики и бесспорны. При присвоении новых названий пещерам и другим спелеообъектам обязательно должен использоваться богатейший опыт номинации объектов наземных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.
2. Бурмак И.Н., Михеев В.Е., Кириченко В.С. Кадастр пещер Красноярского края. Красноярск, 1999.
3. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1998.
4. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974.
5. Мурзаев Э.М. Топонимика и география. М.: ВМГУ, 1963, № 3.
6. Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974.
7. Поспелов Е.М. Туристу о географических названиях. М.: Профиздат, 1988.
8. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.
9. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985.
10. Цыкин Р.А., Добровольский М.Н. Пещеры Красноярского края. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1974.

РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ И СТРАТЕГИИ В БЕСЕДЕ М. МАКСИМОВСКОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОГРАММЫ «НЕДЕЛЯ»)

Е.А. Касацкая⁷

Актуальной задачей современной русистики является изучение речевой деятельности отдельных индивидов в аспекте лингвистической прагматики [Иссерс, 2006; Ланских, 2008; Федотова, 2006]. Особую актуальность такие исследования приобретают, когда социальным объектом изучения становятся языковые личности журналистов,

---

⁷ Научный руководитель – д.ф.н., проф. Фельде О.В.

писателей, политиков, которые оказывают существенное влияние на функционирование языковых средств, на современные языковые вкусы. Объектом для анализа в настоящей работе впервые является речевая деятельность Марианны Максимовской, телеведущей одной из лучших информационно-аналитических программ, которая выходит по субботам на канале Ren-TV. Предметом исследования избраны коммуникативные тактики и стратегии ведения телебеседы. Подобные исследования имеют практическую значимость для прагмалингвистики, лингвоперсонологии и микросоциалингвистики, которые на данный момент нуждаются в расширении эмпирической базы.

Марианна Александровна Максимовская – заместитель главного редактора службы информации телеканала Ren-TV, автор и ведущая программы «Неделя с Марианной Максимовской».

Первый выпуск этой телепрограммы вышел в эфир Ren-TV 11 октября 2003 года. Уже больше шести лет эта программа еженедельно освещает самые значимые и актуальные события, происходящие в стране и в мире. Объективный и беспристрастный взгляд Марианны Максимовской и её команды делает программу едва ли не эталоном политической журналистики.

Собеседниками М. Максимовской являются известные политики, экономисты, бизнесмены. Разговор с ними не только органически вписывается в структуру информационно-аналитической передачи, но и имеет большое значение для самого жанра программы. Отметим, что в настоящем исследовании под «телебеседой» понимается «беседа телеведущего по заранее намеченному плану с лицом или группой лиц» [Ким, 2005. С. 236]. Телевизионная беседа – одна из форм получения информации разного рода, активизация интеллектуальных возможностей не только её непосредственных участников (ведущей и гостей), но и всех телезрителей (так называемой «третьей стороны коммуникации»). Такая беседа представляет собой акт прямой взаимной коммуникации, осуществляемой посредством слов и невербальных средств (мимики, жестов). Ситуация коммуникативного барьера в таком общении сведена к минимуму. В силу того, что «телебеседа» представляет собой форму интеллектуального общения, здесь могут быть использованы различные коммуникативные стратегии, тактики и приёмы, направленные на выявление

точки зрения коммуниканта, человека сведущего в определенных областях знаний. Мы рассмотрим не все стратегии и тактики, используемые Марианной Максимовской, а лишь наиболее частотные и эффективные.

Итак, первой и самой значительной является **стратегия речевого информирования**, т.е. стратегии речевого поведения, направленные на обмен информацией между автором и его получателем.

В направленных диалогах информативной стратегии, обмена мнениями широко используются:

- тактика явного выражения информации;
- тактики неявного выражения смысла, намёка: *«ММ: Я понимаю вашу точку зрения, но «Единой России» у нас всё равно можно намного больше, даже на улице... Сергей Иванов: Это вы на «нашистов намекаете?»»;*
- тактика уточнения с помощью встречных вопросов: *«И что, по-вашему, раскрутка дачного скандала – это личная инициатива депутата Хинштейна, или это чей-то заказ?»; «Называя вещи своими именами – речь идет о досрочных выборах?»»;*
- тактика неожиданной смены темы: *«Давайте закончим тему выборов. Спикер совета федерации Миронов просто с удивительным упорством лоббирует идею о третьем сроке для Путина, говоря о чаяниях трудового народа и так далее...»; «Давайте поговорим сейчас о том...».*

Широко использует М. Максимовская также **стратегию позитивной тональности общения**, которая призвана снять барьеры в общении, создать атмосферу доверительности. Следуя этой речевой стратегии, телеведущая применяет следующие тактики:

- скрытой комплиментарности: *«То, что Вы сейчас говорите, не произносилось публично уже на протяжении многих лет! (явное восхищение в интонации)»;*
- выражения согласия (свидетельствует не только об очевидном слушании, но и о компетенции собеседника в данной сфере общения): *«Да. Собираются в России»; «Ну, конечно! За счёт чего компании и живут!»*

Стратегию десолидаризации, по нашим наблюдениям, М. Максимовская использует для того, чтобы добиться ответов на злободневные вопросы и придать полемическую остроту беседе. При этом телеведущая прибегает к следующим тактикам:

- прерывания, уточнения: *«То есть это было условие со стороны "Яблока", что Чубайс уходит, тогда вы объединяетесь?»*; *«Кстати, по 2 миллиарда в день. Долларов»*; *«Но они не всем по карману в отличие от тех же поддержанных иномарок»*;
- выражения несогласия с точкой зрения собеседника: *«Сергей Михайлович, ну это же популизм. Ну понятно же золотовалютные резервы на самом деле тают, и вы еще предлагаете снизить собираемость денег за счет понижаемости планки тарифов ЖКХ»*; *«Вот вы сами себе противоречите, получается!»*; *«Подождите. Вы же целый год вели переговоры об объединении, а теперь...»*;
- «красноречивого молчания» в ответ на прямое обращение к ней собеседника.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что четкое выстраивание диалога, владение психологическими и речевыми приёмами ведения публичной беседы, точный выбор стратегии речевого поведения и умелая реализации стратегии в речевых тактиках – всё это ведёт Марианну Максимовскую к достижению цели общения, помогая ей получить нужную и интересную информацию для «третьей стороны» коммуникации – зрителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики. – М.: УРСС, 2006. – 233 с.
2. Ким М.Н. Новостная журналистика. СПб., 2005. 237 с.
3. Ланских А.В. Речевое поведение участников реалити-шоу: стратегии и тактики: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Эл. ресурс]. Екатеринбург, 2008. Режим доступа: [http:// elar.usu.ru/bitstream/](http://elar.usu.ru/bitstream/)
4. Федотова Н.В. Семантика и структура диалогического текста в системе русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Эл. ресурс]. Тамбов, 2006. – Режим доступа: <http:// elar.usu.ru/bitstream/>.

ЦЕННОСТЬ «ДЕНЬГИ» В СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ: СОЦИОПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

А.В. Кишкурин⁸

В данной статье представлены промежуточные результаты исследования, в основе которого лежит социопаремиологический эксперимент. Паремии (пословицы, поговорки и другие виды «народных афоризмов») и авторские афоризмы в своей совокупности – это отражение фольклорной и авторской картин мира, они выступают в нем как инструментарий для социологических и лингвистических научных изысканий. Паремиологический эксперимент заключается в составлении модели отношений участников эксперимента к предложенному материалу паремий, а точнее – к утверждениям, заключающимся в них.

Проводимый нами эксперимент подразумевает апелляцию к ценностному сознанию реципиентов. Ценностное сознание охватывает цели и идеалы, программы поведения отдельных личностей, групп, классов. Его задача – ориентирование человеческой деятельности и в связи с этим оценка объектов с точки зрения их соответствия или несоответствия человеческим потребностям и интересам [Блюмкин, 1981. С. 9]. За понятием «ценность», наиболее синонимичным понятию «благо», также фиксируют, при всей кажущейся субъективности, два объективных момента: свойства материальной вещи или духовного явления и сами потребности и интересы людей, отнюдь не являющиеся продуктами их субъективного произвола, а имеющие глубокие основания в существующей системе общественных отношений, в биосоциальной природе человека [Там же. С. 5]

П.С. Гуревич обозначает ценность как особый тип мировоззренческой ориентации людей, сложившееся в той или иной культуре представление об идеале, нравственных эталонах поведения [Гуревич, 1988. С. 3]. Опираясь на национальный паремиологический фонд, можно судить о системе ценностей, на которую ориентированно сознание этноса. Ценность «ДЕНЬГИ» в градации по четырем степеням важности, от первостепенной до не имеющей значения, приводимой в работе К. Ситарамы и Р. Когделла «Основы межкультурной коммуникации», занимает

---

⁸ Научный руководитель – к.ф.н., доц. Сперанская А.Н.

первостепенное значение у западных культур и второстепенное у мусульманских. В русском паремиологическом фонде насчитывается около 1800 паремий, заключающих в себе представление о ценности «ДЕНЬГИ».

На текущем этапе нашего исследования было опрошено около 100 студентов филологического и юридического институтов СФУ. Респондентам предлагалось заполнить две анкеты, одна из которых была полностью посвящена оценке паремий, а другая – афоризмов. Источником 55 отобранных для исследования паремий послужил сборник В.И. Даля «Пословицы русского народа». 28 авторских афоризмов взяты из «Большой книги афоризмов» К.В. Душенко.

Для получения более целостных и структурированных результатов паремии и афоризмы были сгруппированы по логемам, к которым можно свести заключенные в них смыслы. Логемы – логико-семантические единицы обобщенного характера, под которые могут быть подведены отдельные группы паремий; обобщающая исходная мысль, объединяющая группы конкретных характеристик и оценок отдельных культурно значимых смыслов, выявляемых в паремиологическом фонде.

I. Логемы паремий.

Деньги присутствуют в жизни человека постоянно: *Родись, женись, крестись, умирай – за все денежки подай.*

Деньги – движущая сила в человеческом сообществе: *Стоит крякнуть да денежкой брякнуть – все будет; Денежка дорожку прокладывает; За свой грош везде хорош; Деньга пона купит и Бога обманет.*

Деньги, заработанные человеком, в дальнейшем провоцируют появление у него еще больших денег: *Где много воды, там больше будет; где много денег, там больше будет; Денежки, что голуби, – где обживутся, там и поведутся.*

Текущее отсутствие денег предвещает их появление в ближайшем будущем: *Безденежье перед деньгами; Денег нет – перед прибылью; лишний грош – перед гибелью.*

Сила денег эквивалентна божественной: *Денежка не Бог, а бережет; После Бога – деньги первые; Денежка – молитва, что острая бритва;*

Антонимичные логемы, сопоставляющие силу денег против предварительных договоренностей: *Уговор дороже денег; Деньги лучше уговора.*

Отсутствие денег или их умеренное количество у субъекта освобождает его от лишних проблем и способствует душевному равновесию: *Без денег сон крепче; Меньше денег – меньше хлопот; Лишние деньги – лишняя забота.*

Заработать деньги за определенный отрезок времени не так сложно: *Не деньги нас наживали, а мы деньги нажили; Деньги не голова – наживное дело.*

Отсутствие денег способствует негативному восприятию человека окружающими: *Без денег – бездельник; Без денег – везде худенек; Без гроша – слава нехороша; Без денег – что без рук.*

Деньги быстро заканчиваются: *Деньги что вода; Деньги пух – только дунь на них – и нет.*

Деньги дарят владельцу чувство свободы: *Деньги – крылья.*

Пересчет собственных денег приносит радость их владельцу: *Всего веселее свои денежки считать.*

Деньги требуют от владельца внимания и бережного пересчета: *Деньги счетом крепки; Бог любит правду, а деньги – счет; Копейка к копейке – проживет и семейка.*

Деньги превосходят или равны по значимости уму: *Только ум на деньги не купить, у кого денег нет; Рубль – ум, а два рубля – два ума.*

Невозможно уровнять деньги и духовные ценности: *Деньгами души не выкупишь.*

II. Авторские логемы.

Вычленим логемы, составляющие художественную картину мира, отраженную в авторских афоризмах, сложнее в виду разнообразия заложенных в них идей и мнений. Одна из основных, наиболее четко намеченных линий, – отрицательные стороны могущества денег.

Деньги могут стать доминантой мышления и речевой коммуникации: *Хочется быть богатым, чтобы не думать о деньгах, хотя богатые только о них и думают (Абель Боннар); Если у вас нет денег, вы все время думаете о деньгах. Если у вас есть деньги, вы думаете уже только о деньгах (Пол Гетти); Не важно, о чем говорят, – речь всегда идет о деньгах (Тодд).*

Деньги и здоровье – взаимозависимы, но не равнозначны: *Многие потеряли здоровье, пытаясь заработать все деньги, которые можно заработать; а потом потеряли все деньги, пытаясь вернуть здоровье.*

Противопоставлены друг другу авторские представления об отношении к деньгам, характерном для людей, их не имеющих, в следующих афоризмах: *Люди со средствами думают, что главное в жизни любовь. Бедняки точно знают, что главнее – деньги (Джеральд Бренан); Когда человек говорит, что деньги могут все, знайте: у него их нет и никогда не было (Эдгар Хау).*

Деньги снимают с обладателя груз социальных и прочих обязательств: *Деньги – это чеканеная свобода.*

Деньги играют важную роль в жизни человека: *Нельзя иметь все сразу, поэтому начни с малого – с денег (Януш Васильковский); Есть вещи важнее денег, но без денег эти вещи не купишь (Проспер Мериме); Деньги нужны для того, чтобы без них обходиться (Оноре Бальзак).*

Деньги распространяют влияние на личную сферу человеческой жизни: *Деньги играют в любви второстепенную роль – всего лишь роль платежного средства (Станислав Ежи Лец); За деньги нельзя купить любовь, но можно улучшить исходные позиции торга (Лоренс Питер).*

Деньги провоцируют появление новых людей в окружении их обладателя: За деньги нельзя купить друзей, но можно завязать немало интересных знакомств; Чем больше у тебя денег, тем больше знакомых, с которыми ничто тебя не связывает, кроме денег (Теннесси Уильямс).

Деньги могут привести обладателя только к большим деньгам: Деньги приносят малую толику счастья. Но потом они приносят только еще большие деньги (Нейл Саймон); Деньги рожают деньги (Томас Фуллер).

Для проведения социопаремиологического эксперимента нами были разработаны на основе исследования [Сперанская, Сперанский, 2001] две анкеты, одна из которых вместила в себя материал паремий, а вторая – авторских афоризмов. В анкетах приводятся таблицы паремий и афоризмов и подробные инструкции по их заполнению. В первом столбце опрашиваемые студенты должны были указать, понятен ли им смысл предложенного к рассмотрению высказывания. Во втором – выразить свое с ним согласие или несогласие при помощи балловой системы, где -2 – полное несогласие, -1 – не согласие, 0 – затрудняюсь ответить, +1 – согласие и +2 – полное согласие. Далее по шкале от нуля до двух реципиенты должны были оценить ценность заложенного в паремии или афоризме смысла, путем соотнесения с личным опытом. После завершения работы с таблицей респонденты указывали свой пол, возраст институт, в котором обучаются.

Собранные данные вносятся в общие сводные таблицы формата Excel. Путем вычисления среднего значения полученных оценок выявляются средние коэффициенты. Далее представлены некоторые статистические сведения, полученные на данном этапе исследования.

Минимальный зафиксированный у филологов коэффициент понимания смысла паремии равен 0,7 – иными словами, реципиенты поняли смысл 38 паремий из 55 указанных. Средний показатель коэффициента приблизительно равен 0,9. У опрошенных юристов тот же показатель равен 0,8, при минимальном уровне понимания, зафиксированном у реципиента, понявшего смысл 24 паремий из списка. Наибольший уровень непонимания у студентов юридического института вызвали паремии *Деньги железо, а платье – тлен; Богатство с*

деньгами, голь с весельем; Безденежье перед деньгами; Денежка рубль бережет, а рубль голову стережет. У филологов: Денежка молитва, что острая бритва; Кресты да персты – те же деньги.

С одинаковыми трудностями и филологи, и юристы столкнулись, определяя смысл паремий *Деньги не щепка* и *На деньгах царская печать*. В целом же средние показатели по этому пункту опроса говорят о достаточно высоком уровне понимания заложенных в паремиях смыслов как у студентов юридического, так и филологического институтов.

У филологов максимальный средний коэффициент согласия зафиксирован у паремий *За свой грош везде хорош* (1,42); *Деньги не голова – дело наживное* (1, 52); *Всего веселее свои денежки считать* (1, 71); *Деньги пух – только дунь на них – и нет* (1,65); *Деньги что вода* (1, 58); *Дорог хлеб, коли денег нет* (1,6); *И то бывает, что и деньгам не рад* (1,54).

У опрошенных студентов юридического института лидируют пословицы *Уговор дороже денег* (1,63); *Легче прожить деньги, чем нажить* (1,45); *Деньгами души не выкупишь* (1,37); *Деньги что вода* (1,36); *Деньги – не голова, дело наживное* (1,32); *Денежка дорожку прокладывает* (1,15).

Наибольшие показатели несогласия в обеих группах опрошенных вызвали паремии *После бога деньги первые* (-0,73 у филологов и -0,8 у юристов), *Деньги лучше уговора* (-0,23 и -0,6) и *Деньга пона купит и Бога обманет* (-0,09 и -0,4 соответственно). Возможно, причины такого единодушия в том, что заложенный в этих паремиях смысл противоречит представлениям о морали или затрагивает религиозные чувства реципиентов.

Также высокие коэффициенты несогласия зафиксированы у студентов юридического института по отношению к паремиям *Деньги не щепка* (-0,57), *Богатому деньги черти куют* (-0,55), *Деньги, что камень – тяжело на душу ложатся* (-0,35), *Богатый на деньги – убогий на выдумки* (-0,27); а у студентов-филологов – *Без денег – бездельник* (-0,17); *Рубль – ум, а два рубля – два ума* (-0,07). Опрошенные юристы были более категоричны в раздаче отрицательных оценок.

Наибольший средний коэффициент ценности, проставленный студентами-филологами, равен 1,65 и принадлежит паремии *Легче прожить деньги, чем нажить*. Далее следуют *Деньги пух – только дунь на них – и нет* (1,62); *Хорошо тому щеголять, у кого денежки звенят* (1,62); *Когда деньги говорят, тогда правда молчит* (1,57); *Деньги не голова – дело наживное* (1,55); *Деньги что вода* (1,55); *Женись, родись, умирай – за все денежки подай* (1,54).

Заполнившие анкеты будущие юристы наибольший средний коэффициент ценности присвоили паремии *Чужие деньги считать – не разбогатеть* (1,7). По степени убывания коэффициента далее следуют паремии *Дорог хлеб, коли денег нет* (1,6); *Денежка дорожку прокладывает* (1,56); *Деньгами души не выкупишь* (1,54); *Деньги счетом крепки* (1,53) и *Бог любит правду, а деньги – счет* (1,45).

Минимальный коэффициент ценности (0,6) в среде студентов-филологов был присвоен паремиям *Без денег – бездельник*; *На деньгах царская печать, Денежка – молитва, что острая бритва*.

Студенты юридического института сочли наименее ценными мнения, выраженные в паремиях *Деньга пона купит и Бога обманет*; *Деньги лучше уговора*; *Богатство с деньгами – голь с весельем*; *После Бога – деньги первые*.

Наибольший коэффициент использования обе группы реципиентов закрепили за паремией *Уговор дороже денег*. В целом активность реципиентов при фиксировании употребляемых ими паремий и афоризмов оказалась довольно низкой.

Обобщение статистических данных уместно свести к выявлению логем, к которым относятся паремии с максимальными и минимальными коэффициентами согласия и ценности.

Максимальные средние коэффициенты согласия закрепились за логемами **Пересчет собственных денег приносит радость их владельцу** (1,71 балла), **Деньги присутствуют в жизни человека постоянно** (1,57), **Деньги – движущая сила в человеческом сообществе** (1,42). Для последней логемы также зафиксирован и один из наименьших коэффициентов согласия, равный -0,4. Еще меньший показатель (-0,8) у логемы **Сила денег**

эквивалентна божественной. Очевидно, что не все из освещаемых в поговорках аспектов силы денег вызывают в студенческой среде одобрение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блюмкин В.А. Мир моральных ценностей. М.: Знание, 1981.
2. Гуревич П.С. Человек и его ценности // Человек и его ценности: Сб. ст. Ч. 1. М., 1988.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1957.
4. Большая книга афоризмов / Под ред. К.В. Душенко. Изд. 5-е, испр. М., 2001.
5. Сперанская А.Н., Сперанский А.В. Правда и ложь в повседневном сознании красноярцев // Лингвистический ежегодник Сибири. Красноярск. Вып. 3. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2001. С. 130-143.
6. Ситарам К., Когделл Р. Основы межкультурной коммуникации // Человек. 1992. № 2.

РУССКИЕ И ПОЛЬСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЗАГОЛОВОЧНЫМ СЛОВОМ «ОГОНЬ»: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

О.В. Кочурова⁹

В представленной статье использовано широкое понятие фразеологизма (вслед за русскими исследователями фразеологии В.П. Жуковым, А.И. Федоровым, А.И. Молотковым, а также польскими учеными С. Скорупкой, М. Шимчаком, Б. Круцкой): критериями определения фразеологизма являются – устойчивость, целостность значения, не выводимая из суммы значений составляющих его слов, раздельноформленность, возможность структурных вариантов, или новообразований, воспроизводимость, непереводимость на другие языки.

---

⁹ Научный руководитель – к.ф.н., доц. Сперанская А.Н.

Фразеологизм характеризуется сочетанием слова с переносным значением, устойчивым словосочетанием с идиоматическим значением, устойчивой фразой.

Фразеология отражает отрезки действительности, непосредственно связанные с человеком, с его видением, оценкой реалий, с характеристикой психологических особенностей личности. По сравнению со словом, фразеологизм служит для характеристики предмета, лица, действия, качества (как правило, уже названных в языке словами). В языке отражен опыт человечества, поэтому в настоящее время получила интенсивное развитие концепция языковой картины мира (В.Н. Телия, А. Вежбицкая, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров и др.). Фразеологическая картина мира, отражающая явления окружающей действительности, является составляющей языковой картины мира.

Однако фразеологизмы являются сложными для понимания единицами. Они являются не только языковыми, но и культуроспецифичными единицами, поэтому перенос их в другой язык является сложной задачей. Целью данной статьи является выявление совпадений и различий русских и польских фразеологизмов с заголовочным словом ОГОНЬ.

Для исследования было отобрано 43 русских и польских фразеологизма – 22 и 21 соответственно. Источниками послужили: Фразеологический словарь русского языка (под ред. А.И. Молоткова), Фразеологический словарь современного русского литературного языка (под ред. А.Н. Тихонова), Фразеологический словарь русского литературного языка XVIII–XX вв. (под ред. А.И. Федорова), Słownik frazeologiczny języka polskiego (под ред. А. Nowakowska), Słownik frazeologiczny języka polskiego (составители Kłosińska A., Sobol E., Stankiewicz A). Материал систематизирован в лексико-семантические группы.

Русские фразеологизмы включают следующие семантические поля:

положительные действия человека – стремление к благородной цели (*прометеев огонь*); заинтересованность в чем-либо (*с огоньком*); ***споро работать*** (*рвать с огня*);

сфера эмоций – негативные эмоции (*гори (синим) огнем*);

сфера чувств – проявление чувств (*огонь любви, желанья, страсти и т.п.*);

опыт – испытать многое в жизни (*пройти (сквозь) огонь и воду (и медные трубы)*);

исключительность объекта или субъекта – что-либо редкое (*днем с огнем*);

вдохновение (*священный, божественный огонь/огнь; огонь/огнь поэзии*);

состояние человека – возбужденное состояние (*блестеть/блистать, сверкать огнем и т.п, гореть, пылать, зажигаться и т.п. огнем, огонь/огнь пробегает, разливается и т.п. по телу, жилам, гореть в огне*);

ухудшение положения (*попасть из огня да в полымя*);

действия – **возрождаться** (*восставать/восстать из пепла (и огня) и заходить куда-либо на короткое время (на огонек)*).

Польские фразеологизмы разделены на следующие семантические группы:

корыстные качества человека – **получать выгоду** (*upieć dwie pieczenie przy jednym ogniu (испечь два жаркого на одном огне)*); **использовать кого-либо для собственной выгоды** (*wybierać, wyciągać, wujtować kasztany z ognia cudzymi rękami (выбирать, вытаскивать, вынимать каштаны из огня чужими руками, (upieć własną pieczeń przy czyjims, cudzym ogniu (испечь собственное жаркое на чьем-либо, на чужом огне)*);

торопиться (*wpaść dokądś jak po ogień (забежать куда-либо как в огонь)*);

испытание (*próba ognia, próba ogniowa (проба огнем, огневая проба)*);

сфера эмоций – **быстро загорающийся и потухающий восторг** (*słotianu ogień (соломенный огонь)*);

речевая деятельность – запутывание ответчика (*krzyżowy ogień pytań* (перекрестный огонь вопросов); **оживленная дискуссия** (*ogień dyskusji, polemiki, sporu itp.* (огонь дискуссии, полемики, спора и т.п.);

первоочередность чего-либо (*na pierwszy ogień* (на первый огонь);

кара (*smażuć się w ogniu piekielnym* (печься в адском огне);

ощущения человека – **боль** (*coś piecze, pali kogoś jak ogień, żywut ogniem* (что-либо печет, жжет кого-либо как огонь, живым огнем); **жара** (*ogień leje, leci z nieba* (огонь льется, летит с неба).

Вышеперечисленные семантические группы русских и польских фразеологизмов показывают различное отражение действительности в польском и в русском языке. Рассмотрим подробнее семантические поля данных групп фразеологизмов. Обратимся к одинаковым семантическим полям русских и польских фразеологизмов. Они включают: действия (уничтожать, усугублять ситуацию, делать работу, результатами которой пользуются другие), неосмотрительные поступки, качества человека (самоотверженность), опасность, которая угрожает с двух сторон, боязнь.

Как видно, небольшая часть фразеологизмов обнаруживает одинаковые семантические поля:

отрицательные действия человека – уничтожать (*огнем и мечом* и *ogniem i mieczem* (огнем и мечом);

усугублять ситуацию (*подливать масло в огонь* и *dolać oliwy do ognia* (подлить масло в огонь);

поступки человека – неосмотрительность (*играть с огнем* и *igrać z ogniem* (играть с огнем);

самоотверженность (*идти в огонь и в воду* и *iść, pójść, rzucić się, skoczyć za kogoś, za kims, na czyjś rozkaz, na czyjeś skinienie itp. w ogień* (идти/пойти, броситься, прыгнуть за кого-л., кем-л., по чьему-л. приказу, по чьему-л. кивку и т.п. в огонь);

делать работу за кого-либо (*тащить каштаны из огня* и *wybierać, wyciągać, wujmować dla kogos, za kogoś*

kasztany z ognia (выбирать, вытаскивать, вынимать для кого-л., за кого-л. каштаны из огня),

опасность, которая угрожает с двух сторон и боязнь, опасение чего-либо (между двух огней и *wziąć/brać kogoś, coś w dwa ognie* (взять/брать кого-, что-л. в два огня); как огня и *unikac, strzec się, wystrzegać się kogoś, czegoś jak ognia; stronic od kogoś, od czegoś jak od ognia* (избегать, опасаться, остерегаться кого, чего-л. как огня; сторониться от кого, чего-л. как от огня).

Данные фразеологизмы отражают одинаковые для поляков и русских реалии.

В ходе данного исследования для сопоставления русских и польских фразеологизмов были обозначены три основных компонента: лексика, структура и семантика фразеологизма, позволяющие увидеть их сходство и различия. Различия не проявляются в строгих рамках каждого отдельно взятого компонента. С помощью компонентов обнаружено семь пар соответствий русских и польских фразеологизмов, которые при анализе образовали три типа соответствий.

Идентичные фразеологизмы обнаруживают полное соответствие в плане выражения и в плане содержания. Например, русский фразеологизм *играть с огнем* и польский *igrać z ogniem* обладают одинаковым лексическим набором, различий не наблюдается также в их семантике. То же можно сказать и о фразеологизмах *огнем и мечом* и *ogniem i mieczem*; *таскать каштаны из огня* и *wybierać, wyciągać, wyjmować dla kogos, za kogoś kasztany z ognia* (выбирать, вытаскивать, вынимать для кого-либо, за кого-либо каштаны из огня); как огня и *unikac, strzec się, wystrzegać się kogoś, czegoś jak ognia; stronic od kogoś, od czegoś jak od ognia* (избегать, опасаться, остерегаться кого- или чего-либо как огня; сторониться от кого- или чего-либо как от огня).

Лексические различия обнаруживает единичный пример фразеологизмов группы ОГОНЬ. В русском фразеологизме присутствует дополнительный лексический компонент **в воду**, которого нет в польском: *идти в огонь и в воду* и *iść, pójść, rzucić się, skoczyć za kogoś, za kimś, na czyjś rozkaz, na czyjeś skinienie itp. w ogień* (идти/пойти, броситься, прыгнуть за кого-либо, за кем-либо, по чьему-либо приказу, по чьему-либо кивку и т.п. в огонь). При этом значение фразеологизмов тождественно.

Различия в значении фразеологизмов являются незначительными. В толковании русского фразеологизма присутствует второе значение, которое отличается от основного. Обнаружено два примера данного типа различий: *подливать масло в огонь* и *dolać oliwy do ognia* (*подлить масла в огонь*). Основное значение фразеологизмов совпадает – «обострять отношения, усугублять какие-либо чувства, настроения и т.п.», а второе толкование русского фразеологизма содержит добавочный смысл – **«разжигать, повышать интерес, внимание»**.

Второй пример: *между двух огней* и *wziąć/brać kogoś, coś w dwa ognie* (*взять/брать кого- или что-либо в два огня*). Семантика данных примеров отличается тем, что в русском фразеологизме обнаруживается бесконтрольность ситуации («в таком положении, когда опасность или неприятность угрожает с двух сторон»), а в польском – ее контролируемость («*zaatakować kogoś w czasie dyskusji, polemiki itp. z dwóch stron* («атаковать кого-либо с двух сторон во время дискуссии, полемики и т.п.»).

Таким образом, нет значительных различий в плане выражения и в плане содержания фразеологизмов с заголовочным словом **ОГОНЬ**, обнаруживающих соответствия. Вместе с тем разнообразен спектр семантических полей, отраженных во фразеологизмах. В основном поля складываются вокруг действий и качеств человека как в русском, так и в польском языке. Обозначенные поля присутствуют в фразеологизмах обоих языков, однако план выражения их различен.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ КЕТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ СУЛОМАЙ

А.Г. Лукьяненко, О.В. Фельде

Актуальной задачей отечественной макросоциолингвистики является изучение этноязыковой ситуации в Российской Федерации и в её северных регионах в частности [Вахтин, 2001]. Большой научный и социокультурный интерес представляет анализ стремительно изменяющейся языковой ситуации в кетских поселениях Красноярского края.

Известно, что кетский язык является практически последним представителем енисейской языковой семьи. Последняя достоверная фиксация употребления его ближайшего родственника – югского языка – относится к 1970-м гг. Другие родственные языки – пумпокольский, аринский, коттский (ассанский) вышли из употребления еще в XVIII–XIX вв. Кетский язык имеет богатый вокализм (10-11 фонем); в консонатизме – наличие гортанных смычных, увулярных согласных, ограниченное противопоставление по глухости-звонкости; сложную падежную парадигму; очень разнообразна глагольная система (ею носители языка уже практически не владеют). В лексике присутствуют заимствования из русского, эвенкийского, якутского и селькупского языков. Описание кетского языка выполнено томскими лингвистами (школа А.П. Дульзона) . В 1930-е гг. был разработан кетский алфавит, в 1934 г. Н.К. Каргером издан кетский букварь, однако письменность не закрепились. Г.К. Вернером и Г.Х. Николаевой написан букварь «Остыянка», изданный в Красноярске (1988) и в Ленинграде (1991), по которому начато преподавание языка в начальных классах школ поселков Бакланиха, Сургутиха, Горошиха, Келлог, Верещагино, Суломай. Художественной литературы на кетском языке (за исключением фольклора) нет. [Казакевич, 1994].

В настоящее время большая часть кетов (742 чел. – по данным на 01.01.1999) живет в поселках по Енисею и его притокам на территории Туруханского района Красноярского края. Почти треть кетского населения Туруханского района (228 чел.) сосредоточена в пос. Келлог, остальные расселены в пос. Мадуйка, Горошиха, Бакланиха, Сургутиха, Верещагино, Верхне-Имбатск, Бахта. С начала 1990-х гг. довольно много кетов переехало в районный центр Туруханск (на 01.01.1999 там насчитывалось 80 кетов) и в крупный поселок на юге района Бор (71 человек). Единственный поселок с компактно проживающим кетским населением за пределами Туруханского района – это Суломай, расположенный на территории Эвенкийского муниципального района. В настоящее время там проживает 200 человек. В 2002 году поселок Суломай был почти полностью снесен ледоходом, ныне восстановлен. Данные переписей населения фиксируют постоянное сокращение процента кетов, считающих кетский язык родным: с 74,9% в 1970 г. до 60,2% в 1979 г. и, наконец, до 48,8% в 1989 г. (48,3% кетов бывшего СССР). Исследования, проведенные В.П. Кривоноговым в 1991-1992 гг., дали еще более скромную цифру – 35%. [Кривоногов, 2002].

**Национальный состав пос. Суломай
Эвенкийского муниципального района на 2007 год**

Национальность	Численность
все население	200
русские	22
кеты	165
эвены	9
долганы	4

При этом надо иметь в виду, что далеко не каждый, кто признает кетский язык родным, действительно может говорить на нем. Родной язык для кетов, как и для представителей многих других коренных малочисленных народов Сибири, из средства общения все больше превращается в эмблему этнической самоидентификации. Реально сегодня кетским языком владеет, причем в разной степени, только 150 человек. Это почти исключительно представители старшего поколения, те, кому за 50, причем даже в этом поколении владение кетским языком далеко не всеобщее. Среди представителей среднего поколения (35-50 лет) владеющие кетским языком тоже встречаются, но значительно реже. Дети и молодежь в подавляющем большинстве кетского языка не знают совсем, разве что несколько слов. При этом все кеты владеют русским языком либо в качестве родного, либо в качестве второго. Среди представителей старшего поколения в пос. Суломай можно встретить и кетско-эвенкийско-русский трилингвизм.

В разговорной практике кетский язык используется сегодня весьма ограниченно. В поселке Суломай на нем иногда говорят между собою представители старшего поколения, в основном те, кому за 70. Некоторые представители среднего поколения пользуются кетским языком в разговоре со старшими родственниками и

знакомыми, между собою предпочитая говорить по-русски; на кетский язык они переходят только тогда, когда хотят скрыть содержание беседы от окружающих, например, от детей. Однако естественная передача языка внутри семьи от родителей к детям прервана повсеместно. Уже не первое поколение родителей (независимо от степени владения кетским языком) говорит со своими детьми исключительно по-русски даже в моноэтнических кетских семьях. Такие семьи в начале 1990-х гг. составляли немногим более 40% от общего числа кетских семей, а к настоящему времени их удельный вес сократился до 30%). В результате на сегодняшний день русский язык является основным средством общения кетов во всех сферах жизни, включая семью и даже традиционные промыслы (охота и рыболовство). Престиж кетского языка, несколько поднявшийся в начале 1990-х гг., снова неуклонно падает. В ряду причин этого падения далеко не последней является бедственное экономическое положение, в котором находится сегодня большинство кетских семей.

Данные последних переписей свидетельствуют, что кетским языком как родным в 1959 году владели 77,1% кетов, в 1979 году – 61%, в 1989 году – 48%, в 1992 году – 32%. В 2007 году кетский язык признали родным лишь 29%, кетским и русским языком в равной степени владеют 19% кетов, остальные 52% считают родным языком только русский.

Язык общения кетов в разных ситуациях (в чел.)

Язык общения	Кетский язык	Кетский и русский язык	Только русский язык
Дома	48	19	98
С друзьями	15	38	112
На производстве	–	61	104

Социолингвистическое обследование кетского населения поселка Суломай, проводившееся в 2007 г., выявило неутешительную тенденцию: около 30% опрошенных кетов заявили, что кетский язык не нужен ни им самим, ни их детям, причем наибольшее количество подобных ответов приходится на информантов в возрасте от 40 до 60 лет. В целом положение кетского языка можно определить как критическое. Надежды на то, что преподавание кетского языка в школе сможет хоть в какой-то степени затормозить вытеснение его русским языком, не оправдались. Опыт, накопленный с начала 1990-х гг., оказался по большей части негативным, причиной чему послужили неотлаженная система преподавания, отсутствие достаточного количества квалифицированных учителей, неумение приспособить занятия к конкретной ситуации отдельного поселка, отсутствие должного внимания и методической помощи со стороны районного отдела образования, а также отсутствие каких бы то ни было материальных стимулов как у преподавателей, так и у учащихся. И все же примерно 60% опрошенных кетских родителей по-прежнему хотят, чтобы их дети в школе изучали кетский язык. При этом многие убеждены, что преподаваться должен именно говор данного поселка, а не какой-то другой, чужой и «неправильный» вариант языка. Возможно, эти комментарии местных жителей подсказывают, как следует в будущем организовать преподавание кетского языка. Это, безусловно, потребует дополнительных усилий со стороны составителей учебных пособий и определенных материальных затрат со стороны государства.

Следует отметить, что ни о какой возможности продления жизни кетского языка не может быть и речи без осуществления комплекса мер социально-экономического характера, направленных на подъем уровня жизни коренного населения, а также без просвещения всего населения региона относительно ценности языкового и культурного многообразия, пока еще сохраняющегося в регионе, но готового исчезнуть на наших глазах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб., 2001. 338 с.
2. Казакевич О.А. Говорят ли кеты по-кетски? // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. М.: ИЯ РАН, 1994. С. 105.

3. Казакевич О.А. Языковая ситуация у коренных малочисленных народов Туруханского района: кеты и селькупы // Язык в контексте общественного развития. М.: РАН, 1994. С. 123.
4. Кривоногов В.П. Языковая ситуация у малочисленных тюркских народов средней Сибири // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Абакан, 2002. № 6. С. 59-66.

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ЭМОЦИЙ ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» И ЕГО ПЕРЕВОДЫ НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

М.С. Мазур¹⁰

Семантический подход в изучении языка, развивающийся с 70-х гг. XX века, переживает сегодня свой расцвет. Современная наука становится антропоцентричной, и в лингвистике также интенсивно развиваются направления, изучающие человека: это прежде всего этнолингвистика и антропологическая лингвистика. Изучение проявлений внутреннего мира человека в языке приобрело такой масштаб, что в лингвистике появился термин «внутренний человек» [Одинцова. Электронный ресурс: www.filologdirect.narod.ru]. С другой стороны, роман «Мастер и Маргарита» не только не устаревает, но остается весьма популярным как в России, так и за рубежом – роман ежегодно переиздается; кроме того, в Польше в 2007 году в опросе на тему «Ваша любимая книга» «Мастер и Маргарита» набрал лидирующее число голосов [Печонка, 2005]. Как видно, актуальными являются и лингвистическое направление, и объект изучения.

Предметом исследования является языковое выражение чувств Маргариты в трех текстах: в оригинальном, в переводе на польский В. Домбровского и И. Левандовской (1969) и в переводе А. Дравича (1995). Следует сразу отметить, что чувства *любви*, *тоски* и *гнева* являются определяющими в эмоциональном портрете Маргариты, поэтому им уделено особое внимание. Настоящее исследование выполнено на стыке двух разноплановых аспектов:

---

¹⁰ Научный руководитель – к.ф.н., доц. Сперанская А.Н.

изучении авторской картины мира писателя и изучении «внутреннего человека». Данные аспекты осложнены проблемой их воплощения в переводе.

Основной целью исследования является выявление и сравнение компонентов мировоззрения русского и польского народов в сфере чувств (с этой целью используются толковые словари русского и польского языков). Кроме того, исследование осложнено переводческим аспектом.

В качестве примера рассмотрим лексему *любовник (kochanek)*, которая относится к семантическому полю любви. В романе М. Булгаков называет вещи своими именами. Маргарита – замужняя женщина, а мастер – ее любовник. Заметьте, не возлюбленный, не любимый, а именно любовник, определение весьма неоднозначное, часто имеющее обвинительный характер. Более того, Маргарита сама прекрасно знает, что мастер для нее – не кто иной, как любовник, и не стыдится этого, называя его именно так.

Слово *любовник* в 1969 г. переведено как *ukochany mistrz (любимый мастер)*, вероятно, потому, что русское предложение выглядит так: «Я хочу, чтобы мне сейчас же, сию секунду, вернули моего *любовника*, мастера <...>». Возможно также, что переводчики 1969 г. попытались смягчить русское *любовник*. В переводе же 1995 г. используется точный эквивалент *kochanek*.

Известно, что и в русском, и в польском языках слово *любовник* имеет отрицательную коннотацию. А в языковой картине мира М. Булгакова любовники – определение, данное главным героям. Героям, которые, как известно, в ряду своих прототипов имели самого М. Булгакова и его возлюбленную супругу, Елену Сергеевну. Перед нами – пример совпадения взглядов двух народов на некоторое явление и расхождения с ними мнения писателя.

Более того, сравнивая переводы, можно увидеть, как в 1969 г. переводчики постарались смягчить слово *любовник*, а в 1995 г. такой потребности уже не возникает. Это можно попытаться объяснить изменением взглядов современного общества, особенностями личности переводчика и даже предположением, что переводчик подумал: а

не вкладывал ли Булгаков в это опасное слово *любовник* свой собственный, положительный или хотя бы нейтральный смысл?

Следующий пример связан с проблемой перевода реалий. Погружаясь в воспоминания о любимом, Маргарита перебирает связанные с ним вещи, в том числе у нее в руках оказывается *фотографическая карточка мастера*. В обоих переводах данное словосочетание представлено как *zdjęcie mistrza (фотография мастера)*. Очевидно, что при переводе в обоих случаях был утерян исторический колорит: *фотографическая карточка мастера* – русский язык первой половины XX в., не отраженный в польских текстах, так как *zdjęcie* – лексема, находящаяся в активном запасе. Между тем исследователи [Влахов, Флорин, 1986. С. 121] определяют колорит как дополнительное значение, входящее в коннотацию слова и подлежащее переводу наравне с его семантическим содержанием. В данном случае переводчики столкнулись с проблемой непереводимости.

Анна Вежбицкая отмечает, говоря о чувствах, что если в языке нет названия для какого-либо чувства, это не значит, что носители данного языка с этим чувством не знакомы [Вежбицкая, 2001. С. 17]. Однако при переводе с одного языка на другой в случае подобной лакуны возникает то же явление непереводимости. Например, предложение «Она совсем *zapечалилась* и *ponурилась*»: в польском языке нет точного эквивалента ни к слову *zapечалилась*, ни к слову *ponурилась*. Смысл был передан в обоих переводах описательным способом, причем для второго слова в обоих случаях был найден эквивалент *zwiesić głowę*: «*Zwiesiła głowę i pogróżyła się w smutku*» (1969) и «*Zrobiło jej się całkiem smętnie, zwiesiła głowę*» (1995). Если перевести найденные польскими переводчиками эквиваленты обратно на русский, то в первом случае получилось бы «*Повесила голову и погрузилась в печаль*», а во втором – «*Стало ей совсем грустно, повесила голову*».

В настоящем исследовании встречается термин «манифестант», то есть предмет, манифестирующий собой что-либо, тесно связанный с ситуацией манифестации. В качестве манифестанта может выступать все, что угодно, и прежде всего – тело человека, особенно если речь идет о манифестации чувств. Одним из наиболее распространенных манифестантов являются глаза. Так, о глазах Маргариты в момент гнева М. Булгаков сказал следующим образом: «*Глаза ее источали огонь*». В польском языке это предложение выглядит так: «*Jej oczy*

miotaly iskry» – в 1969 г., «*W oczach miała płomień*» – в 1995 г. Оба перевода близки к оригиналу, но не точны: вариант 69-го: «Ее *глаза* метали искры», вариант 1995 г.: «В *глазах* у нее было пламя». Если соединить эти переводы, получилось бы: *«Ее *глаза метали пламя*» (* «*Jej oczy miały płomień*»), что было бы максимально близко оригиналу. Различны в польских текстах актантные роли *глаз*: в переводе 69-го *глаза* являются субъектом действия, как и в оригинале, а в переводе 95-го *глаза* являются вместилищем пламени, то есть локативом.

В целом на уровне передачи чувств главной героини романа перевод 1969 года является более точным, чем перевод 1995 года, что проявляется и на лексическом, и на синтаксическом уровнях.

В результате сопоставления стало очевидно, что способы выражения чувств в русском и в польском языках очень схожи как по лексико-семантическому составу, так и по синтаксической структуре, хотя большая близость между переводами и оригиналом наблюдается именно в лексико-семантическом плане, что не удивительно: немалый пласт лексики в русском (восточнославянском) и польском (западнославянском) языках является общим. Тем и интересно (в том числе) настоящее исследование: приглядеться к «двоюродному брату» и понять, в каких нюансах мы различаемся. В данном случае – в нюансах вербального выражения определенных чувств. Последний аспект при дальнейшем изучении может содействовать работам в сфере социальных исследований, которые нацелены, как правило, на установление контакта и гармоничных взаимоотношений народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986.
3. Одинцова М.П. // Языковые образы «внутреннего человека» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.filologdirect.narod.ru.
4. Печонка, К. «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова в восприятии польского читателя и зрителя // Филологический журнал. 2005. № 1. С. 263-266.

ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ПОЛЬСКОМ ТЕКСТЕ «ВОЛЧЬЕГО БЛОКНОТА» М. ВИЛЬКА

О.В. Морозова¹¹

По определению Т.В. Шмелёвой, **языковая рефлексия** – это «тип языкового поведения, предполагающий осмысленное использование языка, т.е. наблюдение, анализ его различных фактов, оценку их, соотношение своих оценок с другими, нормой, узусом» [Шмелёва. Электронный ресурс: library.krasu.ru]. Языковая рефлексия проявляется в специальных высказываниях о тех или иных фактах языка или сопровождающих обычные высказывания пометах. Мы предлагаем считать единицей языковой рефлексии **авторский комментарий**.

Мариуш Вильк – филолог, современный польский писатель и журналист, начинавший свою литературную деятельность в Польше в 80-е годы. Участвовал в студенческом комитете объединения профсоюзов антисоциалистической направленности «Солидарность», был пресс-секретарем одного из видных польских политиков Леха Валенсы, вёл журналистскую деятельность. Некоторое время жил в Германии, в Соединенных Штатах. В начале 90-х годов переехал в Россию, где до сих пор живет и работает.

В художественных текстах М. Вилька языковая рефлексия занимает особое место. Это одна из черт идиостиля писателя (т.е. индивидуальной авторской «системы выразительных средств, каждое из которых починено общему эстетическому отбору, осуществляемому автором-творцом» [Паули, 2005. С. 223]). Сам Вильк назвал себя польско-русским писателем. «Волчий блокнот», «Волока», «Дом над Онегой» написаны в России и о России постсоветского времени. Особенности идиостиля автора, во многом связанные с сильной русификацией польского текста, вытекают из задач, которые ставит перед собой писатель: показать европейскому читателю Россию «изнутри», развенчать многие мифы и стереотипы о ней. В 5-й главе «Волчьего блокнота» Вильк пишет, что для европейца, «помимо языкового барьера, существует проблема перевода с одного культурного кода на другой» [Вильк, 2006. С. 49] и что «ни в древности, ни теперь Запад не давал себе труда разобраться в российской действительности изнутри, то есть взглянуть на Россию глазами русского человека и лишь потом, не нарушая пропорций, перевести эту информацию

---

¹¹ Научный руководитель – к.ф.н., доц. Сперанская А.Н.

на свой язык» [Там же. С. 50]. Проблема неадекватного восприятия западноевропейскими людьми русской культуры обуславливается, прежде всего, *мнимым*, видимым подобием западноевропейской и русской цивилизаций при их действительном большом несовпадении. Поэтому писатель стремится сам «обрусеть», вжиться в российскую действительность, а затем показать эту скрытую от глаз внешнего наблюдателя специфически русскую реальность и ментальность польскому читателю.

Таким образом, «Волчий блокнот», как и другие книги автора, ориентирован на европейского читателя, прежде всего на польского – он написан на польском языке. Задачи текста, достаточно четко сформулированные автором, связаны и с жанровым своеобразием произведения: это своего рода постмодернистский синтез дневника, путевых заметок, репортажа, филологического и исторического исследования. С особенностями жанра тесно связан вильковский идиостиль. Включение большого числа заимствований из русского языка не только передает необходимый национальный колорит и служит описанию специфических русских и советских явлений, но также создает впечатление терминологизации, что подчеркивает исследовательский, как бы документально «правдивый» характер текста.

В польской литературной критике отношение к вильковскому идиостилю противоречиво. Одни (например, Адам Поморский) критиковали писателя за затемненность, непонятность языка его произведений, вытекающие из своеобразного синтеза в речи фактов польского и русского языков, а другие (например, А. де Лазари, Г. Херлинг-Грудзиньский) считали такой стиль экспериментальным и оправданным темой и задачами художественного текста. Сам Вильк неоднократно высказывался на эту тему: «Речь идет о моей тропе, а не о каком-то объективном образе мира... Тропе, протоптанной в словах. <...> Используя это слово вместо «дороги», я подчеркиваю необходимость протаптывать самому, а не следовать готовым путем. <...> Так вот: когда пишешь жизнь, охотясь за словами, через какое-то время вытаптываешь свою тропу – свой стиль» [Вильк, 2001. С. 30-31].

Возвращаясь к языковой рефлексии, можно сказать, что основные ее функции у Вилька – это участие в создании идиостиля и реализация контакта с читателем. Языковая рефлексия в «Волчьем блокноте» представлена, в первую очередь, в виде пояснений и комментариев автора к употребляемой им без перевода русской лексической

единице (слову, словосочетанию, фразеологизму). Иноязычный элемент транслитерируется и обычно графически выделяется (курсивом, кавычками, разреженным шрифтом и др. средствами). Например:

W XIX wieku Muksałmę połączono z Wielką Sołowiecką za pomocą słynnej *damby* – kamiennej grobli długości trzystu sążni.

[Wilk, 1998. С. 45]

Być może skopcy, współwięźniowie, mu powiedzieli, że nasze ciało to t i u r m a, z niej się wychodzi „na białym koniu”.

[Wilk, 1998. С. 104]

В XIX веке Муксалму связали с Великим Соловецким с помощью знаменитой *дамбы* – каменной насыпи протяженностью в триста сажень.

Может быть, скопцы-сокамерники рассказали ему, что наше тело это т ю р ь м а, а выходят из нее «на белом коне».

Но не все русские заимствования получают языковой комментарий. В частности, нет пояснений к именам собственным и тем явлениям русской и советской действительности, которые, по мнению автора, известны европейскому читателю, например, это такие лексемы, как *Kreml*, *cerkiew*, *nowyj ruskij* и др. Часто без комментария остаются и слова, сохранившиеся в польском языке как архаизмы (*paschalny*, *monastyr* и др.), или слова, значение которых выясняется из контекста. Это, конечно, делает текст нелегким для прочтения, создает определенный код, ориентированный на читателя с высоким уровнем языковой компетенции.

Авторские языковые комментарии могут присутствовать внутри текста или специально выноситься в глоссарий. Первые представляют собой краткое описание феномена русской действительности или русской лексемы. Комментарий может быть фактологическим или лингвистическим. Например (в скобках, с помощью уточняющих конструкций и др.):

Według Rozanowa, od wieków istiały dwie Rosje: Rosja widocznych pozorów (w oryginale: *widimost'* – widzialność i pozór zarazem)...

[Wilk, 1998. С. 12]

Этот внутритекстовый комментарий к слову *видимость* вводится скобками и является кратким семантическим описанием русского слова средствами польского языка. Следующий пример иллюстрирует другой авторский метод комментирования – прием исторической справки.

Tu wreszcie, w łotach klasztornych, mieściła się najsarsza t i u r m a polityczna na Rusi, potem zaś, po Rewolucji, powstał SŁON, pierwszy ł a g i e r w Sowieckim Sojusie – poligon GUŁAG-u

[Wilk, 1998. С. 15]

Как видим, автор комментирует не само слово СЛОН, а предлагает читателю некоторую информацию, необходимую для дальнейшего понимания текста. Комментарий-пояснение вводится здесь с помощью уточняющей конструкции.

Польское издание «Волчьего блокнота» снабжено авторским глоссарием, который включает в себя 40 толкуемых единиц. Глоссарий предлагает их семантическое описание, более обширное, чем при внутритекстовом, чаще всего с

Согласно Розанову, испокон веков существовало две России: Россия кажущаяся, видимая (в оригинале: *видимость* – «кажимость» и внешность одновременно)...

Наконец, тут, в монастырских застенках, находилась старейшая т ю р ь м а для политических заключенных на Руси, потом же, после революции, возник СЛОН, первый л а г е р ь в Советском Союзе – полигон ГУЛАГа

историческим или культурологическим комментарием и иллюстрацией из трудов русских философов или религиозных деятелей. Такие комментарии принимают форму статей своеобразного словаря. Глоссарий снабжен системой внутренних ссылок. Приведем пример:

Biezmotłwije – milczenie, odosobnienie, cisza. Na temat solowi eckiego *biezmotłwija* ojciec Paweł Florenski pisał do żony: „Jeden z moich znajomych się pyta, dlaczego mówiąc o Solówkach, nie wspominam o dźwiękach, tylko o barwach i formach? Dlatego że tutaj jest bezgłośnie, jak we śnie. Królestwo *biezmotłwija*. Rzecz jasna, nie dosłownie, bo i tu zgiełk dokucza i chciałoby się gdzieś skryć w głębokiej ciszy. Lecz tutaj nie słysząc ani wewnętrznych głosów przyrody, ani wewnętrznego słowa ludzkiego. Wszystko tu się ślizga, jak w teatrze cieni, a dźwięki tylko z zewnątrz dolatują. Trudno objaśnić, czemu nie ma tu muzyki rzeczy, i życia, i ja sam nie mogę tego pojąć. Jeno przybój morski i wycie wiatru,

Безмолвие – молчание, уединение, тишина. На тему Соловецкого *безмолвия* отец Павел Флоренский писал своей жене: «Один из моих знакомых допытывается, почему, говоря о Соловках, я не вспоминаю о звуках, а только о цветах и формах? Потому, что здесь тихо, как во сне. Царство *безмолвия*. Ясное дело, не буквально, ведь и здесь звук докучает и хотелось бы скрыться куда-нибудь в глубокую тишину. Но здесь не слышно ни внутренних голосов природы, ни внутреннего человеческого голоса. Все тут скользит, как в театре теней, а звуки только долетают извне. Трудно объяснить, почему тут нет музыки вещей и жизни, я сам не могу этого постичь. Только морс-

oto cisza Sołówek". Patrz też ->
isichazm.

[Wilk, 1998. С. 230]

кой прибор и завывание ветра – вот
тишина Соловков». См. также
исихазм.

Нужно сказать, что в русском издании переведенного текста «Волчьего блокнота» глоссарий отсутствует. На наш взгляд, такое «урезание» текста не может быть оправданно мнимой ненужностью мини-словаря. Конечно, русскоязычный читатель не нуждается в толковании известных ему лексем, однако, кроме него, глоссарий содержит ценную информацию, касающуюся истории и культуры Соловецких островов (это основная тема произведения), и – главное – очерчивает тот круг лексем, которые автор посчитал наиболее значимыми для описания русской культуры. Надо учитывать и особое значение, которое Вильк придает слову как важнейшей культурной составляющей. Выделенные в глоссарий слова были осмыслены как ключевые (по выражению самого писателя – *slowa-klucze, slowa-znaki, slowa-mity*, т.е. *слова-ключи, слова-знаки, слова-мифы*) для русской культуры. Сохранение текста в полном объеме, включая и глоссарий как факт языковой рефлексии, дает возможность составить наиболее адекватное представление об авторской картине мира писателя (особенно в той его части, которая касается России).

Приведем еще один пример словарной статьи, из которого лучше всего видно, какое значение Вильк придает слову:

Kartoszka – kartofle. Na przykładzie *kartoszki* najlepiej widać, po co wprowadzani ruskie słowa w polski tekst. Cudzoziemiec piszący o Rosji... tłumaczy rosyjską rzeczywistość na swój język (słowa „tłumaczyć” używam w znaczeniu

Картошка – картофель. На примере *картошки* лучше всего видно, зачем я вставляю русские слова в польский текст. Иностранец, пишущий о России... п е р е в о д и т российскую действительность на свой язык

łacińskiego *interpretor*- wyjaśniam, rozumiem, rozstrzygam). Ale przecież ta rzeczywistość istnieje w ruskim języku - w nim się kształtowała, wiekami. Dawniej *słowo jazyk* oznaczało i „język”, i „naród”, bo w języku, jak nigdzie, widać naród - jego ducha, byt, życie. Całe dwa lata musiałem pożyć w Rosji, aby do mnie dotarło, że cudzoziemiec nie może pojąć tego kraju, myśląc o nim i rozsądzając we własnym języku. Aż zrozumiałem, że rosyjską rzeczywistość należy poznawać poprzez ruski język, a tylko potem, pożywszy tu czas jakiś, by doświadczyć słów na sobie, można popробować to doświadczenie przetłumaczyć na polski. Już w trakcie pisania zauważyłem, że niektóre ruskie słowa, choć mają polski odpowiednik, mówią o innym doświadczeniu, o innym świecie. Im dłużej tu żyję, tym bardziej czuję słó-

(слово «переводить» я использую в значении латинского *interpretor* – выясняю, понимаю, рассуждаю). Но ведь эта действительность существует в русском языке – в нем формировалась веками. Когда-то слово *jazyk* означало и «язык», и «народ», потому что в языке, как нигде больше, видно народ – его дух, быт, жизнь. Целых два года я должен был прожить в России, чтобы до меня дошло, что иностранец не может понять этой страны, думая о ней и рассуждая на своем языке. Я понял даже, что российскую действительность нужно узнавать, прежде всего, через русский язык, а только потом, пожив тут некоторое время, чтобы на собственном опыте узнать слова, можно попробовать этот опыт перевести на польский язык. Уже в процессе писания я обратил внимание, что некоторые русские

wa-klucze, słowa-znaki, słowa-mity, które znaczą znacznie więcej, niżby to z wyrazu wyzierało. Ot, *kartoszka*... U nas to kartofel (coraz bardziej *potato*), jeden z dodatków do mięs, i mówi się, że tuczy, i je się go coraz mniej. Natomiast tutaj *kartoszka* to główne jadło, rytuał i sposób życia. Wiosną się *kartoszku* sadi, latem okopuje, jesienią zbiera, a zimą się na *kartoszkie*... przezimowuje. Społszczyć *kartoszku* na kartofle lub ziemniaki to odebrać jej ów magiczny i życiodajny zarazem sens, ba, to samą rzeczywistość przekładać (w znaczeniu łacińskiego *transfero*}, czyli... gubić ją w procesie przekładu.

слова, хотя они и имеют польские аналоги, говорят о другом опыте, о другом мире. Чем дольше я тут живу, тем больше чувствую слова-ключи, слова-знаки, которые значат значительно больше, чем если бы то же сказать фразой. Вот, *картошка*... У нас это картофель, один из гарниров к мясу, и говорят, что от него полнеют, и едят его все меньше. Зато тут *картошка* – это основная еда, ритуал и образ жизни. Весной *картошку* сажают, летом окучивают, осенью выкапывают, а зимой на картошке... зимуют. Перевести на польский *картошку* как картофель значит отнять у нее этот магический и вместе с тем животворящий смысл, это значит переиначивать саму действительность (в значении латинского *transfero*), то есть... терять ее в процессе перевода.

Языковая рефлексия у Мариуша Вилька, таким образом, функционально нагружена, она во многом способствует реализации цели художественного произведения – созданию у читателя особенного образа России и русского человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wilk M. Wilczy notes. Gdansk, 1998.
2. Вильк М. Волчий блокнот. М., 2006.
3. Вильк М. Волчья тропа // Новая Польша. Варшава, 2001. № 5. С. 24-31.
4. Паули Ю.С. Стилистика языка индивида и стилистика языка личности: критерии разграничения // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сборник материалов международной научной конференции. Красноярск, 21-23 сентября 2005 г. Красноярск, 2005.
5. Шмельёва Т.В. [Электронный ресурс]. Режим доступа: library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0070506.pdf.

ФОТОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

(на материале произведений С. Хвина, П. Хюлле и Г. Грасса)

С.А. Павленко¹²

Появление фотографии в истории человечества относится ко второй половине XIX века. В своем развитии она прошла несколько этапов: от экспериментальных опытов Жозефа Ньепса и Луи-Жака Дагера до своего расцвета и широкого распространения в современном мире прогрессивных технологий. Возведение фотографии в ранг искусства произошло в конце XX века, когда возможности людей достигли своего апогея. Как известно, для искусства XX века характерна синтетичность – смешение родов и жанров позволяло создавать новые формы и художественные приемы.

---

¹² Научный руководитель – к.ф.н. доц. Разуvalова А.И.

Нас, прежде всего, будет интересовать связь фотографии и литературы. В данном контексте фотография проявила себя амбивалентно. С одной стороны, можно указать на принцип дагерротипичности (фотографирование действительности), который был и является основным приемом литературы натурализма. С другой стороны, возникает вопрос о том, насколько фотографическое изображение способно передать сущность процессов, происходящих в реальности и, как следствие, чем является сама реальность. Добавим, что в современной литературе фотография нередко появляется как атрибут вещного мира, важная деталь, заключающая в себе целый спектр смыслов. Это же положение отмечает Пшемислав Чаплинский в статье «Вещь в литературе»: «В прозе девяностых годов все выразительнее становится появление вещи – как темы, проблемы, особого исключительного явления, героя или даже главного содержания представленного мира» (здесь и далее перевод автора. – С.П.) [Czapliński, 2003. С. 80].

Предметом наших размышлений в данной статье являются семантика и функции фотографического изображения в художественном тексте. Осмыслить эту проблему мы попытаемся на материале современной литературы, в частности, произведений трех авторов – Павла Хюлле, Стефана Хвина и Гюнтера Грасса. Выбор писателей не случаен. В основе их прозы – проблема, связанная с поиском и конструированием самоидентичности. Выскажем предположение, что актуализация этой проблемы во многом обусловлена пространством, к которому причастны авторы и некоторые их герои – к пространству Гданьска¹³. Идентичность этого города определяется причастностью к двум (немецкой и польской) этнокультурным и государственным традициям. Их сосуществование и борьба придали особый драматизм мифу города, а нахождение в его пространстве словно побуждает личность с особым вниманием обдумывать вопрос о собственной идентичности. В одном из интервью Гюнтер Грасс признается, что мотивацией для написания его книг, связанных с Гданьском, стало желание придать городу выразительные черты, которые он помнил с детства, запечатлеть его и тем самым позволить существовать «прежнему» Гданьску в новом времени и пространстве: «Речь шла о том,

---

¹³ Если можно говорить об идентичности пространства, то идентичность Гданьска всегда была проблемой: с 15 по 18 вв. город был в составе польского государства, в конце 18 века вошел в состав Пруссии, по итогам Первой мировой войны и в результате Версальского мира он получил статус «вольного города» (при этом большинство населения было немецким), в годы Второй мировой войны Данциг/Гданьск опять находился в официальных границах Германии, а в 1945 г. стал частью Польши.

чтобы позволить существовать городу. Я знал Гданьск и хотел его заново воскресить к жизни для себя. До того как я написал эту книгу, воспоминания о Гданьске были у меня достаточно тусклые, возникли они в процессе написания. Написание – это открытие очередных пластов» [Schmidt S 1993. С.15]. В этом контексте фотография, фиксирующая разные отрезки в жизни личности и городского пространства, становится важнейшим механизмом идентификации. В таком ключе мы и предполагаем ее рассмотреть в рамках данной статьи.

В статье «Городские иллюминации – в критической онтологии электрополиса» Элжбета Анна Секула, анализируя значение зеркальных поверхностей в городской среде, отмечает: «Зеркало, становясь любителем городской реальности, подтверждает пространство, в котором воплощается (а также идентичность ее участников)... прохожие в городе отправляются на прогулочные и “покупочные” пассажи, ища в отражении зеркал собственную идентичность» [Sekula, 2006. С. 73]. В аналогичной перспективе мы можем смотреть и на фотографию, которая, являясь своеобразным зеркалом, также выполняет данные функции. Эти функции фотографии комментирует Цезары Залевский в статье «Прочтение образа. Мотив фотографии в прозе последней декады»: «Фотография может появиться как элемент, функция которого “заполнение предметами” представленного мира, то есть создание эффекта правдоподобия; создание у читателя иллюзии, что описанное пространство подобно тому, которое он знает из собственного опыта. Использование данной функции – в зависимости от применяемых кодов – часто служит поводом для приписывания месту определенных черт и в то же время содержит намеки, касающиеся властителя этого места» [Zalewski, 2002. С. 399]. Вот почему фотография становится важным элементом в жизни литературных персонажей.

Первая и главная функция фотографии в текстах Хюлле и Хвина – это возврат автора/героя в прошлое, способность воскресить образы минувшего, то есть перенести субъекта в то время и пространство, которые оказались запечатленными на ней. В фокусе внимания авторов здесь находится Гданьск, разрушенный во время Второй мировой войны, но сохраненный на фотографиях. Так, например, в рассказе Хюлле «Стол» главный герой отмечает: «Пан Поласке оставил отцу, кроме стола, фотографию из семейного альбома. На ней были изображены двое элегантных мужчин в костюмах, они стояли на Ланге брюкке. Я любил смотреть на эту фотографию. Не потому, что меня

интересовал пан Поласке и его брат, о которых я знал немного, но потому, что за их спинами раскинулся вид, который я напрасно искал на Долгом побережье. Десятки рыбацких лодок причаливало у Рыбного Торга, на побережье полно было продающих и покупающих, а через Мотлаву переплывали барки и паровые суденышки с длинными, как мачты, трубами. Много здесь было движения и жизни, Ланге Брюкке выглядело как настоящий порт, и хотя все вывески гостиниц, баров и купеческих контор звучали по-иностранному, это, однако, оставалось притягательным зрелищем. Это ничем не напоминало Долгую побережья, отстроенного, по правде говоря, после великого пожара и бомбардировки, но светящегося пустотой никому не нужных офисов, красных реклам, повешенных на стенах, и зеленой ниткой Мотлавы, по которой плавала милицейская моторка и раз в день судно Войск Охраны Пограничья» [Huelle 2007. С. 5-6]. Фотография дает возможность главному герою сравнить два образа Гданьска: тот, который он хорошо знает (Гданьск после войны), и «другой» Гданьск (довоенный), который репрезентирует фотография. Мальчик сравнивает два пространства, исходя из категории «присутствия – отсутствия» определенных объектов в пространственном поле города. Это позволяет ему реконструировать в собственном сознании образ Гданьска, который в прежние времена был одним из основных торговых узлов. Этот факт повлиял и на атмосферу, царившую в Гданьске, – насыщенную, живую. Этот город был подвижен и полон энергии, ему противопоставляется «иной» Гданьск, «светящийся пустотой» и лишившийся своего витального обаяния.

Типологически сходное описание города можно найти в «Ханемане» Стефана Хвина: «И только с темных фотографий, висевших над стеклянным столиком, за которым мы пили кофе, – с фотографий из ателье самого Баллерштедта плыли к нам мягкая темнота бегущих к Мотлаве улиц, поблескивание мелкой брусчатки на Марьяцкой и молочный свет фонарей на Широкой, которые не зажигал Ханс Лемпке» [Хвин, 2003. С. 27]; «перед глазами вновь возникали знакомые места, дома, комнаты, лица, но душу картины города, которого больше нет, не трогали – лишь память, казалось, небрежно тасовала побуревшие фотографии перед тем, как швырнуть в огонь» [Там же. С. 111]. Фотография здесь – способ передвижения через время и пространство, прямое доказательство несуществующего мира героев Хюлле и Хвина. С помощью фотографий герои книг реконструируют тот старый мир, который им дорог, актуализируя посредством визуальных образов универсальный механизм памяти.

В книге «Жестяной барабан» Гюнтера Грасса целая глава посвящена фотографии («Фотоальбом»). Значение фотографии определяется уже в самом ее начале, она – «сокровище», «драгоценность»: «Все эти тяжкие, состоящие лишь из календарных дат годы я хранил его, прятал, снова доставал; во время поездки в товарном вагоне я, как драгоценность, прижимал его к груди, а когда засыпал, Оскар спал на своем сокровище, на фотоальбоме» [Грасс, 2008. С. 47]. Если определять жизнь как некую длительность, состоящую из разных событий, определяемых только датами в календаре и нашими «внутренними часами», то фотография представляется универсальным механизмом, который способен не только сохранить, увековечить данный период, но и актуализировать человеческую память, каждый раз побуждая человека вспоминать, додумывать, переосмысливать события минувших дней, а самое главное – упорядочивать их, оформлять в некий «сюжет»: «Ну что бы я делал без этого все ставящего на свои места, открытого доступу фамильного склепа?» [Там же]. Одна фотография – маленький кусочек реальности, целый альбом – история во фрагментах, приобретающая эпический характер: «Есть ли хоть что-нибудь в этом мире, есть ли роман, способный достичь эпической широты фотоальбома?» [Там же]. Когда главный герой размышляет о фотографии, то приходит к выводу, что и Бог, наверное, имеет свой фотоальбом, куда ежедневно вклеивает сотни наших фотографий. Сама жизнь может быть представлена чередой снимков, сменяющих друг друга, как в калейдоскопе, показывающих изменения, связанные с людьми и не только с ними: «Попутно заметим: тут встречаются разнообразнейшие мундиры, тут меняются моды и прически, матушка становится толще, Ян худосочнее, тут попадают люди, которых я вовсе и не знаю, тут можно только гадать, кто делал снимок» [Там же].

Другая важная функция фотографии – обнаружение нетождественности героя себе прежнему: «Он открыл ящик. На дне – зеленоватое фото на паспорт. Птичье перышко. Серая монета. Стальное перо. Вот и все. Лицо на фото показалось ему чужим» [Хвин, 2003. С. 18], «По-видимому, это было как-то связано с давними событиями, о которых я ничего не знал: не случайно ведь однажды, когда в альбоме с фотографиями Вольного города я наткнулся на коричневатый снимок мужчины в белом пиджаке и женщины в длинном, по щиколотку, платье из темного крепдешина... когда я увидел этот снимок и, радостно пораженный чудесным открытием, воскликнул: «Да это же вы!» – и Ханеман, подойдя ко мне, склонился над коричневой фотографией с надписью «Глеткау» [Там же. С. 140]. Поиск

своего «я», своего образа через фотографии интересно раскрыт в иной книге Стефана Хвина – «Долина Радости», где главный герой, Эрик, стилист, предлагает своим посетителям альбом со снимками, чтобы они выбрали те образы, которые им близки: «Изо дня в день он заполнял новыми фотографиями свой большой, как он его назвал, атлас лиц, из которого клиенты, как гости в хорошем ресторане, могли заказать то, что им хотелось» [Chwin, 2007. С. 103]. Процесс перевоплощения, внешней трансформации занимает здесь особое место, потому что человек, надевая маску, может позволить себе поступки и вещи, не свойственные ему в повседневной жизни, что ведет порой к самым негативным последствиям – в итоге карнавал приводит к хаосу в городе. Подобный процесс трансформации при помощи фотографий присутствует и в книге Грасса. Кроме хранения, перебирания и разглядывания снимков, у главного героя Оскара и его приятеля появилась необычная забава, связанная с фотографиями. Оскар хотел отправиться в путешествие, а для этого было необходимо заказать паспорт, из-за отсутствия денег путешествие сорвалось, но появились походы в кино, после которых герои шли в фотосалон, чтобы сделать серию снимков на паспорт, потому что они «слишком стеснялись, и не только кассирши, но и совершенно посторонних типов, которые с откровенным бесстыдством изучали наши физиономии» [Грасс, 2008. С. 48]. Для чего был необходим этот фарс? Герой сам отвечает на этот вопрос – для сравнения. Наблюдать изменения, которые происходят с тобой за короткий промежуток времени, и делать анализ своего «я», но это не все. Фотография позволяет играть с собственной идентичностью как с некой конструкцией, которую можно разбирать и собирать заново в новых вариантах. «Игры» Оскара с фотографией материализуют этот процесс: «Если и была возможность поладить с собственной тоской, то лишь при помощи фотографий, поскольку в серийно изготавливаемых моментальных снимках мы видели себя пусть и не очень отчетливо, но – а это было важней – пассивными и нейтрализованными. Мы могли обходиться с собой как заблагорассудится, при этом пить пиво, терзать кровяную колбасу, приходить в настроение и – играть. Мы совмещали изображения постарше и помоложе, делали себя одноглазыми, трехглазыми, приставляли носы вместо ушей, молчали либо вещали правым ухом и заменяли подбородок лбом. Подобный монтаж совершался не только на основе собственного портрета: Клепп часто заимствовал у моего детали для своего лица, я брал характерное у него: нам удавалось создать новые и, как мы полагали, более счастливые существа. Время от времени мы дарили кому-нибудь очередной снимок» [Там же. С. 50]. В основе этого акта трансформации легко увидеть карнавальное начало, попытку перевернуть мир. Если взять реальный мир как некую

константу, то мир, репрезентированный на фотографиях, легко изменить, ибо ему присущ неустойчивый характер. Попытка примерить на себя разные маски, игра без правил, эксперименты с отождествлением и растождествлением – все эти элементы легко укладываются в реальность фотографии. Если воспринимать пространство фотографии как пограничное состояние, то есть подразумевать под ним пространство на границе реальности и не-реальности, то с уверенностью можно утверждать, что фотография является одним из типов онейрического пространства, подобным состоянию сна, но заключает она в себе совершенно иные свойства. Заметим, что герои сами выступают демиургами в этой ситуации создания чего-то нового, моделируют своими руками иную реальность, иные ипостаси собственного «я», при этом четко отграничивая то место, где заканчивается реальность и начинается игра сознания или воображения.

Травматическим событием для персонажей Грасса, Хюлле и Хвина становится война, в корне изменяющая облик Гданьска и мироздание героев, находящихся в пространстве города. Военная проблематика по-разному раскрывается в прозе этих авторов. Мы сконцентрируемся на тех «военных» фрагментах, в которых фигурирует фотография.

Рефлексия Оскара, главного героя Гюнтера Грасса, затрагивает одну важную проблему – изменения, вызванные войной. Писатель в главе «Фотоальбом» отмечает интересную вещь: «После войны входят в моду другие лица. У мужчин, глядящих в объектив, трафаретный вид, теперь именно женщины умеют подать себя на карточке, именно у них есть причины серьезно смотреть в объектив, именно они, даже улыбаясь, не способны отринуть подмалевку познанной боли. Она была им очень к лицу, печаль женщин двадцатых годов» [Там же. С. 52]. Фотография в данном случае выступает как репрезентант внутренних изменений, которые, как правило, происходят с людьми после разного рода катаклизмов.

Фотографии, запечатлевшие старый мир, прежний образ героя и его близких, имеют для героев особое значение. Подтверждением этому является мотив утраты вещи, в данном случае – фотографии. Потеря снимка приравнивается к трагедии. Обратимся к некоторым примерам: «Однако тщетно я искал, фотографий нигде не оказалось, вероятно, догадался я, они пропали во время переезда, когда мы с Анулей перебирались с улицы Хшановского на Уейщиско, – небось, отправились на помойку вместе с каким-нибудь пакетом макулатуры, затерявшись среди старых газет, писем и

счетов, так что, похоже, мне оставалось лишь повествовать о них панне Цивле во время очередной нашей поездки, и было мне отчего-то обидно, я ощутил себя просто-таки лишенным наследства, ибо что такое утрата дома или имущества в сравнении с утратой последних семейных фотографий, на следующий урок я шел в весьма мрачном расположении духа, твердо решив больше не рассказывать инструкторше никаких старых автомобильных историй – ни слова, даже шепотом, раз уж снимки пропали, – и мне вдруг почудилось, что я обобран до нитки» [Хюлле, 2004. С. 51]. Кроме того, желание Павла написать книгу, которую мы держим в руках, вызвано фотографиями, разбуженной ими ностальгией по прошлому: «и когда я вернулся в Собутки и уселся за стол, разложив небольшую пачку фотографий из фирменного конверта пана Хаскеля Бронштайна, эта первая фраза сложилась сама собой, и вам она уже известна» [Там же. С. 151]. Ту же ностальгию испытывает мать Александра Цимлянского, рассматривая старые фотографии. В сложное для нее и для всех людей время войны снимки пробуждают ее к жизни: «Просматривая семейные фотографии, документы и письма, валявшиеся на дне разбитого буфета, она почувствовала, что снова пробуждается к жизни. Со снимков давнишней Варшавы на нее смотрели муж, сыновья и знакомые, с которыми было пережито столько хороших минут» [Хвин, 2004. С. 303]. Вещи во время войны и отношение к ним людей – это особая тема для анализа. Главная мотивация человека в кризисные моменты (война, переезд, эмиграция) – взять самое необходимое. Среди необходимых вещей вновь фигурируют фотографии: «Когда мы, устав, сели в кресла, наши фигуры странным образом уменьшились в их неподвижных объятиях. Со стен исчезли фотографии. Теперь они лежали на сундуке, будто медальоны изо льда с застывшими водорослями внутри» [Там же. С. 252]. Аналогичные описания мы можем встретить и в романе «Ханеман» Стефана Хвина.

Другой важный мотив, который встречается при описании войны в рассматриваемых произведениях, – это разрушение вещи. Исчезновение, разрушение вещей создает пустое пространство, равное небытию. Уничтожение или повреждение фотографий – еще одно свидетельство разрушения обжитого космоса и наступления хаоса: «Комната панно Эстер на втором этаже опустела. Покалеченную мебель сдвинули к стене. Около двери свисали со стены оборванные обои. Стекло на фотографиях далекого города было разбито» [Там же. С. 190-191]; «А в квартире Шульцев сквозняк выдувал пух из вспоротых подушек. Кружащиеся перышки. Бесшумный рой снежинок, летящих из разбитого

окна. Иней. На стенах комнаты Гюнтера светлые прямоугольники там, где висели картинки. В кухонной плите горка пепла от сожженных фотографий. Разорванная занавеска колыхалась, как водоросли на дне реки» [Хвин, 2003. С. 67].

Мы бы хотели указать на еще один значимый элемент, который встречается в книге «Жестяной барабан»: это рефлексия Оскара по поводу самой техники фотографии и изменений, затронувших эту область. Современным черно-белым снимкам главный герой противопоставляет старые, которым был присущ характерный коричневый оттенок: «Для моего первого изображения, как и для многих снимков того времени, был безошибочно избран теплый коричневый тон, который не спутаешь ни с каким другим и который мне хотелось бы назвать человеческим, в отличие от бесчеловечно гладких черно-белых снимков наших дней» [Грасс, 2008. С. 57]. Технике моментального изготовления фотографий противопоставлена техника минувших лет, требующая больше усилий и времени, чтобы получить результат: «Дурацкие моментальные снимки такого внимания не заслуживают или заслуживают лишь как предмет сравнения, долженствующего линий раз показать, насколько великим и непостижимым, насколько высоким в художественном смысле и по сей день представляется мне портрет моего деда Коляйчека на первой странице альбома» [Там же. С. 51]. Если говорить о направлении, в котором движется искусство фотографии, то, по мнению Оскара, оно деградирует: «потом все деградирует, а художественная фотография не рубеже веков вырождается в бытовую фотку наших дней. Взять хотя бы тот памятник моему деду Коляйчеку и этот снимок на паспорт на моего друга Клеппа. Даже если просто положить рядом портрет дедушки, отретушированный коричневым, и гладкое, ждущее печати клепповское фото, сразу станет ясно, куда нас завел прогресс в области фотографии. В частности все эти штучки моментальной фотографии» [Там же. С. 47]. Так, упрощение техники изготовления фотографий становится метафорой упрощения бытия и личности человека.

Фотография выступает в текстах Хюлле, Хвина и Грасса как сюжетобразующий элемент. Так, герой Грасса Оскар через фотографии анализирует не только изменение близких для него людей: матери («карточка моей двадцатитрехлетней матушки... показывает нам молодую женщину, ...которая смягчает чувственность черт... парой скорее серых, нежели голубых глаз, привыкших... созерцать души людей и свою собственную тоже, как рассматривают

некий твердый предмет, скажем, кофейную чашку или кончик сигареты» [Там же. С. 52]), Яна Бронски («Ян Бронски... умеет, однако, скрыть свое деревенское, свое кашубское происхождение за праздничной элегантностью секретаря на Польской почте» [Там же. С. 53]), но и самого себя: «Я был красивым ребенком. Снимок сделан на Троицу в двадцать пятом году. Мне исполнилось тогда восемь месяцев... можно бы сказать: фотография – как все детские фотографии. Но посмотрите, пожалуйста, на мои руки, и вам придется признать, что мое первое изображение принципиально отличается от бесчисленных изображений, в равной мере демонстрирующих по разным альбомам очарование детства: я лежу со сжатыми кулаками» [Там же. С. 57]. Уже на первой фотографии, где появляется главный герой, легко угадывается то, чем он будет заниматься на протяжении всей книги – барабанить: «для специалиста по фотомонтажу не составило бы ни малейшего труда приделать соответственное, то есть уменьшенное, изображение детского барабана, не предпринимая никаких изменений в моей позе» [Там же. С. 58]. В данном случае фотография как бы предсказывает, в каком русле будут развиваться события, помогая при этом герою не только идентифицировать самого себя, но и, являясь деталью-антиципацией, определяет сюжетное развитие: «Все снимки более или менее удачные представляют собой предварительную стадию того портрета во весь рост, который заказали по поводу моего третьего дня рождения. Здесь, на этом снимке, я уже получил его, свой барабан... Здесь мне удалось занять позицию, изменять которой у меня нет ни малейшего повода... здесь принял решение никоим образом не становиться политиком и уж давно не торговать колониальными товарами, а, напротив, поставить точку и навсегда остаться таким – вот таким я и остался, задержался на этих размерах, в этой экипировке на долгие годы» [Там же. С. 59].

Таким образом, фотография берет на себя еще одну важную функцию: она содержит в себе образ будущего и заранее намекает на долженствующее произойти, подготавливая его. Так, в «Жестяном барабане» внимание Оскара внезапно привлекает одна фотография: «Но ни на одном из снимков неотвратимое, единственно оставшееся решение не читается так отчетливо, как на этом “балконном” снимке. Ян и матушка на одной карточке – здесь веет трагедией, золотоискательством, чрезмерностью, которая оборачивается пресыщением, и пресыщением, которое влечет за собой чрезмерность» [Там же. С. 55]. Трагедия, которая так отчетливо отпечаталась на фотографии, в полной мере обрела воплощение в жизни. Мать Оскара, которая металась всю жизнь между двумя мужчинами, так и не смогла определить,

чего она хочет, страдая сама и заставляя страдать тех, кого она любит. Ж. Бодрийяр писал об этой способности фотографии выводить на поверхность тайные мотивы судьбы: «Для большинства людей единственный секрет состоит в том, что они не знают, как живут. Этот секрет окружает их страхом некой таинственности, дикости, и фотография схватывает этот страх. Уловить в лицах отсвет наивности и рока, подтверждающий, что эти люди не ведают, ни кто они есть, ни как они живут» [Бодрийяр, 2006. С. 223].

Фотография является деталью-антиципацией и в романе П. Хюлле «Мерседес-Бенц»: «За несколько дней до начала войны дедушка успел сделать еще одну фотографию и отдать пленку Хаскелю Бронштайну, так вот, это оказался последний снимок, сделанный им в той Польше... ну а дедушка, который, конечно, не мог попасть в кадр, на этой фотографии также присутствует – в виде отчетливой тени; и должен вам признаться, что каждый раз, глядя на этот снимок, каждый раз, вертя в руках маленькую пожелтевшую карточку из мастерской пана Бронштайна, я испытываю умиление, потому что эта тень – словно предчувствие надвигавшихся событий, словно безмолвное дедушкино отсутствие в ближайшие несколько лет» [Хюлле, 2004. С. 90]. То же положение репрезентирует фотография в романе С. Хвина «Гувернантка». Семейство Цимлянских живет в Варшаве, но по воле обстоятельств переезжает в Гданьск (фотографии которого появляются в самом начале повествования), откуда к ним прибыла Эстер, гувернантка. Сначала Александр узнает о Гданьске через визуальные образы и речевые характеристики Эстер: «А на буфете в своей комнате на втором этаже она поставила несколько снимков далекого города, оправленных в рамки красного дерева. Неизвестный фотограф, должно быть, обожал меланхолические оттенки сепии: на его снимках башни и мосты города, где – как сказала панна Эстер – в доме номер 12 по улице Фрауэнгассе, в двух шагах от большого костела, жила семья Зиммелей, немного походили на парусники в темном тумане. Об этом далеком городе она любила рассказывать по вечерам» [Хвин, 2004. С. 26]. Но ближе к финалу произведения он видит город воочию: «Вот он, передо мной — этот город с темных фотографий. Казалось, улица, до сих пор смутно проступавшая сквозь рыжеватую дымку сепии, вдруг озарилась светом оживших, заговоривших красок, но я никак не мог поверить, что и в самом деле попал сюда» [Там же. С. 260]. Кроме фотографий Гданьска, в романе большую роль играет снимок самой Эстер. Для Эстер и мужчин, окружающих ее, – это возможность продления молодости. Комментируя эту ситуацию, Агнешка Чижак пишет: «В мещанском мире героев

Эстер старость связывается с ее специфическим исключением, старость самой Эстер, прекрасного предмета обожания, полностью бы ее уничтожила. Когда женщина стареет, то исчезает, а тем, кто обожал ее красоту, остаются фотографии, мизерные сувениры) [Czyżak, 1997. С. 36]. Интересную фразу произносит один из героев книги: «Проходят дни, проходят месяцы, молодой человек все еще наслаждается красотой своей избранницы и ничего не видит, ибо взор ему райской пеленою счастья застилает любовь, но мы-то – мы с вами – хорошо знаем, что это уже последки. Ото дня ко дню кожа сереет, глаза меркнут, морщинки бороздят шею. И что же потом? Молодому человеку остается лишь пара старых фотографий. А что такое старые фотографии? Пара старых фотографий – это просто рана в душе» [Хвин, 2004. С. 219]. Таким образом, фотография – своеобразный способ вечного существования, эликсир молодости.

Снимок Эстер важен и при развитии сюжета романа. Яна арестовали, и «главной уликой в деле была фотография молодой женщины со штампом «Фото Атлас–Хожая, 17» [Там же. С. 275]. Но фотография спасает жизнь Анджею, младшему брату Александра: «Проходя мимо выброшенных из карманов вещей, офицер, нагнулся и поднял фотографию молодой женщины... Офицер смотрел на снимок. Ему кричали из броневика: «Майор Зиммель! Полковник Хайнеке ждет ответа! Присылать или не присылать пятидесятку?» Анджей вздрогнул. Зиммель?» [Там же. С. 299]. Майор Зиммель сохраняет ему жизнь.

Фотография, появляясь в текстах как устойчивый мотив, выполняет различные функции, помогая раскрытию художественного замысла и являясь важной составляющей вещного мира, в котором существуют герои книг Грасса, Хюлле и Хвина. Одна из основных функций фотографии – возможность возвращения в прошлое и переосмысливания его (как правило, это возвращение в довоенный Гданьск и попытки героев его реконструировать). Если говорить об антропологической перспективе, то фотография оказывается одним из способов идентификации героев на разных уровнях (речь идет не только о внешних изменениях, но и о внутренних). Важной, на наш взгляд, кажется функция фотографии как детали-антиципации, что связано с особой интерпретацией феномена фотоснимка: он фиксирует не только то, что на данный момент является настоящим, а через некоторое время – прошлым, но и содержит в себе будущее. Тем самым фотография как деталь обретает сюжетобразующий потенциал. Фотография является частью

самых героев, поэтому ее утрата или повреждение в сюжете соотносится с кризисом – личным или социальным, а на уровне мифопоэтики – с гибелью прежнего космоса. Для разных эпох были характерны свои «талисманы» и «драгоценности», о чем пишет Бодрийяр, и его высказыванием мы бы хотели завершить статью: «Фотография – это наш способ изгонять злых духов. В первобытном обществе были маски, в буржуазном – зеркала, а у нас же существуют изображения» [Бодрийяр, 2006. С. 225].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грасс Г. Жестяной барабан. Санкт-Петербург: Амфора, 2008. 639 с.
2. Хвин С. Гувернантка. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 320 с.
3. Хвин С. Ханеман. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 285 с.
4. Хюлле П. «Мерседес-Бенц». Из писем к Грабалу. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 152 с.
5. Chwin S. Dolina Radości. Gdańsk: Wydawnictwo „Tytuł”, 2007. 544 s.
6. Huelle, P. Opowiadania na czas przeprowadzki. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2007. 182 s.
7. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2006. 258 с.
8. Czapliński P. Swiat podrobiony. Krakow: Universitas, 2003. 272 s.
9. Czyżak A. Życiorysy polskie 1944-1989. Poznań: Poznańskie studia polonistyczne, 1997. 174 s.
10. Sekula E.A. Miejskie luminalia – w stronę krytycznej ontologii elektropolis // ER(R)GO. № 12, 2006.
11. Schimdt S. Śladami gdanskich bochaterów Guntera Grassa. Gdansk: Marpress, 1993. 277 s.
12. Zalewski C. Czytanie obrazu. Motyw fotografii w prozie ostatniej dekady // Literatura polska 1990-2000. Tom 2. Krakow: Zielona Sova, 2002. s. 394-420.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА НА МОТИВАЦИЮ СПЕЦИАЛЬНОГО НАИМЕНОВАНИЯ

А.В. Перфильева¹⁴

Проблема мотивированности в лингвистике связана с номинацией, с анализом механизма создания в языке обозначения разных фрагментов действительности. Формируя в своем сознании какое-то понятие, номинаторы конкретизируют его за счет других, уже конвенционально закрепленных знаков языка, именуя свойства, функции объекта и т.д. [Любезнова, 2005. С. 16]. Теория мотивации направлена на изучение особенностей осознания носителями языка связи звучания и значения лексических единиц на основе формально-семантической соотнесенности с другими лексическими единицами системы и позволяет, в частности, изучить механизм называния явлений и сущность языкового знака путем соотнесения лексических единиц, что является актуальным для ономазиологии. Действие процессов мотивации и номинации тесно взаимосвязано. Прежде всего, их объединяет наличие таких основных факторов, как фактор языкового сознания и фактор соположенности ряда научных понятий и терминов [Блинова, 1989. С. 67]. Доминирующая позиция фактора языкового сознания проявляется при изучении явления мотивации слов, что объясняется механизмом соотнесения лексических единиц языка, осознанием рациональности связи их звучания и значения, которые происходят в языковом сознании говорящих.

Проблемы номинации специальной лексики на протяжении нескольких десятилетий остаются актуальными. Номинативные процессы непосредственно определяют образование и становление системы специальных наименований, от них в значительной степени зависит динамика подязыков. Обусловленные сложным взаимодействием внутренних и внешних факторов, номинативные процессы отражают особенности творческой деятельности трудовых коллективов и отдельных их представителей в информационно-терминологической сфере [Борхвальдт, 2000. С. 158-159].

В формировании лексики большинства профессиональных подсистем важную роль играет вторичная номинация,

---

¹⁴ Научный руководитель – д.ф.н., проф. Фельде О.В.

предполагающая использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения [Языковая номинация: Виды наименований, 1977. С. 129]. Для слов, образованных семантическим способом, характерна семантическая мотивированность. Подобные наименования появляются вследствие преломления вещественных признаков нового понятия через семантическую систему, где они отождествляются с единицами лексического уровня [Адилова, 1999. С. 87].

Семантическая мотивированность – разновидность типа относительной мотивированности, выраженной лексико-семантическими средствами языка [Блинова, 2004. С. 44].

В лексике глинозёмной промышленности можно выделить наименования, представленные тремя видами семантической мотивированности: (1) семантическая мотивированность, возникшая в результате метафорического переноса, (2) семантическая мотивированность, возникшая в результате метонимического переноса, (3) семантическая мотивированность, возникшая в результате сужения лексического значения общеупотребительного слова.

Процесс метафоризации отражает реальный жизненный и профессиональный опыт, он во многом обусловлен особенностями образного мышления. Все виды метафоры опираются на ассоциативные связи, возникающие в сознании. При этом «исходной точкой для построения образа часто является не содержание специального термина, а «бытовое представление» о нём, включающее лишь часть дифференциальных признаков, составляющих его содержание [Капанадзе, 1966. С. 16]. Рождение метафоры связано с концептуальной системой носителей языка, с их стандартными представлениями о мире, с системой оценок, которые существуют в мире сами по себе и лишь вербализуются в языке [Маслова, 2001. С. 89].

Данное положение подтверждается и лексико-семантическими группами конкретной лексики, активно участвующей в метафорическом терминообразовании [Прохорова, 1996. С. 51]. Это, прежде всего, соматизмы – название частей тела и внутренних органов человека. Переносные значения и омонимы с литературным языком

образуются путем метафорического переноса по модели: соматизм → метафорический перенос по сходству формы, местоположения, функций и т.д. → специальное наименование.

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие реализацию данной модели: *ухо* – кронштейн крепления насоса или другого механизма (метафора по форме и местоположению), *голова* – передняя часть насосов 5 ГРТ, 8 ГРТ, 10 ГРТ, 12 ГРТ, фильтров БОУ 40 (метафора по местоположению), *мутит в голове* – поднялась грязь в головном сосуде (метафора по местоположению).

В эту же группу можно включить наименования, отражающие систему социальных отношений, взаимодействия носителя языка. Иногда подобные наименования отражают некоторые противоречия, свидетельствующие о неоднозначном отношении к предмету или его многоаспектности. Так, кувалду рабочие называют *тещей* (негативное отношение) и *кормилицей, матерью*. В качестве дифференцирующего признака здесь называют размер этого инструмента.

Активностью семантической деривации характеризуется лексико-семантическая группа зоосемизмов общелитературного языка (названия животных, птиц, рыб, насекомых, пресмыкающихся). Образование переносных значений происходит по модели: зоосемизмы → метафорический перенос по сходству формы, местоположения и др. (в редких случаях – сходству эмоциональных впечатлений) → название предмета. Например: *хрюши* – респираторы (метафора по форме), *наук* – распределительный бочок (метафора по форме), *динозавр* – пластинчатый питатель тяжелого типа, *поросенок* – промежуточный вал привода барабана фильтра БОУ 40 (метафора по форме), *петух, петушок* – вид резца (метафора по форме), *улитка* – внутренний корпус насосов 8 ГРТ и 5 ГРТ (метафора по форме).

Менее продуктивны ботаникосемизмы – названия деревьев, растений, плодов и т.д. Специальные наименования образуются по модели: ботаникосемизм → метафорический перенос по сходству формы, местоположения и др. → название предмета.

В подязыке глиноземной промышленности примером является такое наименование, как *груши*: *наросли груши* – нарастание шлама грушевидной формы в баковой аппаратуре (метафора по форме).

Активными возможностями семантической деривации по различным моделям характеризуются различные лексико-семантические группы бытовой лексики. Важно отметить, что и общелитературная лексика, и специальные наименования образуются по общим моделям.

Метафорический перенос осуществляется на основании сходства признаков формы, местоположения, структуры и функции общеупотребительного и специального понятий. В ряде случаев эти виды переноса осуществляются одновременно и по сходству эмоциональных впечатлений (ассоциации). Рассмотрим соответствующие примеры: *самовар* – смеситель (метафора по форме), *кастрюля* – каска (метафора по признаку – нагревается), *колокол* – бронь конусной дробилки (метафора по форме), *порошок* – глинозём (метафора по внешнему виду), *кладовка* – склад инструмента (отражение бытовых представлений о месте хранения чего-либо), *ланги* – лепестки муфты, соединяющие двигатель и редуктор, *портянки* – лепестки муфты, соединяющие двигатель и редуктор (отражение бытовых представлений о быстром износе).

В этой группе наименований мы наблюдаем омонимичные формы, например, *кастрюлей*, кроме указанного выше, называют также сгуститель. Респонденты объясняют данное наименование следующим образом: «потому что форма чана и сверху накрывается для уменьшения количества аэрозолей в воздухе».

Наряду со специальными наименованиями метафорического образования в лексике глинозёмной промышленности частотны наименования, образованные в результате метонимического переноса. Метонимия представляет собой результат выбора наименования на основе переноса имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию [Арутюнова, 1998. С. 300].

Сопоставляя метафору и метонимию, О.В. Фельде (Борхвальдт) отмечает, что «механизм метонимического переноса всегда обусловлен логическим мышлением. При этом сознание устанавливает логические связи между различными категориальными значениями слов, принадлежащих, как правило, к одной и той же подсистеме языка» [Борхвальдт, 2000. С. 178]. В отличие от метафорических образований, метонимические переносы в терминологической лексике, как правило, не имеют в составе лексического значения коннотации экспрессивности-эмоциональности. В качестве лексического мотиватора специальных единиц, имеющих этот вид мотивированности, выступает, как правило, специальное слово той же терминологии. Мотивирующая часть полностью совпадает со звуковой оболочкой слова, так как мотивировочный признак представлен в морфо-семантической структуре слова логически и выражается через название смежного, сопредельного референта [Штейнгарт, 2005. С. 91]. Однако и в этих наименованиях находит отражение социальный опыт носителя языка, как будет показано ниже.

В лексике глинозёмной промышленности продуктивны следующие модели метонимического переноса: «наименование действия – наименование предмета или явления, связанного с этим действием» (*разлюковка* – самодельный инструмент, применяемый при разлюковке конусов карбонизаторов, *переток* – труба, соединяющая два бака (карбонизатора и под.), чтобы раствор мог перетекать из одного в другой); «наименование аппарата, устройства, цеха, производственного участка – наименование лица, которое работает с этим аппаратом, устройством, в цехе, на производственном участке» (*проточка* – работники цеха проточного выщелачивания – проточки); «наименование продукта – наименование устройства, выпускающего или передающего этот продукт, цеха, выпускающего продукт или использующего его в качестве сырья» (*мазут* – мазутопровод, *сода* – цех кальцинированной соды); «наименование аппарата – наименование помещения, в котором находится этот аппарат» (*декомпозиёр* – узел декомпозиции, *репульпатор* – место, где расположены репульпаторы, *карбонизатор* – узел карбонизации); «наименование инструмента – наименования цеха, производственного участка, где используется этот инструмент» (кувалда – цех ремонта печных агрегатов); «наименование производственного совещания – наименование помещения, в котором оно проводится» (*пятиминутка* — короткое совещание по производственным вопросам, помещение, в котором получают задание на

смену, *раскомандировка* (пятиминутка) – короткое совещание, на котором получают задание на смену, помещение, в котором получают задание на смену) и др.

Сужение значения – это перенос названия одного понятия на другое на основании общности всех признаков, присущих производящему слову, при наличии у суженного понятия дополнительных признаков [Прохорова, 1996. С. 79]. Если наименование, образованное данным лексико-семантическим способом, осознается говорящим как возникшее в результате заимствования общеупотребительного понятия или специального понятия из другой отрасли, то оно обладает мотивированностью. В большинстве случаев, мотивационное и лексическое значения единиц, имеющих этот вид мотивированности, находятся в отношении включения, т.е. первое является частью последнего [Нестерова, 1987. С. 133-154].

В лексике глинозёмной промышленности к наименованиям, имеющим этот вид мотивированности, относятся бумага, фольга, корка и др. Приведём пример. Профессионализм «корка» – «твёрдый слой испорченного гидрата». Мотивационное значение этого профессионализма – «то, что представляет собой корку». Лексическим мотиватором выступает общеупотребительное слово корка в значении «верхний затвердевший слой чего-нибудь» [МАС, II. С. 104]. Для говорящего основанием соотношения специального и общеупотребительного понятий являются семантические составляющие «твёрдость» и «верхний слой», что видно из высказывания: «Молоть корку значит при чистке карбонизаторов, декомпозиёров убирать налёт – испорченный гидрат, расположенный по стенкам». Мотиватор, включившись в сферу специального использования, приобрёл ряд специфических дополнительных признаков, таких как «испорченный гидрат», что характеризует состав, «находящийся сверху стенок карбонизаторов, декомпозиёров», что и привело к образованию нового специального слова.

Семантическая мотивированность, характерная для большинства профессиональных подсистем, широко распространена в лексике глинозёмной промышленности. Как показывает анализ, наиболее частотны случаи семантической мотивированности, возникшей в результате метафорического переноса.

При определении мотивированности специального наименования для исследователя важно выявление семантических компонентов слова, осознаваемых носителями языка. В этом контексте особую роль играет социальный опыт носителя языка, который, с одной стороны, позволяет создавать специальные наименования, а с другой – адекватно воспринимать их представителям данного профессионального сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адилова А.Д. Основы мотивологического анализа. Кокшетау: Изд-во Кокшет. ун-та, 1999. 118 с.
2. Арутюнова Н.Д. Метонимия // Лингвистический энциклопедический словарь. Изд-е 2-е. М., 1998. С. 300-301.
3. Блинова О.И. Номинация и мотивация // Диалектное слово в лексико-системном аспекте. Межвузовский сборник научных трудов. Ленинград, 1989. С. 66-75.
4. Блинова О.И. Русская мотивология: уч.-метод. пособие по спецкурсу для вузов по специальности 021700 «Филология»; Томский гос. ун-т. Изд. 2-е, перераб. и доп. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 64 с.
5. Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект: учеб. пособие для студ. филол. факультетов ун-тов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. 190 с.
6. Борхвальдт О.В. Историческое терминоведение русского языка. Красноярск: РИО КГПУ, 2000. 200 с.
7. Капанадзе Л.А. Взаимодействие терминологической лексики с общелитературной (на материале современного русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. 21 с.
8. Кияк Т.Р. Лингвистические аспекты терминоведения. Киев, 1989. 104 с.
9. Любезнова Н.В. Прямая и обратная мотивированность в префиксальном и конфиксальном глагольном словообразовании: дис. на соиск. учен. степени канд. филол. н. 10.02.2001. Саратов, 2005. 176 с.
10. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001. 208 с.
11. Нестерова Н.Г. Мотивационное значение слова и его статус: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1987. 238 с.
12. Прохорова В.Н. Русская терминология: лексико-семантическое образование. М., 1996. 125 с.

13. Штейнгатт Е.А. Лексика алюминиевой промышленности в свете теории мотивации: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 254 с.
14. Языковая номинация. Кн. 1: Общие вопросы. М., 1977. 395 с.

**ПАРОНИМИЧЕСКАЯ И ОМОФОНИЧЕСКАЯ ЗАМЕНА
В ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТАХ КАК ПРИЁМ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ
В КНИГЕ Е.В. КЛЮЕВА «МЕЖДУ ДВУХ СТУЛЬЕВ»**

М. Ю. Поташкова¹⁵

Произведение нашего современника Е.В. Клюева «Между двух стульев» называют «книгой абсурда». В аннотации к её изданию 1989 г. М.В. Панов пишет, что эта книга представляет собой игру, правила которой создаются по ходу самой игры. Она рассчитана на «эрудированного, оригинально мыслящего и веселого собеседника» [Панов. Электронный ресурс: www.lib.ru].

В одном из интервью Евгений Клюев говорит о литературе, игре и языке: «...Я убежден, что в литературе все смертельно серьезно — иначе "игра" по имени Литература, как и всякая игра, быстро наскучила бы... Мне, по крайней мере. Тут вот что поразительно: стоит только появиться писателю, предъявляющему высокие требования к языку, как его тут же записывают в категорию "игрунов". Слово серьезного отношения к себе язык не заслуживает в принципе. *С моей же точки зрения, в человеческой жизни и человеческой же — тут я улыбнусь — литературе нет вообще ничего, кроме языка* (курсив наш. — М. П.). Так что я, в отличие, может быть, от других писателей, просто ни на минуту не забываю, кто тут у нас главный, и почтительно уступаю языку место всякий раз, когда он перестает нуждаться во мне» [О пользе абсурда. Электронный ресурс: www.rusger.ru]. Совершенно естественно поэтому, что главным «действующим

---

¹⁵ Научный руководитель – к.ф.н., доц. Копнина Г.А.

лицом» в произведениях этого писателя становится язык, а основным средством моделирования абсурдного мира – языковая игра.

Е.В. Клюев при создании абсурдного мира «Между двух стульев» прибегает к сплошной языковой игре: в общей сложности нами отмечено свыше 150 различных «игровых» единиц. В произведении присутствуют такие типы языковой игры, как разложение идиоматических выражений; нарушение логических законов построения текста; столкновение разностилевых элементов в одном контексте; лексическо-семантические, паронимические и омофонические замены в прецедентных текстах; морфемное словоизменение и словообразование; оксюмороны; цитация; обыгрывание полисемии; преобразования в области графики и орфографии; паронимическая перестановка; использование рифмы; метонимический перенос; ложная этимология; и др.

Наиболее многочисленными, по нашим подсчетам, являются случаи языковой игры, основанной на паронимии и омофонии слова и его словоформ (62 примера).

Как материал языковой игры в таком случае используются **цитаты** из произведений художественной литературы, например: «...*Азовское море!* – с воодушевлением заорал он и пустил воду. – ***Резвая птица долетит до его середины***» (Е.В. Клюев. Между двух стульев)¹⁶ – ср.: «Редкая птица долетит до середины Днепра» (Н.В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки).

Автор обыгрывает широкий круг песенных текстов – от детских песенок («*Чтобы не думать о случившемся, он снова стал напевать, правда, теперь уже совсем безобидную песенку: **Жир был у бабушки – / смерть от глюкозы! / Вот как, вот как – / смерть от глюкозы!***» – ср.: «Жил-был у бабушки серенький козлик, / Вот как, вот как / серенький козлик») до известных оперных либретто («*Серьги красавицы – / словно пельмени ...*» – ср.: «Сердце красавицы склонно к измене...» (из либретто Ф.М. Пиаве к опере Дж. Верди «Риголетто»)).

---

¹⁶ Здесь и далее иллюстрации приводятся по изданию: Клюев Е.В. Между двух стульев. – М.: Педагогика, 1988.

Интересно также каламбурное паронимическое обыгрывание классического примера логического закона исключённого третьего «Сократ смертен, либо Сократ бессмертен»: «– *А из того, что Сократ смертен, следует, что **не Сократ – стократ смертен**, – скаламбурил в обычной своей манере Ой ли-Лукой ли».*

Кроме того, в число текстов, послуживших материалом для языковой игры, входят различные фразеологизмы («– *Обойдешься, **не велика пицца!**!*» – ср.: «Не велика птица»), пословицы и поговорки («*Сколько волка ни кори...*» – ср.: «Сколько волка ни корми, всё равно в лес смотрит»), устойчивые словосочетания («...*а на другой [стороне] – вообще **Дохлый Помер***». – ср.: «дохлый номер»).

Основу паронимической и омофонической замены в целом ряде случаев могут составлять и названия произведений художественной литературы, имена персонажей, прочие художественные реалии.

Наиболее продуктивной оказывается трансформация произведений художественной литературы, имен персонажей. Е.В. Клюев обращается к произведениям Стендаля («**ХАМСКАЯ ОБИТЕЛЬ**» – ср.: «Пармская обитель»), Ж. Верна («**Таинственный Остров**» – ср.: «Таинственный остров»), А.С. Пушкина («*Мой дом иногда принимают за **КАПИТАНСКУЮ ДАЧКУ**...*» – ср.: «Капитанская дочка»), Дж. Лондона («**Белое Безмозглое**» – ср.: «Белое безмолвие»), А. Толстого («–...она [*птичка СолоВий*] там живет, – и он махнул рукой влево, – возле **ГИПЕРБОЛОТА ИНЖЕНЕРА ГАРИНА**).

– *Возле... чего? – обалдел Петропавел.*

– *Возле ГИПЕРБОЛОТА... ну, это такое сверх-болото – жуткое, туда всех затягивает! Болото болот, в общем... А названо оно в честь инженера Гарина – я не знаю, кто это, но в его честь». – Ср.: «Гиперболоид инженера Гарина») и др.*

В том же контексте обыгрываются фольклорные образы: «**Тридевятая Цаца**» – ср.: «Тридевятое царство»; «**Воще Бессмертный**» – ср.: «Кощей Бессмертный».

Легко распознаются названия известных географических объектов, например: «...*Это ЧАСТНАЯ ПОЛЯНА. В какой цвет хочу – в такой и крашу*» – ср.: Ясная поляна; «...*Вернись назад, в ДОЛИНУ РОЗГ*». – Долина роз (Болгария).

Текст Е.В. Клюева лишний раз подтверждает тот общеизвестный тезис, что языковая игра является многофункциональным средством. Основные функции, которые выполняет прием языковой игры в данном произведении, перечислены ниже:

- людическая функция (о лат. ludus – игра) – функция, нацеленная непосредственно на игровой эффект, производимый текстом;
- экспрессивная – заключается «в способности выражать эмоциональное состояние говорящего, его субъективное отношение к обозначаемым предметам и явлениям действительности» [Большая советская энциклопедия. Электронный ресурс: <http://bse.sci-lib.com>];
- маскировочная – позволяет «замаскировать» сообщение и, благодаря этому, выразить смыслы не прямо (*Воце Бессмертный* – герой, который, в отличие от известного сказочного персонажа Кощея Бессмертного, не может умереть ни при каких обстоятельствах; таким образом, в имени персонажа выражена его главная характеристика);
- комическая – развлекательная функция, вызывает комический, смеховой эффект («*Серьги красавицы – / словно пельмени...*»);
- языкотворческая – в качестве результата имеет возникновение новых языковых единиц.

Важнейшими функциями языковой игры в произведении Е.В. Клюева являются также текстообразующая функция как средство создания абсурдного мирообраза и жанрообразующая функция, поскольку последняя определяет суть так называемой литературы нонсенса.

Итак, можно смело утверждать, что Е.В. Клюев не только специалист в области риторики и теоретик литературы

абсурда, написавший такие работы, как «Риторика: Инвенция. Диспозиция. Элокуция» и «Теория литературы абсурда», но и великолепный писатель-абсурдист, широко и оригинально использующий различные приемы и средства языковой игры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com>.
2. Ключев, Е.В. Риторика: (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учебное пособие для вузов. М.: ПРИОР, 1999.
3. О пользе абсурда // Русский репортёр. № 23 (23). 8 ноября 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.rusrep.ru.
4. Панов М. В. Об этой книге (аннотация к изданию 1989 года) // Е.В. Ключев. Между двух стульев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.lib.ru

СИНТАКСИС И СИНТАГМАТИКА ЛЕКСЕМЫ «СКАНДАЛ»

В.В. Смотрицкая¹⁷

Бытовой скандал – явление довольно частое, но малоизученное, поскольку, как правило, скандалы происходят без посторонних и плохо поддаются внешнему наблюдению. В жизни мы можем видеть и слышать только рефлексию на скандал в дружеской беседе, переписке или в записях блога.

Лексема *скандал* имеет несколько различных толкований. Самое раннее из известных нам дано в словаре В.И. Даля: *скандал* – срам, стыд, позор; соблазн, поношение, непристойный случай, поступок. [Даль, 1998. С. 192] В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово *скандал* толкуется следующим образом: 1. Случай, происшествие,

---

¹⁷ Научный руководитель – к.ф.н., доцент Ким И.Е.

позорящее его участников. 2. Происшествие, громкая ссора, нарушающие порядок [Ожегов, 1993. С. 745]. Наиболее близкое обыденному пониманию определение скандала дает сайт <http://ru.wikipedia.org>: «В обиходе скандалом обычно называется бурный спор, ругань».

Таким образом, скандал представляет собой коммуникативное событие, ситуацию с высокой интенсивностью, характеризующуюся резко отрицательной оценкой и краткую по продолжительности.

По мнению В.Г. Гака, **ситуация** – это «совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании высказывания. Аспекты ситуации многообразны, и необходимость их отражения порождает различные специфические функции языка» [Гак, 1973. С. 358].

Для сбора материала по исследованию ситуации бытового скандала были использованы блоги, тексты переписки в интернет-мессенджерах (ICQ, mail.ru Агент), а также материал из Национального корпуса русского языка. Выборка контекстов составила около 200 примеров употребления слова **скандал**.

Скандал является словом с ситуативной семантикой, однако это производное существительное. Поэтому в семантической структуре предложения это существительное способно выполнять квазироли, то есть занимать позиции, характерные для предметных участников ситуации. Квазироли определенным образом соотносятся с падежной формой, в которой стоит слово. Синтаксические квазироли лексемы **скандал** в найденных примерах распределяются следующим образом:

1. Субъект – 45,41% (99): *Дома меня ждал скандал... беспочвенный...*;
2. Объект – 46,32% (101): *Когда мама вернулась с работы, я не стала говорить ей об этом. Я знаю, она обязательно заведёт такой скандал, что весь подъезд нас сразу будет знать в лицо;*
3. Предикат – 5,04% (11): *Результат – очередной скандал и "жижа";*
4. Квазилкатив (следствие) – 0,92% (2): *Он никогда не поймет, что в скандале виноваты 2 человека, а не один;*

5. Темпоратив – 1,38% (3): *После огромного скандала его хватает на два дня, чтоб не разбрасывал носки по квартире;*
6. Бенефициент (следствие) – 0,46% (1): *Не думала, что единственным поводом для скандала станет то, что на мне нет шапки...;*
7. Обращение 0,46% (1): *Потому что если я ей скажу: «Мама, оставь меня», – всё, это – привет, очередной скандал, привет, валерьянка, привет, слёзы по часа 4. Я не хочу этого...*

Скандал является квазиобъектом, когда слово стоит в винительном падеже: *И под конец все настроение испортила мамка, закатив скандал из-за того, что я не помыл посуду; Я вот не понимаю, можно было не цепляться, а сказать, чтоб я просто говорила погромче, неужели надо все превратить в скандал? Скандал, являющийся квазисубъектом, обозначается формой именительного падежа: А сегодня меня в шесть разбудил скандал; Самое ужасное будет, если проблема именно с этим, и об этом узнает бабушка. Будет скандал и катастрофа. Боюсь ужасно; **Скандал** разгорелся из-за десяти оранжевых томов. Лексема скандал является предикатом в односоставных номинативных предикативных единицах, таких как: **Скандал**, драка, кровь, ор, истерики. Кроме того, для обозначения разных квазиролей используется форма родительного падежа этого слова, например: *После огромного **скандала** его хватает на два дня, чтоб не разбрасывал носки по квартире.* Всего один раз слово скандал встречается в творительном падеже: *Мне заплатили аванс, и я ушла. Хотя она уверяет, что если бы она **со скандалом** не пришла, НИКОГДА бы не заплатили.**

Лексическая и синтаксическая сочетаемость лексемы *скандал* распространяется на глаголы и прилагательные, в предложении являющиеся предикатами и определениями.

Анализ лексической сочетаемости показал, что лексема *скандал* в разных падежах сочетается со 33 различными предикатами. Из них наиболее частотны:

1. *Будет / был – 31: Короче, мы так и не договорились. Я не поехала в пятую, если и поеду, то опять в приемный*

покой. Нет у меня желания к профессорам переть, которые заведомо положат меня, чтоб поиметь денег. Думаю, в следующий раз в консультации **будет** настоящий скандал; Мой первый дневник нашла и прочитала мама. **Был** скандал...;

2. **Закатить** / **закатил** / **закачу** / **закатила** / **закатился** / **закатила бы** / **закатиться** – 21: В общем, я сам **закатил** себе жуткий скандал и в наказание заставил делать уроки;

3. **Начать** / **начинать** / **начинается** / **начаться со** – 4: Сегодня мама заявила ко мне на работу, её, естественно, выпроводили с офиса, она **начала** скандал;

4. **Не будет устраивать** / **устроила** / **устроил** / **устраиваю** / **не устраиваю** – 9: Сосед по палате в ЛОР-отделении **устроил** скандал главврачу на тему того, что его тут нифига не лечат – он стал слышать ещё хуже, чем при поступлении;

5. **Получается** / **получил** / **получился** / **получить** – 6: Пришли сегодня амортизаторы, **получил** дома знатный скандал. Как будто я чужие деньги трачу на свой тюнинг...

В психологии, социологии и культурологи скандал рассматривается непосредственно в процессе развития ситуации. «Время скандала – только настоящее. <...> Скандал обладает взрывной, но непродолжительной динамикой. Растянутый во времени скандал банализируется, теряет свою сюрпризность – главную энергетическую силу, умирает» [Букс, 2008. С. 12].

В языковой репрезентации скандала, как правило, не используется актуальное настоящее время ввиду кратковременности самой ситуации, только обобщенное настоящее. Например: *Каждый раз, когда он уходит, **устраивает*** (настоящее обобщенное время) *настоящий скандал*.

В описаниях ситуации преобладает рефлексия на уже произошедший скандал с употреблением глагола в форме прошедшего времени, например: *Я ненавижу того карманника, который лез женщине в сумку в метро во вторник, ненавижу ту бабу, что **устроила*** (прошедшее время) *скандал своим скрипучим голосом*.

В основном предикаты показывают, что скандал произошел случайно. На спонтанность данной ситуации указывают следующие предикаты *вышел, получился*: *В понедельник **вышел** скандал, и я ушла с ползанятия*. Но некоторые тексты содержат информацию о том, что бытовой скандал не всегда спонтанен, при условии регулярности проявления некоторых форм поведения он может быть ожидаем: *Моя мама – удивительное существо. Она любит тебя, если ты танцуешь под её дудку и делаешь всё по её повелению, но стоит тебе проявить самостоятельность и сделать по-своему – и тебя **ждёт** скандал и кидание сковородой в голову*. Известное выражение *Скандал витает в воздухе* служит дополнительным подтверждением ожидаемости скандала. То, что скандал не всегда спонтанен, а порой и преднамерен, показывают такие предикаты, как *закатить, устроить, затеять*. Например: *Ну, ничего. Я ему еще покажу какая я «милая и добрая», я ему устрою праздник! Подкоплю еще немного и **закачу** скандал*. Преднамеренность скандала также актуализируют предикаты *провоцировать, спровоцировать* в настоящем и прошедшем времени: *«Почему ты вначале сама **провоцируешь** скандалы?»; Ксюш, вчерашний скандал **спровоцировал** Антон*. Помимо преднамеренности предикат *провоцировать* усиливает негативную оценку, заложенную в самом слове *скандал*.

Предикаты по большей части стилистически нейтральны и не выражают никакой оценки, это иллюстрирует самый частотный предикат *был*: *Блин, ещё сегодня Миса звонила, а меня не было... И мама узнала про оценки, в общем был скандал*. Как ни удивительно, но, несмотря на негативную оценку, заложенную в лексеме *скандал*, некоторые примеры показывают, что скандал может оцениваться положительно: *И когда ты живешь-живешь, радуешься жизни, никого не трогаешь, а потом самый близкий на земле человек в состоянии аффекта орет на тебя, по жизни ты начинаешь идти осторожной поступью, постоянно оглядываясь по сторонам. Уже подсознательно соизмеряя свои действия с мировоззрением родителей. И хорошо, если вовремя разразившийся подростковый скандал **освободит** от моральной инвалидности. Хотя, может, я сужу по себе...* Предикат *освободит* содержит в себе положительную оценку, нейтрализующую негативность слова *скандал*.

Определения, представленные в сочетании со словом *скандал*, делятся на согласованные и несогласованные. Несогласованные определения представляют собой, как правило, индивидуальное восприятие мира авторами текстов и

усиливают эмоциональную окраску предложений, являющихся рефлексией на скандал (с выдергиванием перемычек, со взаимным выцарапыванием глаз). Например: *Скандал мне все-таки устроили, **очень интеллигентский**, но с **нехилым зарядом ненависти**, взывали к моим морально-этическим чему-то там, но нет у меня этого «чего-то там», не по отношению к этим людям и этому месту, сколько можно кровь пить? В общем, мне не подписывают заявление об увольнении под разными предлогами и мне приходится пахать как никогда в жизни.*

По признакам скандала, выраженным согласованными определениями, найденные ситуации можно разделить на следующие группы:

1. Негативная оценка. Только три примера (*ужасный, жуткий, истерический*) характеризуют ситуацию резко отрицательно: *Я тут не написала специально, потому что не хочу негативить в гневе... но скандал был **ужасный***. Низкую встречаемость прилагательных со значением отрицательной оценки можно объяснить тем, что она содержится в семантике самого слова *скандал*. Негативную оценку также выражают некоторые предикаты (*закатить, провоцировать, разгореться*).
2. Масштабность события (*большой, грандиозный, такой, настоящий, огромный, крупный, знатный*): *Был **грандиозный** скандал. Бред. Не хочу об этом вспоминать.*
3. Неопределенность (*какой-нибудь, какой-то*): *Ты же понимаешь, вот сейчас мне дома терпеть вообще скандал **какой-нибудь**.*
4. Отношение ко времени (*вчерашний, утренний*): *Ксюш, **вчерашний** скандал спровоцировал Антон»; «Ну вот, теперь даже Юля спрашивает что там было. Не рассказывать же?! Хотя... нет, нет, у меня тут уже был на этой неделе **утренний** скандал по поводу того, что я алкаш, и вообще....*
5. Воспроизводимость во времени (*новый, очередной, случайный, повседневный*): *Вот почему я, в принципе дружелюбный человек, могу так запросто повестись на какой-то **случайный** скандал?*
6. Отношение к возрасту (*подростковый*): *И хорошо, если вовремя разразившийся **подростковый** скандал освободит от моральной инвалидности. Хотя, может, я сужу по себе....*

7. Отношение к семейной жизни (*семейный, супружеский*): *Не буду описывать весь **семейный** скандал, скажу только, что у Вероники отобрали телефон, компьютер и запретили Нине приходить к ней домой. Но к концу вечера все более-менее улеглось, и Ника подошла к родителям, извинилась, и ей отдали телефон с ноутбуком.*

8. Эмоциональная нагруженность (*красочный, истерический*): *В эту субботу Гришенька опять не просчитал свои действия на 120 шагов вперед и наткнулся на мое непонимание, неодобрение и очередной **красочный** скандал.*

Таким образом, анализ синтаксических функций и сочетаемости лексемы *скандал* позволяет определить ее лексическое значение и реконструировать представления, сложившиеся в русском этническом сознании о ситуации скандала. Бытовой *скандал* – резко отрицательно оцениваемая сложная социальная ситуация, характеризующаяся кратковременной продолжительностью и высокой интенсивностью, возникающая спонтанно или инициируемая одним из ее участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Букс Н. Скандал как механизм культуры // Семиотика скандала. Париж–Москва: Европа, 2008. С. 12.
2. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М.: Наука, 1973. С. 358.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. // Скандал. М.: Рус. яз., 1998. С. 192.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993. С. 745.
5. Скандал // Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. www.liveinternet.ru
2. www.bash.org.ru
3. www.ruscorpora.ru

СООТНОШЕНИЕ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: КОНЦЕПЦИЯ КОГНИТИВНОЙ ИЗОМЕРИИ

Я.В. Соколовский

Проблема переводческого тождества является одной из центральных проблем в теории перевода. Под ней обычно понимается отсутствие объективной возможности передачи в переводе всего объёма информации, содержащейся в оригинале. Как известно, в основе данной проблемы лежат, во-первых, объективные различия между лингвокультурными средами, во-вторых, различия между человеческими сознаниями. Данная проблема, рассматриваемая с точки зрения художественного перевода, осложнена, прежде всего, художественными особенностями передаваемой информации. Несмотря на достаточную изученность, вопрос о том, какие именно лингвистические параметры текста превращают обычный текст в художественный, остаётся открытым [Лукин, 2005], однако существуют доминирующие концепции. Например, многие учёные, занимавшиеся данной проблематикой [Бахтин 1986; Виноградов 1976, 1980; Винокур 1991; Кожина 1966, 1993 и др.], важнейшим свойством художественной речи считали *образность*, а основной (художественной) функцией таких текстов считали *эстетическую* (поэтическую). Мы предлагаем поэтическую функцию языка рассматривать в рамках известной классификации Р.О. Якобсона [Якобсон, 1975], определявшего шесть функций, присущих человеческому языку вообще: экспрессивную (выражения, эмотивную), конативную (усвоения), референтивную (коммуникативную, денотативную, когнитивную), фатическую (контактоустанавливающую), метаязыковую и поэтическую. Поэтическая функция понималась им как фокус внимания адресата и адресанта на особенностях организации самого кода, передающего сообщение. Часто поэтическая функция языка получает название эстетической. Как отмечает У. Эко, «сообщение с доминирующей эстетической функцией оказывается неоднозначным, прежде всего, по отношению к той системе ожиданий, которая и есть код» [Эко, 2006. С. 99]. Иными словами, художественность произведения заключена в самой конструкции словесного материала [Одинцов, 1973].

Представление художественного перевода как когнитивного процесса в практике исследований означает перенос основного внимания на личность переводчика, обладающую сознанием, пытающимся найти точку пересечения двух сознаний и двух языковых картин мира. Прежде чем перейти к рассмотрению художественного перевода в аспекте когнитивной трактовки природы языка, скажем несколько слов о данной концепции. С точки зрения современной когнитивной концепции языкового сознания [Попова, Стернин, 2001; Маслова, 2004; Кравченко, 2008; Басканский, Кучер, 2007], языковая система служит средством категоризации информации, поступающей для индивидуума извне. Язык (совместно с нейрофизиологическими параметрами человека и его персонифицированным опытом) является когнитивным фильтром, который формирует стандарты восприятия окружающей действительности [Басканский, Кучер, 2007]. Язык служит универсальным средством переработки и репрезентации результатов взаимодействия индивидуума с окружающей средой, именно по этой причине языковое сознание всегда индивидуально. Разумеется, между сознаниями индивидуумов, объединённых одной лингвокультурной средой, будет что-то общее, обусловленное языком как конвенциональной семиотической системой. Такая трактовка центральной категории лингвистики предполагает отказ от взгляда на языковую коммуникацию как на деятельность, связанную с передачей «смыслов» (ментальных репрезентаций), и рассматривает её «как усилия по установлению общих *ориентиров* (курсив авторский – Я.С.) в той или иной ситуации взаимодействия (консенсуальной области)» [Кравченко, 2008. С. 141]. При этом межъязыковой перевод обеспечивает создание интегративных когнитивных структур (ориентиров), операционально связывающих когнитивные структуры исходного и переводного языков [Романовская, 2004], а вопрос об удачности/неудачности того или иного перевода может решаться с точки зрения инвариантности когнитивных структур в оригинале и переводе [Немировская, 2007]. Под когнитивными структурами мы понимаем внутренние относительно стабильные психологические системы репрезентации знаний в самом широком смысле слова, которые вместе с тем являются системами извлечения и анализа текущей информации. Очевидно, что информация из окружающего мира извлекается, используется и запоминается субъектом в той мере и в такой форме, как это позволяют имеющиеся когнитивные структуры.

В данной связи с точки зрения современной психолингвистики художественный перевод относится к разряду

«нечётко поставленных задач» [Казакова, 2006]. Такая «нечёткость» обусловлена языковой многозначностью, порождаемой эстетическими особенностями текста. Поддержку по данному вопросу мы находим у А.А. Зализняк, отмечающей: «Неоднозначность как сосуществование множества различных осмыслений художественного текста признаётся некоторыми исследователями его интегративным свойством: именно одновременное присутствие двух различных пониманий (слова, выражения или текста в целом) и создаёт новый смысл» [Зализняк, 2006. С. 22]. Она подчёркивает, что смысл художественного текста никогда не равен не только буквальному, но и передаваемому смыслу (с точки зрения того, что хотел сказать автор, если вообще здесь возможна такая постановка вопроса).

Проблема многозначности, описанная А.А. Зализняк, в контексте исследования эстетических параметров художественного текста, очевидно, часто обусловлена нарушением принципа конвенциональности. По мнению В.А. Пищальниковой [Пищальникова, 1999], в целях эстетического воздействия автор художественного текста часто прибегает к «использованию языковой единицы для репрезентации смысла, конвенционально с ней ни в коей мере не соотносимого ни по ядерным, ни по периферийным семам, ни ассоциативно». Таким образом, эстетический эффект достигается за счёт отклонения когнитивной структуры, объективированной автором, от структуры прототипа, «по умолчанию» закреплённой в сознании обычного носителя языка. Настоящая дуальность в психолингвистике рассматривается как антиномия «психическое значение – личностный смысл» [Леонтьев, 1977. С. 147], а в общей лингвистической семантике, очевидно, соответствует известной оппозиции «значение – смысл». Авторское своеобразие художественного текста удачно подмечено А.М. Каплуненко: «Открывается мифопоэтическое пространство культуры, где отсутствуют ограничительные дефиниции, а потому господствуют субъективные образы» [Каплуненко, 2007. С. 118].

Поддержку по данному вопросу мы можем найти у иных исследователей теории художественной словесности. Например, ещё А.А. Потебня отмечал: «так, как если бы утверждать, что у того, кто изображает дерево (которое, по нашему мнению, должно на бумаге всегда изображать зелёным, как в натуре) чёрным карандашом, выйдет не дерево, а чёрт знает что...*Во всяком искусстве есть своя условная неправда* (курсив наш – Я.С.), которая... составляет природу

этого искусства и, стало быть, с другой точки, есть высшая правда» [Потебня, 1977. С. 139]. Ю.И. Минералов также полагает, что художественный образ «по самой своей природе всегда чем-то не похож на изображаемое» [Минералов, 1999].

Трактуя художественный перевод как «частный вид литературно-творческой игры, который отличается от непосредственного литературного творчества более жёсткими условиями формирования и воплощения художественного замысла, то есть системы образных концептов» [Казакова, 2006. С. 22], необходимо определить когнитивные ориентиры, задающие вектор действий переводчика. В.А. Пищальникова использует понятие «доминантного смысла» художественного текста как текстообразующего фактора перевода [Герман, Пищальникова, 1999], указывая на необходимость разработки теории перевода на основе концептуального анализа, представляющую содержание текста как функциональное поле смысла, где реализуются субъективные авторские смыслы с помощью конвенциональных языковых единиц. Соглашаясь с В.А. Пищальниковой, примем также позицию, занимаемую А.Г. Минченковым [Минченков, 2008], согласно которой перевод – «эвристический процесс объективизации средствами языка перевода мыслительных структур, сформированных в сознании переводчика на базе исходного текста, а объектом перевода признаётся концепт, понимаемый как дискретная единица мысли».

Мы предполагаем, что может быть продуктивным подход к исследованию соотношения оригинала и перевода художественного текста, согласно которому *художественный перевод имеет место, если соблюден принцип нарушения конвенциональности и при этом в переводном и оригинальном текстах присутствуют ориентирующие маркеры, свидетельствующие о наличии в сознании переводчика интегративных когнитивных структур, объединяющих систему образных концептов¹⁸ оригинала и перевода*. Важно при этом отметить, что в одну когнитивную структуру могут объединяться не любые элементы и не как угодно, а только те, которые отвечают определённым функциям (тенденциям развития) среды [Басканский, Кучер, 2007]. В художественном переводе таким доминантным требованием является

---

¹⁸ Здесь необходимо сделать принципиальное замечание: в предлагаемом нами подходе единицей перевода выступает не сам концепт (в силу объективных лингвокультурных различий концепт непереволим), а его структура, как актуализация определённого участка сети когнитивных связей (из всего множества когнитивных связей, относящихся к данному концепту в языковой картине мира автора текста).

реконструкция эстетической функции текста.

Принцип нарушения конвенциональности, который можно трактовать как семиотически девиантное речевое поведение индивида, реконструируется переводчиком в художественном переводе. Одновременно с этим мы предполагаем, что, несмотря на успешную «трансплантацию» семиотически девиантных когнитивных структур из сознания автора в сознание переводчика, величина и характер семиотических девиаций в оригинале и переводе будут нетождественны, что детерминировано различиями лингвокультурной среды и личностью переводчика. Иными словами, и в оригинале, и в переводе конструкция словесного материала будет нарушать правила языка как конвенциональной семиотической системы, но нарушения эти будут разными.

Таким образом, ориентирующие маркеры в тексте-оригинале и тексте-переводе, свидетельствующие о наличии интегративных когнитивных структур в сознании переводчика, указывают на наличие в сознании носителей языка оригинала и носителей языка перевода концептов-изомеров, т.е. одинаковых с точки зрения актуализированной когнитивной структуры, но различных по месту и функциям данной когнитивной структуры в языковой картине мира индивида. Явление *изомерии* активно используется в органической химии, где под изомерией (от изо... и греч. μέγος — доля, часть) химических соединений понимается явление, заключающееся в *существовании веществ, одинаковых по составу и молекулярной массе, но различающихся по строению или расположению атомов в пространстве и вследствие этого по физическим и химическим свойствам*. Вещества, отвечающие данным параметрам, называются изомерами¹⁹ (Большая советская энциклопедия: электронный ресурс).

Предложенный подход к художественному переводу мы применили для анализа соотношения китайского оригинала и русского перевода известного китайского романа «Осаждённая крепость» (围城), который был написан китайским писателем Цянь Чжуншу в 40-х годах прошлого века. Скажем несколько слов о сюжете романа.

---

¹⁹ Более подробно о явлении изомерии в химии см., например (Кузнецов и др. : электронный ресурс).

Описываемые в романе события относятся к концу 30-х годов XX в., когда значительная часть Китая оказалась оккупированной японцами. Главный герой романа – молодой китаец Фан Хунцзянь (方鸿渐). Фан Хунцзянь не только покупает поддельный диплом об образовании, но и отправляется в один из провинциальных университетов преподавать предметы, в которых совершенно не разбирается. Название романа обязано своим появлением французской поговорке, сравнивающей супружество с осаждённой крепостью. Женившись, Фан Хунцзянь несчастлив: у него с супругой слишком мало общего и слишком много взаимных претензий, поэтому однажды они расстаются – быть может, навсегда. Таким образом, в произведении центральное место, как полагает В.Ф. Сорокин [Сорокин 1989], отведено социальным темам. Опираясь на текст романа, представляется возможным утверждать, что одной из наиболее явно рассмотренных в романе тем является тема брака между мужчиной и женщиной. Данная тема определила выбор исследуемых нами концептов, структура которых стала предметом исследования в оригинале и переводе (в оригинале концепт «婚姻» и в переводе соотносимый с ним концепт «Брак»).

Перед тем как предпринять попытку моделирования структуры концептов в текстах, нами был проведён ассоциативный эксперимент, призванный выявить конвенциональные когнитивные признаки сопоставляемых концептов. Нами было опрошено 100 носителей китайского языка и 100 носителей русского языка, в результате чего интегральными конвенциональными когнитивными признаками концептов были определены «положительная оценка», «отношения», «люди», «брачный ритуал». Вместе с тем, яркость некоторых когнитивных признаков для каждого из двух концептов сильно варьирует: например, ритуал брака в сознании носителей русского языка демонстрирует бóльший ассоциативный «вес». Также данные исследования свидетельствуют о меньшей когнитивной яркости²⁰ такого ассоциата, как «секс» 1% в китайской языковой картине мира против 13% в русской. Данный ассоциат нами отнесён к когнитивному признаку «отношения».

---

²⁰ Когнитивная яркость – показатель процентного соотношения количества информантов, назвавших данный признак, к общему количеству информантов (термин И.А. Стернина: Стернин 2007).

Исследование структуры данных концептов в текстах выявило наличие следующих авторских смыслов, объективирующих анализируемые концепты в оригинале и переводе:

- проблемы брака (вершинный инвариантный узел),
- противостояние, противоречия и столкновения,
- разочарование,
- отсутствие любви к мужу / жене и прагматизм брачных отношений,
- супружеская неверность.

Рассмотрим две пары текстовых фрагментов, содержащих когнитивные маркеры, объективирующие данные авторские смыслы.

«Противостояние, противоречия и столкновения»

(1) Текст оригинала:

«难道自己言动有可以给她误认为丈夫的地方么？想到这里，方鸿渐毛骨悚然。假使订婚戒指是落入圈套的象征，钮扣也是扣留不放的预兆。自己得留点儿神！幸而明后天就到上海，以后便没有这样接近的机会，危险可以减少» (钱, 2007).

Маркеры в тексте оригинала: «丈夫» (муж), отсылающий к конвенциональному когнитивному признаку «люди», «订婚戒指» (обручальное кольцо), отсылающий к конвенциональному когнитивному признаку «брачный ритуал», в сочетании с эмоционально-оценочными маркерами «毛骨悚然» (волосы встали дыбом), «幸而» (к счастью),

«危险可以减少» (опасность может стать меньше).

Текст перевода: «Какие же слова его или поступки дали ей повод смотреть на него, как на своего мужа? Задав себе этот вопрос, Фан почувствовал, как волосы на голове у него зашевелились. Если обручальное кольцо — символ кольцевания, то и пришитая к рубашке пуговица, тоже, знаете, намек на то, что уже не отцепишься... Надо быть - осторожнее! Слава богу, пароход через день прибывает в Шанхай, а там у них уже не будет возможности часто встречаться, и опасность уменьшится» [Цянь, 1989. С. 53].

Маркеры в тексте перевода: «муж», отсылающий к конвенциональному когнитивному признаку «люди», «обручальное кольцо», отсылающий к конвенциональному когнитивному признаку «брачный ритуал», в сочетании с эмоционально-оценочными маркерами «волосы на голове у него зашевелились», «слава богу», «опасность уменьшится».

«Разочарование»

(2) Текст оригинала:

«不过我想你真娶了苏小姐，滋味也不过尔尔。狗为着追求水里肉骨头的影子，丧失了到嘴的肉骨头！跟爱人如愿以偿结了婚，恐怕那时候肉骨头下肚，倒要对水怅惜这不可再见的影子了» (钱 2007: 147).

Маркеры в тексте оригинала: «娶» (жениться), «结婚» (заклучить брак), являющиеся синонимами ключевого номинанта концепта, «爱人» (любимый человек), отсылающий к конвенциональному когнитивному признаку «люди» (микрослот: члены семьи), в сочетании с эмоционально-оценочными маркерами «不过尔尔» (ничего особенного), «怅惜» (огорчаться, удручаться).

Текст перевода: «Думаю, что и ты, если бы женился на Су, скоро разочаровался бы. Рассказывают же о собаке, что, позарившись на отражение мяса в воде, роняет кусок изо рта. А человек, женившись на любимой, нередко начинает жалеть, что в воде больше не видно манящего отражения» [Там же. С. 165].

Маркеры в тексте перевода: «жениться», являющийся синонимом ключевого номинанта концепта, «любимая», отсылающий к конвенциональному когнитивному признаку «люди» (микрослот: члены семьи), в сочетании с эмоционально-оценочными маркерами «разочароваться», «жалеть».

Данный набор авторских смыслов вступает в противоречие с теми когнитивными признаками концептов, которые определены нами в качестве конвенциональных, что подтверждает предположение о том, что семиотически девиантное речевое поведение индивида реконструируется переводчиком в художественном переводе, с другой стороны, различия яркости когнитивных признаков, описанные нами выше, подтверждают предположение о том, что актуализированная автором структура концепта в оригинале совпадает со структурой концепта, актуализированной переводчиком в переводе, но данные концепты различаются объёмом, местом и функциями, которые они выполняют в сознании носителей языка оригинала и языка перевода. Отличия могут, как видно, проявляться в разных ассоциативных потенциалах ключевого слова, объективирующего концепт в оригинале, и ключевого слова, объективирующего концепт в переводе. Также, такая изомерия может быть вызвана не потенциальными, а актуализированными связями: в самом тексте, когда в переводе на уровне лексем появляются добавления/опущения семантических компонентов оригинала. Например, в анализируемом нами произведении слово «鸟笼» (клетка для птиц) [钱 2007. С. 99] переведено как «позолоченная клетка» [Цянь, 1989. С. 124]. Добавление семы «золото как материал, из которого сделана клетка» существенно меняет восприятие текста, создавая новые ассоциативные связи. Новые ассоциативные (когнитивные) связи меняют часть структуры исходного концепта. А.В. Кравченко отмечает: «Каждое изменение концептуальной структуры мира создаёт новый «возможный мир», взаимодействие с которым ведёт к модификации поведения организма, что, в свою очередь, ведёт к изменению самой среды (мира), взаимодействие с которой ведёт к

возникновению *модифицированной концептуальной картины мира* (курсив наш – Я.С.) и т.д. в кругообразном порядке» [Кравченко, 2008. С. 171].

В целом, идея когнитивных изомеров в художественном переводе согласуется с известными концепциями Р.Р. Чайковского [Чайковский, 2001] и А. Лефевра [Lefevere, 1971; 1983; 1992], утверждающими неизбежность переводной множественности и поливариантности художественных текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басканский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивно-синергетическая парадигма НЛП: от познания к действию. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 184 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1969-1978. 30 т.– <http://slovari.yandex.ru/dict/bse> (7 янв. 2009)
4. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
5. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. 512 с.
6. Винокур Г.О. Понятие поэтического языка // О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. С. 24-32.
7. Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 130 с.
8. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы её представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
9. Казакова Т.А. Художественный перевод. Теория и практика. СПб.: ООО «ИнЪязиздат», 2006. 544с.
10. Каплуненко А.М. Концепт – Понятие – Термин: Эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур: сборник научных

- докладов международной конференции (20-31 января 2007 г.) / сост. О.М. Готлиб. Иркутск: ИГЛУ, 2007. С.115-120.
11. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1966. 214с.
  12. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1993. 224 с.
  13. Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: Издательство БГУЭП, 2008. 320 с.
  14. Кузнецов Н.Т. Комплексные соединения [Электронный ресурс]: методическое пособие / Н. Т. Кузнецов, Б. Д. Стёпин, Л.Ю. Аликберова, Н.С. Рукк. М.: Московская Государственная академия тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова. Гл.4 http://www.alhimik.ru/compl_soed/gl_4.htm (18 янв. 2009).
  15. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 214 с.
  16. Лукин В.А. Художественный текст. Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Ось-89, 2005. 560 с.
  17. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
  18. Минералов Ю.И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность). М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 360 с.
  19. Минченков А.Г. Рекомбинация концептов как разновидность мыслительных операций в процессе перевода // Материалы IX международной научной конференции по переводоведению «Фёдоровские чтения» 18-20 октября 2007 г. СПб: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 238-244.
  20. Немировская А.В. Лингвосинергетический подход к переводу художественного текста // Теоретические и прикладные аспекты межкультурной коммуникации: сб. ст. / под ред. Н. В. Климович. Красноярск: СФУ, 2007. С. 79-84.
  21. Одинцов В.В. О языке художественной прозы: повествование и диалог. М.: Наука, 1973. 106 с.
  22. Пищальникова В. А. Психопоэтика. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 176 с.
  23. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Издательство ВГУ, 2001. 191 с.
  24. Потенция А.А. Из записок по русской грамматике в 4 т. Т. 4. М.: Просвещение, 1977. 406 с.

25. Романовская Н.В. Языковая способность как детерминанта понимания иноязычного текста.: автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.19. М.: РГБ, 2004. 40 с.
26. Сорокин В.Ф. Предисловие // Осаждённая крепость: роман; рассказы. М.: Художественная литература, 1989. С. 5-23.
27. Стернин И.А. Психоллингвистика и концептология // Вопросы психоллингвистики. М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. № 5. С. 33-41.
28. Цянь Чжуншу. Осаждённая крепость: роман, рассказы / пер. с кит. В. Сорокина; редкол.: Г. Гоц, Л. Делюсин, Д. Мамлеев и др.; вступ. статья В. Сорокина. М.: Художественная литература, 1989. 511 с.
29. Чайковский Р.Р. Неисчерпаемость оригинала. Магадан: Кордис, 2001. 211 с.
30. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2006. 544 с.
31. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193-230.
32. Lefevere A. Literature, Comparative and Translated // Babel (International Journal of Translation) – Budapest: AKADÉMIAI KIADÓ, 1983. VOL XXIX / № 2. – PP. 70-76.
33. Lefevere A. The Study of Literary Translation and the Study of Comparative Literature // Babel (International Journal of Translation) – Gerlingen: Federation Internationale des Traducteurs, 1971. VOL. XVII / № 4. PP. 13-16.
34. Lefevere A. Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame. London & New-York: Routledge, 1992. 169 p.
35. 钱钟书の围婧[潘艳] / – 啖俵‡ 確焚← 读书← 桓箒惋联书惴← 2007の – 403页.

РУССКИЕ ПАРЕМИИ ОБ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ЧЕЛОВЕКА: ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

И.М. Строкина²¹

Фольклор нередко становился объектом изучения. С помощью фольклора можно лучше и глубже познать ментальность народа. Менталитет – это целостная картина мира в ее ценностных ориентирах, существующая длительное время, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях [Колесов, 2004].

Пословицы и поговорки – едва ли не первые блистательные проявления творчества народа. Поражает их вездесущность – они касаются всех предметов, вторгаются во все области человеческого бытия, житейских обычаев, течения жизни, души человека [Аникин, 1987].

Активнейшим образом в последнее время идет изучение пословиц в лингвокультурологическом аспекте. Связано это с тем, что очевидна их взаимосвязь с народной культурой. Задачей лингвокультурологии является «изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета» [Воркачев, 2000].

«Язык позволяет проникать не только в современную ментальность нации, но и в особенности мировоззрения людей, живших много веков назад. Эти знания о прошлом сохраняются в языке, в фольклорных текстах (пословицах, загадках, былинах, легендах и т.д.), во фразеологизмах, символах культуры. Особенно интересен с точки зрения подачи информации о прошлом фольклор и фольклорный язык. Фольклорное слово – это не просто знак, и фольклорный язык – это не просто система произвольных знаков. Это – особая культура с достаточно жесткими нормами, складывающимися исторически. В ней велика роль символики» [Степанов, 1997. С. 69].

Таким образом, язык отражает дух нации, национальное своеобразие. В большей степени это проявляется в фольклоре. Пословицы и поговорки наиболее ярко выражают национальные особенности языка и народа. В них

---

²¹ Научный руководитель – к.ф.н., доц. Сперанская А.Н.

представлена та часть наивной картины мира, без которой будет неполной языковая картина мира.

Человек мыслится в языковой картине мира, прежде всего, как динамичное, деятельное существо. Ему свойственны определенные состояния – восприятия, желания, знания, мнения, эмоции. Он определенным образом реагирует на внешние или внутренние воздействия. Он выполняет три различных типа действия – физические, интеллектуальные и речевые.

С помощью паремий можно описать почти весь мир человека: многочисленные оттенки чувств и состояний – *кошки на сердце скребут, сердце замерло, камень с сердца свалился*; отношение к объектам мира – *от чистого сердца, запасть в сердце, положила руку на сердце, от всего сердца*; характеристику человека – *обросло мхом, мягкое сердце, доброе сердце, покоритель сердец*; поведение человека в обществе – *заглядывать в сердце, находить доступ к сердцу, открывать сердце* [Белая, 2002].

Тема данной работы относится к языковому воплощению отрицательных качеств человека, отраженных в паремиях – поговорах и поговорках, не разграниченных как отдельные жанры. Целью работы является описание отрицательного образа человека в традиционных русских поговорах, взятых из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа», выявление некоторых характерных черт сознания и особенностей мироощущения русского народа.

Большое количество поговоров описывает физиологию человека. Исключением не являются и некоторые группы паремий, в которых отражены отрицательные качества человека. Свообразием паремий о глупости, дурости, жадности, злости, лени является то, что физиологические данные человека, наделенного этими качествами, представлены широко.

В русских поговорах глупый, дурной человек видится высоким, развитым физически (*Велик, да дурак...; Молодец (или: Сам) с воз, а ума и с накопильник нет; Дурень, да фигурен: в потемках хорош*), имеющим усы и бороду – показатели возраста (*Под носом взошло, а в голове и не посеяно; Борода с ворота, а ума с прикалитонок нету*).

Особое внимание следует уделить описанию головы глупого человека в паремиях: *Голова с лукошко, а мозгу ни*

крошки; Голова с печное чело, а мозгу совсем ничего; Голова с пивной котел, а ума (мозгу) ни ложки; Мозговина (голова) с короб, а ума с орех. Ее размеры преувеличены, она большая, но содержимого в ней мало, либо оно совсем отсутствует. Волосы на голове также свидетельствуют в паремиях об отсутствии ума: *Волос долог, да ум короток; На голове густо, а в голове пусто.*

Ярко описываются глаза завистливого человека: *Завидливы глазища...; Завидущи глаза не знают стыда; Завистливое око видит широко (далеко).*

Губы, как и голова, в паремиях заметно увеличиваются в размерах, причем происходит это в описании лгунов, ленивых людей и сердитых (*Он лжет во всю губу; От лени губы блином обвисли; У сердитого губа толще...*), а зубы, как правило, смерзаются, либо из них идет кровь у скупого человека (*От скупости кровь из зубов; У него от скупости зубы смерзлись*).

Лексема лицо в паремиях, описывающих отрицательные качества человека, не встречается. Присутствует только слово рыло в описании обжоры (*Одним рылом и глядит*). Нос указан только в одной пословице о хитром человеке: *Это щучка, остренький носок (хитрец).*

Большое брюхо может быть у ленивого человека (*И ленивому свое брюхо не докучает*), а у сердитого – тощее (*У сердитого губа толще, а брюхо тоще (тоньше)*). Также ленивые представляются толстыми и обросшими мхом, что свидетельствует о том, что люди, наделенные этим качеством, не следят за собой (*От лени опузырился (распух); От лени мохом оброс*), ну и, конечно, толстыми бывают чревоугодники, которые *С голоду не мрут, только пухнут, а с обжорства лопаются.*

Таким образом, отрицательные качества человека подчеркиваются обильным описанием внешности.

Широко используется в пословицах описание человека в «зоологическом» ключе. Такое описание фиксирует перенос некоторых качеств и действий человека на представителей животного мира, видящихся «коллективному

автору» примитивными. Глупый человек в русских поговорах сравнивается с ослом, петухом и рыбой (*Глуп, как осел, как индейский петух, как осетровая башка*), со свиньей, так же, как и сердитый (*Мужик глуп, как свинья, а хитер, как черт; Сердит да бессилен – свинье брат*); скупой – с пчелами (*Скупые, что пчелы: мед собирают, да сами умирают*); хитрец – с рыбой (*Это щучка, остренький носок*), болтун – с сорокой (*Всякая сорока от своего языка гинет*).

Ботаническое описание ограничивается «деревянной» метафорой: *Дурак что мутовка: куда выросла рогуля, туда и торчит; Глуп, как пробка, как пень, как надолба, как сибирский туес (бурак)*. В данных примерах реализуются значения «твердый», «неподвижный», «бессмысленный», «тупой». Также можно провести параллель с мировым деревом: «Не движение вперед по пути, а рост вверх на месте отличает дурака, это двойственный иной, в ком сходятся крайности, мировой человек, соотносительный с мировым деревом» [Айрапетян, 1992. С. 114].

Действия человека, с присущим ему тем или иным отрицательным качеством, подвергаются в поговорах постоянному сравнению. Причем в сравнении даются дела бытовые, повседневные, которые может выполнять любой человек. Особенно яркие сравнения речевого действия представлены в разделе вранье: *Врет, как водой (как в уброд) бредет; Врет, как редьку стружит (садит); Врет, что блины печет: только шипит; Врет, что помелом метет; Проврался, что прокрался*.

Также встречаются сравнения с другими образами, преимущественно отрицательными: *Хитер, как черт; упрям, как черт; Врет, как сивый мерин, Бойся клеветника, как злого еретика, Лентяй да шалопай – два родных брата, Упрямый, что лукавый: ни богу свечка, ни черту кочерга*.

Интересными оказываются взаимоотношения лиц, наделенных отрицательными качествами, между собой. Вот некоторые примеры того, кто с кем наиболее часто встречаются в поговорах и имеют непосредственное отношение друг к другу. *Два дурака дерутся, а третий смотрит; Дурак дурака и хвалит; Дурак дураком и тешится; Дурак дураку и потекает; Дурак дурака учит, а оба ничего не смыслят (а оба глаза пучат); Дурак дураку и рад; Дурак на дураке едет, дураком погоняет; Дурак с дураком сходились, да оба никуда не годились; Дурак с дураком сходились, друг на друга*

дивилися – из данных русских паремий видно, что дураки водятся с дураками, хвалят друг друга, тешатся, радуются, дерутся, оба ни на что не годятся.

Черт мошну тачает, скряга ее набивает; Скупой копит – черт мошну тачает – свидетельство непосредственной близости скупого человека и черта, нечистой силы. Также об отношениях с чертом свидетельствуют паремии *Тороватому бог подает, а у скупого черт отбирает* и *Скупому душа дешевле гроша* (мотив готовности продать душу дьяволу).

Связаны между собой упрямые: *Ерема в воду, Фома ко дну: оба упрямые, со дна не бывали*, и злые с лукавыми: *Злой с лукавым водились, да оба в яму свалились; Злой с лукавым знаются, друг на друга ссылаются*.

В пословицах и поговорках часто встречаются различные виды «расправы», наказания, направленные на людей, наделенных отрицательными качествами. Причем данные действия, направленные на таких людей в качестве наказания, могут свершаться как самопроизвольно, так и со стороны других людей: *С поста не мрут, а с обжорства мрут; Ябедника на том свете за язык вешают; Завидливы глазища колом тычут; Сердитому палка найдется*.

Также особое внимание стоит уделить такому явлению, встречающемуся в паремиях, как большая роль кары Бога (*Бог уста льстивых погубляет; В неправде Бог карает*). Это подчеркивает народную религиозность и то, что человек с отрицательными качествами боится наказания свыше.

Еще одной особенностью пословиц, отражающих отрицательные качества человека, является то, что в них часто встречаются попытки изображения отрицательного в человеке, как положительного. *Кто скупно живет, тот деньги бережет*: не всегда скупость – плохо, порой лучше жить экономно, чем мотовато. Также: *Скуповато – не глуповато; Скупно – не глупо; Скупость – не глупость (прибавка: себя бережет)*.

Опираясь на паремиологические тексты можно сделать вывод о том, что польза бывает и от дураков, ленивых людей и даже вранья: *Не будь дураков на свете, не стало б и разума; Хорошо ленивого по смерть посылать; Богатый*

хоть врет, и то впрок идет.

Образ женщины в паремийных текстах, отражающих отрицательные качества человека, упоминается редко. *Длинная (Долгая) нитка – ленивая швея; Рада б я пряла, да лень напала; У ленивой пряжи и про себя нет рубахи – лень* приписывается преимущественно женщине-швее, пряхе.

Сердилась баба на торг, а торг про то и не ведает; Старуха три года на мир сердилась, а мир того и не знал – женщины старшего возраста сердятся без причины, что свидетельствует о женской глупости, причем сердятся не на конкретного человека, а на торг и на весь мир.

Часто в пословицах даются советы: *О чем не сказывают, о том не допытывайся; Не бей по рожке, себе дорожке; Не рой другу ямы, сам попадешь; Меньше говори, да больше делай.*

Это выражает народную, житейскую мудрость и опыт, которые передаются из поколения в поколение и поучают.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айрапетян В. Герменевтические подступы к русскому слову. М.: Лабиринт, 1992. 206 с.
2. Аникин В.П. Русский фольклор: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1987. 285 с.
3. Белая Е.Н. Идиоматика и наивная картина мира // Язык. Человек. Картина мира. Часть II. Материалы Всерос. научной конф. Омск, 2002. С. 6-11.
4. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2000. № 1. С. 64-71.
5. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 640 с.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

КОНЦЕПТ «БОГ» В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА В.П.АСТАФЬЕВА

Н.А. Сысоева²²

Объектом настоящего исследования является концепт «БОГ» – многомерное ментально-вербальное образование полевой структуры с инвариантной коллективно выработанной и понятийно структурированной, оформленной ядерной частью и индивидуальной ассоциативно-мерцающей периферией. Концепт включает в себя, помимо знаний понятийного характера, образную и ценностную составляющие [Шестак, 2003. С. 165]. Предметом исследования являются способы вербализации данного концепта в индивидуальной картине мира В.П. Астафьева, а его новизна определена тем, что концепт «Бог» в индивидуально-языковой картине мира сибирского классика впервые становится объектом лингвистического исследования.

В качестве материала для наблюдений мы выбрали текст романа «Прокляты и убиты» (1992).

Повторимся, поле рассматриваемого концепта представляет собой сложное когнитивное пространство, включающее в себя ядерную, окооядерную и периферийную зоны.

В центре поля находится имя концепта – лексема «**Бог**», – обозначающая сверхъестественное существо, основное понятие всякого религиозного мировоззрения. В качестве его ядерных смыслов выделяются «церковь», «крестины», «молитва», «икона». Рассмотрим имя концепта подробнее.

Этимологически лексема «Бог» «по религиозным представлениям – (при единобожии) высшее, всемогущее, сверхъестественное существо, управляющее вселенной; (при многобожии) одно из более или менее могущественных неземных существ, принимающее то или иное участие в жизни людей». Корень *bhag – «наделять», «раздавать». В фонетическом и семантическом отношении *bogъ ближе всего к соответствующим древнеиранским образованиям. Ср. baуа-(baga) (авест.) «участь, судьба». Также слово «Бог» родственно словам bhaga (др.-инд.) «благосостояние»,

---

²² Научный руководитель – д.ф.н., проф. Фельде О.В.

«счастье», а также «наделяющий», «дарующий», hoga (перс.) «бог» [Черных, 1993. С. 98]. Индоевропейский характер слова подтверждают и параллели, приведенные М. Фасмером: «Бог», во-первых, от ст.-сл. Богъ. Родственным является bhagas (др.-инд.) «одаряющий». Во-вторых, «Бог» – «черт», укр. «богиня» (эвфемизмы) [Фасмер, 1986. С. 182].

В современном русском языке лексема «Бог» имеет три основных значения: 1. В религии: верховное всемогущее существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ. *Вера в бога. Языческие боги. Бог войны. Возносить молитвы богу (богам). Принести жертву богу (богам).* 2. В христианстве: триединое божество, творец и всеобщее мировое начало – Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой дух. *Бог един в трех лицах. Без Бога – ни до порога (стар. посл. в знач.: Бог помогает во всем).* 3. Предмет поклонения, обожания (устар., книжн.). Музыка – его бог. Эта девушка для него – Бог [Ожегов, Шведова, 2006. С. 52].

Каждое понятие, входящее в ядерную сферу поля, организует вокруг себя собственное поле, в котором путём наслаения дериватов, синонимов и антонимов осуществляются тесные смысловые взаимосвязи.

Лексема «Бог» и её дериваты относятся к частотной лексике в идиолексиконе В.П. Астафьева. В частности, писатель использует синонимы: **Владыка, Всемогущий, Сущий, Предвечный, Господь** (*Огради мя, Господи, силою честного и животворящего креста и сохрани нас от всякого зла*), **Создатель** (*Задумывалось оно Создателем для созидательных дел*), **Творец** (*Он, Он ведь, Творец наш, подарил тебе жизнь, два раза*), **Милостивец, Вседержитель** (*Милостивец ты наш и Вседержитель*), **Всевышний, Иисус Христос** (*Активиста того, как Иисуса Христа, к бревну сплавными скотами прибили*), **Царь Небесный** (*Крестила по обычаю древлян, по заветам отцов, дедов и Царя Небесного*), **Душа истины, Сокровище, Податель, Спаситель** (*Икона Спасителя*), **Утешитель, Успокоитель** (*Господи, успокой души усопших*), **Всемилолюбивейший** (*Всемилолюбивейший Боже*), **Вездесущий** (*Но ты же вездесущ!*), **Зиждитель**. Довольно часто встречаются в тексте также варианты главного имени (**Боже, Боженька, Бох, Господь**) и его дериваты **Божий** (*Божий мир, Божий лик, Божьей помощью, кара Божия, Божий голос, Божий человек*), **божеский** (*божеские места*), **богоданный** (*богоданная жена*), **божественный** (*божественный голос*).

Лексема «Бог» в романе «Прокляты и убиты» В.П. Астафьева характеризуется богатством синтагматических связей. Слово «Бог» сочетается с предикатами *кланяться, улещать, поклониться, вознаградить, даровать, надеяться, отблагодарить, молить, творить, вложить, связать, склониться, помнить, ведать, слышать, наказать* и др. Приведем некоторые примеры: *Бог отвернулся от этих мест; Отблагодарить Бога за добро; Молитва дошла до Бога; Господь Бог вложил; Бог над миром склонился; Бог-то все равно все ведает и молитву слышит, да и молитвы стал он путать, забывать; Бог вас накажет за пустословие, за омман.*

Бог у В.П. Астафьева разный – это вседобрая и всемилостивейшая (*...Земля даровалась Создателем как награда для жизни и свершения на ней добрых дел*) сила, которая вознаграждает, дарует, создает красоту, склоняется над миром, связывает людей (*Господь связал с тобой*), помнит добрые дела (*Господь не только помнит добрые дела, но и отмечает места, где они сделаны*). С другой стороны, Бог может отвернуться от человека: посылает испытания человеку, дает ему волю, право выбора (*Господь оставил кусочек тьмы; Господь укрывает людские грехи; Вот здесь наша последняя пристань, здесь мы все, Богом забытые, и погибнем*).

В.П. Астафьев акцентирует мысль на том, что действия Бога не всегда понятны человеку: *Боже милостивый! Зачем ты дал неразумному существу в руки такую страшную силу? Зачем сунул ему в руки огонь? Зачем ты наделил его такой волей? Зачем ты научил его убивать, но не дал возможности воскресать?*

О значимости концепта «Бог» в индивидуальной картине писателя говорит тот факт, что в тексте его последнего романа «Прокляты и убиты» используется большое число паремий и фразеологических единиц, включающих лексему «Бог», а также устойчивые сочетания: *Бог не обидел силой, Бог вознаградит, Достучаться до Бога, Вот те Бог, вот те порог, Но куда богатого конь везёт, туда бедного Бог несёт, Бог-то он Бог, да сам не будь плох, Слава Богу, Дай Бог, Ступайте с Богом, Прости Господи, Бог простит, Богом обижен, Против Бога никто не устоит, Вера в Бога, «Люба пища от Бога, Не дай Бог блин клином пойдет, Оборони Бог, Не у всякого жена Марья, а кому Бог даст, Бог терпел и нам велел, Коли принес Бог гостя, стало быть, и хозяевам пир, Знают они хорошо, знают – кто сырых питает, того Бог знает, Там такое сражение идет, не приведи Господи!, Всякая пища от Бога, Боженьки вы мои, Христом-Богом*

клянется, Спасай Бог!, Одному Богу известно, Христом Богом молила, Кто ест лук, того Бог избавит от вечных мук, Что из воды да по воде плышет – то Бог дает!, Положи, Господи, камешком, подыми перышком!, Храни тебя Бог, Богу молись, а к берегу гребись, Телочку Бог дал, За Богом молитва, за царем служба не пропадет, Угощайтесь, чем Бог послал, Бог не выдаст, свинья не съест, Дурак стреляет, Бог пули носит, Благодаря Богу, Бог весть, Ей Богу, Видит Бог, Как раз садятся за стол – ужинать, чем Бог послал, Бог знает, С Богом жить, Бог с тобой, С Богом, С нами Бог, С вами Бог», «Бог посетил, Бог милостив, Помогай Бог, Дай Боже, Ради Бога, Бог тебя суди, Бог тебя прости, Чем Бог порадует, Помилуй Бог, Сохрани Бог, Изваяй Бог, Не гони Бога в лес, коли в избу влез, Каков Бог, такова ему и свеча, Что тому Богу молиться, который не милует, Не живи, как хошь, а живи, как Бог велит!, Бог творит, Господь приберет, Плохого Бога телята лижут, Богово дорого, бесово дешево, Жив Бог, жива душа моя, Один Бог без греха, Один только Бог видит (слышит) нас, Правда живет у Бога, Кто Богу не грешен, царю не виноват, Виноватого Бог простит (помилует), а правого царь пожалует, Кого милует Бог, того жалует царь, Милует Бог, а жалует царь, Никого не бойся, только Бога бойся, Бог на небе, царь на земле, Бог и добрые люди, Доброму Бог помогай, Добрым путем Бог правит, Против Бога идут, а у него помощи просят, Бог терпел, да и нам велел, Обидящим Бог судья, Обидчика Бог судит, Суди Бог того, кто обидит кого, В ночи есть Бог, в том есть и стыд (и страх), Богат Бог милостью, И Бог на всех не угодит, В Боге нет неправды, Бог на правду призрит, Все сказал, как перед Богом, Лучшие слава Богу, нежели дай Бог, Бог напирал, никто не видал, Дай Бог – хорошо, а слава Богу – лучше, С Богом думал, Как не живи, только Бога не гневи, До царя далеко, до Бога высоко, Какова вера, таков у нее и Бог, Русский Бог велик, Упаси Бог, Дай Бог нашему Богу жить – все живы будем, Бог один, как не призывай его, Все под одним Богом ходим, хоть и не в одного веруем, Все один Бог что у нас, что у них, у иноверцев, Унес Бог добытчика перышком, залег он в дебрях сибирских камешком.

В тексте романа встречаются также прецедентные тексты и прямые цитаты из Святого Писания: *Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас; Да воскреснет Бог, растачатся врази его, и да бежит от лица его ненавидящие его, яко исчезает дым, яко исчезает дым, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут бес...; И да*

будет благодать твоя на мне, Господи, яко огонь попадай нечистые во мне силы... И да будет благодать твоя на мне...; Упокой, Господи, души усопших раб своих... и прости им все согрешения, вольные и невольные....

Господи!, Дай Бог, Видит Бог, Слава Богу, Бог простит, Храни тебя Бог – это ключевые обороты в прозе и публицистике В.П. Астафьева. Устойчивые словосочетания и паремии отличаются большой частотностью употребления, конденсируют смыслы текста, выражают авторские интенции.

В составе концептуального поля «Бог» нами выявлены следующие терминальные узлы, или слоты:

Бог как главный утешитель беспокойной души героя: *Пусть главный утешитель этим займется, он его попросит: Да воскреснет Бог, и расточатся врази его, и да бежат от лица его ненавидящие его, яко исчезает дым, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси...»* – на этом месте Коля Рындин глубоко и умиротворенно уснул, совершенно уверенный, что Бог услышал его и успокоит горе русского человека Васи Шевелева; Беречь себя, не забывать отца – мать, чаще писать с фронта, – крестя украдкой служивого, вознося молчаливую молитву Богу, вновь в сердце вернувшемуся, о спасении и о бережении дитя родного; Ведь русский народ злостно затаился с верой, боится, но Бога-то в душе хранит, на него уповает.

Бог как воскреситель человеческой души, дающей нравственную силу для совершения добра: *И пока есть хлебное поле, пока зреют на нем колосья, жив человек и да воскреснет человеческая душа, распаханная Богом для посевов добра....*

Бог как Могучая сила, управляющая ходом событий в мире – в природе и в истории: *На этом Он, Милостивец, не остановится, как совершенно верно сказано в Божьем Писании, бросит еще всех в гиену огненную, и комиссаров не забудет, их-то, главных строителей-безбожников, пожалуй что, погонит в ад первой колонной, первым строем... И поделом, поделом – не колебайте воздуху, не сбивайте народ с панталыку, не поганьте веру и чистое имя Господне; Там живет Сам Бог, и что ему захочется, то он и сделает со всеми нами; Извергнувшись огнем и смерчем,*

приуготовливаясь к жизни, природа должна была сотворить чудо, и она сотворила его, выполнив предназначение судьбы, веление Бога, для жизни на земле....

Бог как ментальное состояние автора и его героев: *Не распространяйте хотя бы своего темного заблуждения на товарищей своих, не толкуйте им о своем Боге. Это, уверяю вас, глубокое и вредное заблуждение. Бога нет.*

Бог как вершитель закона воздаяния: *Выродок из выродков, вылупившийся из семьи чужеродных шляпников и царубийц, до второго распятия Бога и детоубийства дошедший, будучи наказан Господом за тяжкие грехи бесплодием; Долго они были неподвижны, ничего не говорили, еще не зная, не ведая, что это были самые великие, самые светлые минуты, те самые минуты, которыми Господь изредка одаривает добрых людей, не подбирая для этого подходящего места и времени.*

Бог как Всезнающая и Всевидящая сущность: *Коля Рындин не раз уж замечал за собой: забывает помолиться на сон, перед едою, пусть молчком, про себя, но Господь-то все равно все ведает и молитву слышит.*

Бог как сущность, творящая бесконечную творческую деятельность: *За младенцев Бог первый заступник, не гневите Его!; Людей мучать утешенье? Господь не велел ближних мучать; Не разучился еще Создатель творить; А Бог иногда создает красоту, чтобы на нее смотреть и отдыхать от ратных подвигов; Бог для молитвы головы очищает, память укрепляет, оттого даже совсем неграмотные хрестьяне завсегда молитвы помнят.*

Бог как носитель Высшего блага: *Какой дивный, какой могучий, какой необходимый инструмент вложил господь в человека!*

Таким образом, концепт «Бог» является важнейшей художественной константой в творчестве В.П. Астафьева, оказываясь едва ли не самым значимым в индивидуальной картине мира писателя. С ним связаны представления о духовных и нравственных ценностях.

Перспективными направлениями дальнейшего исследования представляются изучение единиц морфемно-

словообразовательного и грамматического уровней языковой системы как средств вербализации концепта «Бог», анализ вербализации данного мыслительного образования в художественных произведениях В.П. Астафьева и в его публицистике разных лет, а также анализ концепта «Вера», который является сюжетно значимым в творчестве писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафьев В.П. Проза войны. Красноярск, 1993. Т.1.
2. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН. Сер. лит. и яз. М.: Наука, 1993. Т. 52. С. 3-9.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. 944 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1986. 576 с.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. В 2 тт. Т. 1. М., 1993. 622 с.
6. Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса. Волгоград: Перемена, 2003. 312 с.

КОНТРАСТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЖАНРОВЕДЕНИЯ

В.Е. Тарасенко²³

В настоящее время жанроведение переходит от описания речевых жанров к осмыслению речевого жанра как единицы речевого поведения, в том числе и в сопоставительном аспекте. Мы исходим с позиции сопоставительного анализа одного жанра в разных культурах, хотя возможен и другой подход, который представлен, например, в сборнике саратовской школы «Жанры речи 5. Жанр и культура», где на первый план вынесено исследование жанрового своеобразия культуры, культурные особенности отдельных речевых жанров.

---

²³ Научный руководитель – к.ф.н. проф. Разумовская В.А.

Сравнительное изучение речевых жанров должно, на наш взгляд, идти по пути сравнительного анализа конститутивных признаков речевого жанра. При этом специфика контрастивных исследований в области жанроведения заключается в том, что они должны быть направлены не столько на поиск сходства, сколько на описание имеющихся различий.

На первом этапе сравнительное изучение речевых жанров предполагает выделение общей модели речевого жанра – паннациональной модели, которая не будет меняться при переходе от одного языка к другому. Если эту операцию не осуществить, то обоснованность выбора тех или иных речевых жанров в качестве национального варианта одного и того же речевого жанра будет сомнительной [Почепцов, 1985].

В качестве такой модели мы выбрали модель речевого жанра, предложенную Т.В. Шмелевой, где описание идет по следующим жанрообразующим признакам: коммуникативная цель; образ автора; образ адресата; образ прошлого и образ будущего; диктумное содержание и языковое воплощение.

Прежде чем перейти к сравнительному описанию конкретных речевых жанров, хотелось бы остановиться на следующем. Различия, существующие между языками в области жанроведения, определяются в первую очередь: а) языковыми различиями и б) различиями культур (неязыковые). Обращение к культурному компоненту речевого жанра связано с тем, что контрастивное описание речевых жанров предполагает изучение не только соответствующих языков, но и соответствующих культур, а именно языковых и релевантных элементов культур [Тарасенко, 2009]. Так, например, жанр приветствия существует во всех культурах, но у адыгов образ адресата приветствия гораздо шире, чем, например, у русских: в адыгейской культуре существуют особые формулы приветствия охотников, пахарей, сеятелей, косарей, пасечников, кузнецов, путников, сидящих у костра, вставших на ноги после болезни [Бгажноков, 1983]. В японской культуре социальный статус собеседника влияет на языковое воплощение речевого жанра прощания: форма прощания вышестоящего с нижестоящим одна, а нижестоящего с вышестоящим – другая.

Для примера контрастивного описания мы выбрали два этикетных речевых жанра – поздравление и соболезнование – в русском и японском языках на примере письменных текстов.

Два этих этикетных жанра выбраны нами не случайно: 1) они представляют собой реакцию на событие, в отличие от этикетных жанров-событий (приветствие, объявление); 2) представляют собой реакцию на событие с перфектной перспективой, в отличие от этикетных жанров-реакций с футуральной перспективой (просьба, приглашение, угроза); 3) воплощаются глаголами-перформативами [Тарасенко, 1999].

С точки зрения фактора коммуникативного прошлого рассматриваемые этикетные речевые жанры (далее – ЭРЖ) – реакция на какое-либо прошедшее событие в сфере автора или адресата. Учитывая реактивный характер ЭРЖ, можно представить некоторую типологию: 1) говорящий – его сфера и роль «участник / неучастник события», так как реакции на свои и чужие действия различаются в достаточно сильной степени; 2) оценка ситуации с точки зрения говорящего: личная и оценка ситуации адресатом. Один и тот же факт, одно и то же событие, попадая в разные системы оценок, могут получить противоположные характеристики, например из электронного письма: *Поздравляю с круглой датой. Шлю по этому поводу свои горячие поздравления (или соболезнования?)*. Отметим, что событие ЭРЖ соболезнования всегда негативно для адресата.

Итак, классификация двух ЭРЖ с учетом следующих компонентов: коммуникативная цель; образ автора; образ адресата; образ прошлого; диктумное содержание – такова:

Событие	Оценка события	Реакция на событие	Реакция на речь
Сфера адресата (автор не участвует в событии)	отрицательная	<i>Соболезную</i>	<i>Благодарю</i>
Сфера адресата (автор участвует в событии)	положительная	<i>Поздравляю</i>	<i>Благодарю</i>

Ситуация поздравления предполагает, что говорящий правильно оценивает некоторые события из жизни адресата как положительные и, согласно этикету, поздравляет. По причастности к адресату события ЭРЖ поздравления можно разделить на две группы: 1) событие, непосредственно связанное с адресатом, – поздравления с днем рождения, с рождением ребенка и т.п.; 2) событие, связанное с адресатом опосредованно, – поздравления с праздниками, принятыми в данном обществе. Их можно типологизировать на общенациональные, всемирные (Новый год, Рождество, Пасха) и праздники отдельной страны, группы (День Матери в европейских странах и Международный женский день 8 Марта в России). Поздравление мы рассматриваем на примере письменных текстов, в том числе и открыток [Тарасенко, 2007].

Если брать самый любимый праздник – Новый год, то круг социальных связей россиянина отличается от круга социальных связей японца, даже если не рассматривать электронную переписку, которая в настоящее время практически вытеснила почтовую. В среднем японец посылает около 100 новогодних открыток, что позволяет сохранить круг его социальных контактов, здесь мы подчеркиваем, что новогоднюю открытку японец именно посылает по почте. Невозможно встретить в японском языке и двойное поздравление одновременно с Новым годом и с Рождеством, которое допускается в русском языке, так как эти праздники идут друг за другом, праздновать Рождество официально стали только в постсоветской России. В Японии Рождество отмечается только 25 декабря, а Новый год – 1 января, и только Новому году соответствует открытка *нэнгадзё:*, которая имеет свою строгую структуру, набор пожеланий и порядок оформления. Для японцев *нэнгадзё:* – часть национальной культуры, их редко отправляют за границу, заменяя традиционными для иностранца художественными открытками. Форма японской новогодней открытки упрощена, одинарна, отправляется без конверта. Заранее до Нового года выпускается постер с отпечатанными на нем открытками с текстами новогодних поздравлений и пожеланий. Японцу остается только выбрать нужную открытку, по желанию он может вместо рисунка поместить фотографию, например, своей семьи, и заказать нужное количество. Важной частью новогодней открытки является слово *нэнга* «новогоднее поздравление». Открытки, помеченные этим словом, должны быть доставлены точно утром 1 января, так это важно для японцев. Можно написать открытку и после 1 января, но адресат должен ее

получить до утра 7 января, после писать *нэнгадзё*: не принято, его функцию выполняет «сезонное» приветствие – «зимнее приветствие», в котором содержатся свои клише.

В современных российских новогодних открытках текст уже присутствует: *Папочка, ты напоминаешь мне Деда Мороза – своим веселым смехом, добрым сердцем... и даже фигурой. С Новым годом!*, их можно не подписывать от руки, как это делали и делают люди старшего поколения. В этих открытках уже указан адресат, порой и автор не подписывает открытку. В данном случае мы наблюдаем влияние европейской (или общей мировой) традиции на русскую открытку не только в оформлении, но и в культурной традиции и языке.

В поздравительных клише японских новогодних открыток можно встретить слово *гасюн* «праздновать весну», которое сейчас воспринимается как устойчивое клише «С Новым годом», а также *сесюн но о-ёрокоби о мо:си агэмасу* «Рад отметить начало весны» – как «Поздравление с Новым годом». Это связано с тем, что японцы приняли григорианский календарь, а клише употребляют «потому что так принято» и потому что так написано в специальных справочниках по составлению писем [Тарасенко, 2008].

Отличие ЭРЖ соболезнования от других – наиболее высокая стандартность и типизированность, что обусловлено, с одной стороны, диктумной ситуацией, с другой – ритуалом похорон, где существует табу на разговоры и расспросы, смех на похоронах, поэтому соболезнования редко произносятся в подобных ситуациях, а переносятся из сферы устного общения в письменную, например, на страницы газет: *Друзья и близкие с прискорбием сообщают о смерти после болезни Пряникова Юрия Борисовича и выражают соболезнование его родным. Память о нем будет жить вместе с нами* (газ.). Как мы видим, здесь реализуются сразу два жанра – объявление и соболезнование.

В японской традиции соболезнование – это, как правило, только письменный жанр, что во многом определено культурой и традицией. После смерти всем родственникам, друзьям и знакомым рассылается траурное сообщение, получивший которое должен принять участие в похоронах. У дверей дома покойного вывешивается

траурное объявление. Пришедший проститься оставляет визитную карточку со словами соболезнования и преподносит семье покойного некоторую сумму денег (*koden* – деньги на благоволия). Раньше *koden* были рис или сакэ для поминального стола, теперь это сумма от 2000 до 50000 иен, банкноты должны быть новыми. *Koden* преподносится в специальном конверте, перевязанном бело-черным, серым или желтым шнурком (все эти цвета обозначают соболезнование), конверт обязательно подписывается. Если приглашенный на похороны не может присутствовать, обязательно нужно послать письменное сообщение об этом и соболезнование (*okuuamijou*) или сочувственную телеграмму (*chouden*). Перед этим нужно позвонить семье покойного, выразить соболезнование, извиниться за отсутствие на похоронах и предложить свою помощь. Затем высылать сочувственную телеграмму.

На похоронах распорядитель перед кремацией зачитывает соболезнования и сочувственные телеграммы.

Письменное соболезнование имеет следующую структуру: 1) узнав о смерти N, автор испытывает чувство удивления и скорби; 2) автор сожалеет по поводу смерти N и кратко упоминает о его заслугах и хорошем отношении к окружающим в прошлом; 3) автор извиняется за отсутствие на похоронах; 4) выражение скорби от утраты N; 5) выражение отчаяния и беспомощности.

Если автор использует все структурные элементы письма-соболезнования, то тем самым показывается высокая степень вежливости и формальные отношения между автором и адресатом. Как правило, в современной практике некоторые структурные элементы подобных писем опускаются, тем самым показываются неформальные отношения между автором и адресатом.

ЭРЖ соболезнования «требуется» в ответ от адресата другой ЭРЖ – благодарности. Отсутствие благодарности считается проявлением неуважения. Ответные действия на соболезнование в русской традиции – это слова благодарности, в японской – благодарственные письма и подарки, стоимость которых должна быть вдвое меньше суммы *koden*.

Проблема описания речевых жанров в сопоставительном аспекте – один из шагов в реализации масштабного

проекта «жанр и культура». Эта проблема актуальна, сравнение речевых жанров, их адекватное осмысление невозможно без учета культурологических аспектов жанров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения у адыгов. Нальчик, 1983. 229 с.
2. Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. 440 с.
3. Почепцов О.Г. Речевые акты: универсальное и национально-специфичное // Сопоставительное изучение структурно-семантических и коммуникативных единиц иностранных и родного языков. Киев, 1985. С.130-134.
4. Тарасенко В.Е. Жанр поздравления в японском и русском языках (переводческие аспекты) // Русский язык и культура в зеркале перевода: материалы международной научно-практической конференции. Салоники, 2008. С. 221-222.
5. Тарасенко В.Е., Тарасенко Т.В. Жанроведение в контрастивном аспекте // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе: материалы международной научно-практической конференции. М.: МГУ, 2009. С. 566-571.
6. Тарасенко Т.В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1999. 21 с.
7. Тарасенко Т.В. Поздравление // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 195-201.
8. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. Вып 1. С. 88-98.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО ШТАМПА В РОССИЙСКИХ ЖЕНСКИХ РОМАНАХ 2000-Х ГГ.

А.Н. Хижнякова²⁴

Языковой штамп изучается в разных областях филологического знания: стилистике, культуре речи, фразеологии, лексикологии. Само слово «штамп» происходит от итальянского «печать». Одно из его значений в русском языке – форма для серийного изготовления различных предметов, то есть – для множественного воспроизводства одной и той же вещи в неизменном виде. Есть еще одно, переносное: «готовый образец, трафарет, которому слепо следуют» [Ожегов, 1986. С. 781]. Это последнее значение ближе всего к штампу в лингвистическом понимании – «стилистически окрашенному средству речи, отложившемуся в коллективном сознании носителей данного языка как устойчивый, «готовый к употреблению» и потому наиболее «удобный» знак для выражения определенного языкового содержания, имеющего экспрессивную и образную нагрузку» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990. С. 423]. Проблемой штампа занимались такие отечественные лингвисты, как В.Г. Костомаров, Г.А. Золотова, Г.О. Винокур, Д.Н. Шмелев, Д.Э. Розенталь и др.

Как явление языка штампы подавляющим большинством исследователей оцениваются негативно, а их использование в письменной речи признается показателем нетребовательности пишущего к слову и «признаком невысокой культуры» [Балли, 1961. С. 108]. В семантике самого термина присутствует отрицательная коннотация. Особенно ярко это проявляется в сравнении с такими более нейтральными понятиями, как шаблон, трафарет, стереотипное выражение. Иногда понятие языкового штампа сближают с термином «клише», но большинство исследователей все-таки склонны разводить эти два определения. Главным пунктом расхождения как раз и является оценочность. Клише – нейтральное понятие, имеющее информативно-необходимый характер, использование которого подчас признается неизбежным.

Штампы прочно вошли в нашу жизнь. В силу своей невариативности и стереотипности восприятия штамп упрощает

---

²⁴ Научный руководитель – к.ф.н., доц. Смолина А.Н.

процесс коммуникации, минимизируя расход энергии, времени и умственных усилий.

Печатные издания направлены на привлечение внимания, а значит – на использование средств выразительности. Но человек, пишущий для газеты, поставлен в определенные условия: он должен писать «броско», быстро и в большом количестве, а это неизбежно приводит к использованию в текстах готовых выражений, на первый взгляд образных, но по сути штампов. В.Г. Костомаров называет штампы «изнасилованными жанром идиомами, метафорами, фразеологическими и образными единицами» [Костомаров, 1971. С. 203].

Штампы категорически противопоказаны художественной литературе, поскольку главным условием творчества является индивидуальность, выразительность и экспрессивность, что прямо противоречит определению штампа. Так, В.В. Виноградов, говоря об особенностях языка художественной литературы, подчеркивал, что «литературный штамп, клише не имеет эстетической ценности и образно-смысловой насыщенности выражения; напротив, для него характерна некоторая смысловая условность и опустошенность» [Виноградов, 1954. С. 8].

В 90-е годы на российские книжные прилавки хлынул поток доступной переводной, а вслед за ней и отечественной «массовой» литературы, которая в сложившейся к тому времени ситуации оказалась крайне востребованной. Популярность такой литературы остается высокой до сих пор, на ней сейчас воспитывается молодое поколение россиян, поэтому ее язык, несомненно, заслуживает особого внимания лингвистов.

Находясь в условиях рынка, когда творчество из сферы самовыражения переводится в сферу коммерции, писатели попадают в положение ремесленников, обязующихся выпускать по полновесной книге (200-300 страниц), к примеру, в три месяца. Поэтому не обнаружить штампов в беллетристике невозможно. С другой стороны, целью такой литературы никогда не было развитие читателя, расширить его кругозор и т.п. Штамп с этой точки зрения имеет и другую, положительную, сторону, о которой говорилось выше: он упрощает восприятие, что отвечает предъявляемым к этому виду литературы требованиям.

Яркий пример такого упрощения – это описания персонажей. Авторы не утруждают себя развернутыми

характеристиками, достаточно сказать, что это была *роковая красавица с огненно-рыжими волосами* или *высокий темноволосый мужчина в хорошей спортивной форме*, чтобы считать свой авторский долг исполненным. Это своего рода **апелляция к читательскому опыту и сложившемуся в сознании инвентарю образов**, каждый из которых представляет собой лишь стандартную схему, предлагаемую для заполнения адресату.

Но не всегда штамп равнозначен пустоте, автоматизму и отсутствию творческих усилий. Еще Ш. Балли во «Французской стилистике» отмечал, что зачастую самые удачные поэтические находки представляют собой «обновленные языковые образы», под которыми он понимал не что иное, как штампы, но в нестандартном употреблении: с измененной структурой, замененным компонентом, помещенные в специальный контекст [Балли, 1961. С. 234]. Это то, что можно назвать языковой игрой, или игрой со штампами.

Трансформированные штампы можно встретить уже в названиях романов: «*Сердце из нежного льда*» (ср.: ледяное сердце), «*Тайна, покрытая браком*» (ср.: тайна, покрытая мраком), «*Самое гордое одиночество*» (ср. гордое одиночество), «*Измена с надеждой на взаимность*» (ср. с надеждой на взаимность), где они выполняют функцию **привлечения внимания адресата**.

Сейчас игра со штампами стала универсальным механизмом **создания комического (уже – иронического) эффекта**. В качестве примера можно привести отрывок из романа Арины Лариной «Квадратное колесо Фортуны»:

«Весь вечер он тяготился мыслью, как *попросить* у родителей Юлькиной *руки*. Будучи логиком, он отмел варианты, предполагавшие *дискуссию* на эту тему, и выбрал единственный, на его взгляд, стоящий: *не просить руки, а сообщить, что он ее уже получил*. В конце концов, *все присутствующие в курсе цели собрания*, поэтому он лишь *констатировал факт*».

Здесь штампы «в курсе» (сокр. от «быть в курсе чего-либо, как правило, событий»), «просить руки» с последующим выходом на игру «он ее уже получил» и прочно вошедшее в речь канцелярское выражение «констатировать факт» в

сочетании с официально-деловой лексикой («дискуссия», «сообщить», «все присутствующие», «цель собрания») создают особый ироничный эффект при описании официального знакомства жениха с родителями невесты.

Если для классиков использование штампов в комическом ключе было единичным случаем, отдельным компонентом поэтики, то в произведениях современных авторов массовой литературы такого рода игра нередко приобретает тотальный характер и зачастую становится определяющим фактором всего писательского стиля. В наше время активно развиваются жанры иронического любовного романа, детективного, романа-фэнтези, где вариации штампов занимают одно из ведущих мест при создании иронии. Причем игра может осуществляться на разных уровнях: языка, сюжета, образной системы.

Создание комического эффекта – не единственная задача, которую можно решить в тексте при помощи штампа, а значит, существует несколько путей приобретения новой образности для затертой единицы. В частности, следует отметить такую функцию штампа в художественном тексте, как **характеристика речевой ситуации**: деловой встречи, совещания, публичного выступления, приема у врача, ситуации очереди, объяснения и пр. Как правило, штампы сочетаются с рядом других компонентов: стилистически маркированной лексикой, особым синтаксическим построением. Например: «До сих пор продолжается дискуссия о том, является психиатрия наукой или искусством, ведь многое здесь зависит от личности врача. Врач – это творец. Создатель. Если он талантлив, то он способен вернуть душу из ее дальних странствий в *бренное* человеческое тело!» (Т. Тронина. «Солнечная богиня»). Говорящий – профессор, специалист в области психиатрии – использует здесь словосочетание «бренное тело» для поднятия пафоса своей речи в ситуации спора.

Но штамп может, например, использоваться и для **снижения пафоса**: «Жизнь все время пыталась вернуть меня на землю из *заоблачных* сентиментальных *высот* и всяческими способами доказывала, что никаких *прекрасных принцев* в природе не существует, ни *на белых конях*, ни *на алых парусах*, ни в «*Мерседесах*», ни в «*Жигулях*», ни по старинке передвигающихся пешим ходом» (С. Демидова. «Сердце из нежного льда»).

Во фрагменте приводится ряд штампов («вернуть на землю», как правило, грешную, «заоблачные высоты», «прекрасные принцы»), призванных, с одной стороны, снизить пафос рассуждений о жизни, с другой – показать цинизм и разочарованность героини, то есть **непосредственно** дать ей образную **характеристику**. Что примечательно, здесь наблюдается контаминация языковых штампов с образными (*принц на белом коне, принц на алых парусах, «принц» в «Мерседесе»*).

Также штамп – хорошее, но крайне редко используемое **средство** для **речевой характеристики персонажа**. Так, в романе «Маша и Медведь» Инны Туголуковой один из героев, немолодой художник, произносит следующий монолог: «Друзья мои! Что происходит? Вселенский стон! Или это хитрость такая? Вот, мол, какие мы *сырые да убогие*, подайте копеечку. *Напрасный труд* – никто не подаст! Не те нынче времена. Да и мы не убогие. <...> А чтоб *не растекаться мыслью по древу*, хочу пригласить вас, Николай Андреевич, к себе в *вотчину* и уже там, на месте, *предметно поговорить*. А пока могу только сказать: удастся наше дело – большая польза будет и для земли, и для людей, а более всего, подчеркну это особо, *для детей, в сельской местности во многом ущемленных*». «*Сырые да убогие*» в данном контексте и при учете использования устаревшей лексики и архаичного синтаксиса создают яркий образ героя: хорошо образованного, импозантного мужчины в возрасте, человека искусства, подчеркнуто относящего себя к «прошлому веку».

Если языковая единица выполняет какую-либо художественную функцию, то она приобретает выразительность. Но всё-таки штамп в массовой литературе остается штампом, поскольку, выступая в качестве одного из компонентов, формирующих прием и создающих стилистический эффект, лишь в очень редких случаях может сам стать полноценным средством выразительности и остается в большинстве своем пустым, механически повторяемым суррогатом живого, образного и самостоятельно найденного творческого решения.

ИСТОЧНИКИ

1. Демидова С. Сердце из нежного льда. М.: Эксмо, 2008. 320 с.

2. Ларина А. Квадратное колесо Фортуны. М.: АСТ, 2004. 411 с.
3. Тронина Т. Солнечная богиня. М.: Эксмо, 2007. 352 с.
4. Туголукова И. Маша и Медведев. М.: Хранитель, 2006. 285 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Иностранная литература, 1961. 394 с.
2. Виноградов В.В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 7-14.
3. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М.: Издательство МГУ, 1971. 268 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1986. 797 с.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВИДЕОКЛИП КАК ВЕРБАЛЬНО-ИКНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ

С.Б. Шарифуллин²⁵

Рост интереса к проблеме визуализации, т.е. зрительного восприятия при усвоении информации, обусловлен самими требованиями современной коммуникации. Неотъемлемой частью жизни современного общества стали четыре средства коммуникации, превратившиеся в важнейшее орудие формирования общественного сознания: кинематограф, телевидение, реклама и Интернет. Понимание того, что «глобальный мир, мир постсовременности, ориентируется на визуальный способ представления информации, привело к обоснованию необходимости выделения в рамках

---

²⁵ Научный руководитель д.ф.н., проф. Фельде О.В.

современной науки понятия визуальности» [Зенкова, 2004. С. 40].

Такому пониманию и интересу к синкретичным визуальным текстам способствовало, по крайней мере, еще два фактора.

Во-первых, в психолингвистических исследованиях исходным уже ранее считалось положение о том, что информация, воспринимаемая по разным каналам – вербальный текст и изображение, – «интегрируется и перерабатывается человеком в едином универсально-предметном коде мышления» [Жинкин, 1982].

Во-вторых, в лингвистике текста при коммуникативно-прагматическом подходе утверждается широкое понимание текста, что ведет к объединению вербальных и невербальных средств, образующих текст как единую коммуникативную единицу.

Для текстов, организованных комбинацией естественного языка, его вербальных элементов, с невербальными элементами других знаковых систем или упорядоченных множеств, еще не выработалось единое общепринятое терминологическое обозначение. Из всех используемых в настоящее время наименований, среди которых обозначение *креолизованные тексты* употребляются большинством лингвистов (обзор работ до 2000 г. дан в статье [Бернацкая, 2000] и повторен в работе [Ворошилова, 2006]; см. также [Анисимова, 2003]), мы предпочитаем введенное еще Р.О. Якобсоном понятие «синкретические тексты» и будем говорить о *вербально-иконических текстах* как «особом лингвовизуальном феномене, в котором вербальный и изобразительный компоненты образуют одно визуальное, смысловое, функциональное целое, обеспечивающее его комплексное воздействие на адресата» [Анисимова, 1996. С. 148].

Синкретические, вербально-иконические тексты в широком смысле слова могут рассматриваться как сложные семиотические образования, построенные на основе, с одной стороны, знаковой системы естественного (или искусственного) человеческого языка (включая устную, письменную, печатную формы ее реализации, каждая из

которых будет характеризоваться своими специфическими чертами) и, с другой стороны, любой иной знаковой системы (не только собственно изобразительной – рисунков, фотографий и т.п., но и музыки, танцев и т.д.).

Синкретический вербально-иконический текст, по сути, является своеобразным дискурсом, но так как термина «синкретический (или вербально-иконический) дискурс» пока нет, мы используем традиционный термин «текст», который понимается нами как выраженное в любой форме, упорядоченное знаковое целостное образование, заключающее в себе определенное содержание, соотносимое с одной из сфер функционирования языка, направленное на адресата. Данное определение учитывает, на наш взгляд, основные семиотические, психологические, коммуникативно-прагматические, семантические особенности синкретического текста и выделяет в качестве его признаков выраженность, связность, цельность, информативность, воспроизводимость, ситуативность, интенциональность, интертекстуальность.

Особая разновидность синкретических вербально-иконических текстов современной культурной коммуникации – музыкальные видеоклипы. В родо-видовом отношении они причисляются к более широкому классу текстов – кино и телевидения, однако отличаются от них рядом особенностей.

Научная литература по музыкальному видеоклипу (особенно по его семиотико-культурологическому и тем более лингвокультурологическому описанию) пока ничтожно мала. В небольшой статье Н. Самутиной упоминается только одна работа такого плана, рассматривающая гендерную проблему на материале клипов: книга R. Roberts «Ladies First: Women in Music Videos» [Самутина, 2001]. Есть еще работа И. Кулика о клипах зарубежных музыкантов, но она является чисто искусствоведческой [Кулик, 2001]. Лингвистический анализ англоязычных видеоклипов представлен лишь фрагментарно в кандидатской диссертации Ю.Е.Плотницкого, посвященной песенному дискурсу в целом [Плотницкий, 2005]. В лингвистическом отношении исследовался также «видеовербальный текст» некоторых телевизионных передач, видеофильмов [Пойманова, 1997; Мишина, 2007; Иванова, 2000], но по своему типу музыкальные видеоклипы отличаются от просто «видеовербальных» текстов, имея в виду синкретизм песни (самой по себе уже синкретического, вербально-музыкального текста) и видеоряда.

Видеоклип в последнее время стал одной из постоянных составляющих современной медийной коммуникации. Как отмечает Е.Г. Яковлев, «появление видеоклипа в культуре современной цивилизации знаменовало собой возникновение совершенно иной парадигмы в использовании аудиовизуальных коммуникаций и в первую очередь в рекламных и развлекательных целях» [Яковлев, 1998. С. 81].

Музыкальный видеоклип в какой-то мере близок мюзиклу и является, так сказать, его дальним потомком. Р.О. Якобсон относил мюзиклы, особенно киномузиклы, к «очень сложным синкретическим представлениям... сочетающим целый ряд аудиальных и визуальных семиотических средств» [Якобсон, 1985. С. 328]. А Р. Барт писал: «В телевидении, кино, в рекламе возникновение смыслов зависит от взаимодействия изображения, звука и начертания знаков» [Барт, 1975. С. 124]. Таким образом, музыкальный видеоклип как род искусства находится на стыке кино, телевидения и видеорекламы.

Музыкальный видеоклип представляет особую форму синкретического, вербально-иконического кинотекста (точнее, видеотекста, если иметь в виду различие между кино- и видеосъемкой), выполняя коммуникативную функцию при взаимопроникновении двух принципиально отличных семиотических систем (лингвистической и нелингвистической, вербальной и невербальной). Видеотекст, как и кинотекст, по мнению исследователей, создается из этого материала при помощи кинематографических кодов, к числу которых относятся ракурс, кадр, свет, план, сюжет, художественное пространство, монтаж.

Тик, музыкальный клип – это синкретический вербально-иконический текст, сочетающий в себе видеоряд, музыку и неразрывно связанный с ними вербальный компонент – текст песни, а также различные надписи, появляющиеся на экране и т.п. Нередко в композицию видеоклипа включены и кинесические невербальные знаки типа танца и т.п.

В качестве примера можно рассмотреть клип «Менеджер» группы «Ленинград». Сама песня является своеобразной антисоциально-сатирической зарисовкой на тему мнимой значимости некоторых руководящих должностей, высмеивающей современную офисную иерархию и всех, кто в какой-либо мере к этой иерархии причастен: «Тебе

повезло – ты не такой, как все. Ты работаешь в офисе». Чтобы усложнить характер информации, направленной на зрителя, в кадре видеоклипа используются надписи, не связанные напрямую с текстом песни, но связанные с её семантическим пространством – стандартизированные рекламные лозунги «Обрети мечту» и «Звоните немедленно!», иронично подчеркивающие «важность» выбора профессии менеджера.

Необходимо отметить такую особенность музыкального видеоклипа как особого типа видеовербального текста: он представляет собой «матрешечный» синкретический текст, поскольку сама песня уже – синкретический текст первого уровня (музыка как невербальный компонент – звук плюс текст песни как компонент вербальный – тоже звук), а видеоклип – второго уровня: песня как синкретический текст (звук) плюс видеоряд (изображение и цвет). Здесь уже намечается выход на проблему синестезии: совместного восприятия звука и цвета (о данной проблеме см., например [Прокофьева, 2007]), а также звука и изображения вообще.

Так, Р.О. Якобсон отмечал: «синкретизм поэзии и музыки, вероятно, первичен по отношению и к поэзии, и к музыке – так же, как визуальные сигналы кинесики органически связаны с теми или иными аудиальными знаковыми системами» [Якобсон, 1985. С. 327], поскольку «наибольшая часть социально значимых, богатых и существенных для общества знаковых систем ориентирована на восприятие посредством зрения и слуха» (Там же. С. 323). Поэтому закономерно наличие большого разнообразия взаимодействия аудиальной (воспринимаемой слухом) вербальной материи языка (текст песен) с другими аудиальными (музыка) и визуальными (цвет, например) знаковыми системами.

Мы согласны с тем пониманием синестезии, по крайней мере, если речь идет о той, что используется в языке и в искусстве, которое предлагает Б.М. Галеев: «это не "соощущения", это скорее "со-представление", "со-чувствование". По психологической своей природе это есть ассоциация, конкретно – межчувственная ассоциация. И как любая ассоциация, она может быть либо пассивной, либо активной (творческой), с разной степенью переживания (вплоть до эйдетического)» [Галеев, 1999].

Действительно, существует связь между восприятием музыкального звука и цвета, а также между восприятием

текста песни и соответствующей «картинки». Усложнение структуры музыкального текста, самого по себе уже синкретического (единство вербального текста и мелодии), и включение в видеоклип изобразительного ряда можно объяснить усложнением характера информации, которую передает автор. Семантическое пространство музыкального видеоклипа имеет множество возможных толкований, побуждая реципиента к усиленной интерпретации.

Один из примеров усложнения характера информации, которая содержится в видеотекстах, может послужить клип песни «Куда уходят корабли» группы «Крес». В этом видеоклипе изобразительный компонент, а именно видеоряд, не только дополняет музыкальный текст, но и придаёт ему дополнительную семантическую окраску. Текст песни имеет глубоко философский характер, в то время как музыканты оперируют множеством эпитетов, метафор и переносов, отождествляя, например, человека с кораблём, а то место, «куда уходят корабли», – со смертью. Опираясь на данное семантическое пространство, режиссёр клипа конкретизирует музыкальную поэтику, показывая зрителю историю тяжелобольного, безуспешно борющегося со своей болезнью, и его дочери. И сам сюжет, и его кульминация (смерть главного героя на берегу моря) неразрывно связаны с текстом песни: «Если бы лекарством от всех болезней были песни – мы бы спасли весь мир»; «Корабли отчалили, оставив нас у берегов вечной печали».

Иконические (видеоряд) и вербальные (текст песни) знаки в музыкальном клипе как видеовербальном тексте не просто сосуществуют, они находятся в постоянном синкретическом взаимодействии, создавая единое знаковое пространство, активно воспринимаемое адресатом клипа.

В этом знаковом пространстве во взаимодействии и единстве видеоряда (зрительное восприятие изображения) и музыкального произведения (слуховое восприятие песенного текста и музыки) проявляется также синестетическая символика цвета и звука (вербального, т.е. слов песни, и невербального – мелодии песни). Цветовая гамма (палитра) визуального образа представляет собой, наряду с собственно изображением, иконический компонент текста видеоклипа, а текст песни – его вербальный компонент.

В синкретическом знаковом пространстве музыкального видеоклипа образ «музыка-слова-изображение» создается

с помощью определенных иконических знаков и знаковых комплексов:

- знаковые средства, кодирующие пространственное изображение (перспектива, внутрикадровое движение, ракурс) и время (скорость съемки и т.п.);
- система графических знаков;
- символика цвета и звука в их синестетическом взаимодействии;
- иные вербально-иконические знаки.

Параллелизм выразительных средств и приемов в разных знаковых системах – музыке, лирике и видеоряде – также значим для выстраивания вербально-иконического текста музыкального видеоклипа, поскольку связан и отражает феномен синестезии звука и цвета. Перспективно в этом отношении использование некоторых идей и выводов теории интертекстуальности, например, «семантических фигур», в основе образности которых «лежат семиотические переносы, причем базой для них является сравнение изобразительных средств разных искусств» [Фатеева, 1998. С. 36]. Такие «семиотические переносы» – конечно, одна из форм проявления синкретизации вербально-иконического текста, а также синестезии.

В качестве одного из примеров использования семантических фигур в видеотекстах можно рассмотреть клип песни рэп-исполнителя Ассаи «Голос». В кадре периодически, синхронно с текстом, возникают различные символы и знаки: пиктограмма сердца («Кто соблазняясь мною, забыв любимых»), знак доллара («Музыка – это бизнес»), число 1000 («Даже за тысячу миль от дома»), создавая тем самым единое знаковое пространство посредством неразрывной связи между вербальным и иконическим компонентами видеотекста.

Синкретические вербально-иконические тексты представляют значительный интерес для современной лингвистики, в частности для теории текста, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики и некот. др. Движение от вербального текста к иконическому изображению и назад раскрывает роль различных компонентов ситуации речевого общения, дает возможность оценить, насколько те или иные явления языка связаны с внеязыковыми,

каковы механизмы их интеграции, позволяет сравнить воздействие изобразительной информации с воздействием вербального текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие. М., 2003. 128 с.
2. Анисимова Е.Е. О целостности и связанности креолизованного текста (К постановке проблемы) // Филологические науки. 1996. № 5.
3. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «За» и «Против». М., 1975.
4. Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник. Красноярск, 2000. Вып. 3 (11). С. 104-110.
5. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 180-189.
6. Галеев Б.М. Что такое синестезия: мифы и реальность // Leonardo Electronic Almanac. V.7. 1999. № 6.
7. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
8. Зенкова А.Ю. Визуальная метафора в социально-политическом дискурсе: методологический аспект // Многообразие политического дискурса. Екатеринбург, 2004. С. 39-54.
9. Иванова Е.Б. Художественный видеофильм как текст и его категории // Языковая личность: проблемы креативной семантики. К 70-летию профессора И.В. Сентенберг: сб. науч. тр. / ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 2000. С. 200-206.
10. Кулик И. Обои цвета телевизионного снега // Искусство кино. 2001. № 2.
11. Мишина О.В. Средства создания комического в видеовербальном тексте (на материале английского юмористического сериала «Monty Python Flying Circus»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 25 с.

12. Плотницкий Ю.Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005.
13. Пойманова О.В. Семантическое пространство видеовербального текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
14. Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов, 2007. 280 с.
15. Самутина Н. Музыкальный видеоклип: поэзия сегодня // Неприкосновенный запас. 2001. № 6 (2).
16. Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия АН РАН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 5.
17. Якобсон Р.О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы. М., 1985.
18. Яковлев Е.Г. Кинофильм и видеоклип: эстетическая оппозиция // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1998. № 4. С. 80-85.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЕ

Ян Минбо²⁶

Переводческие концепции в Китае (краткий обзор)

Всем известно, что древнейшая и могучая восточная страна Китай имеет 5000-летнюю историю и цивилизацию. В современном контексте глобализации экономики и политики международная и межкультурная коммуникация является крайне актуальной. В рамках межкультурной коммуникации важное место принадлежит переводу иностранной литературы. Специфическая теория и практика перевода в китайской лингвистике занимает важное место в общем

---

²⁶ Научный руководитель – к.ф.н. проф. Разумовская В.А.

пространстве мировой теории перевода в целом. В данной работе мы будем рассматривать теорию перевода Китая с исторической точки зрения и опишем главные концепции китайской теории перевода.

История развития теории перевода в Китае

История теории перевода Китая началась с династии Чжоу (эпоха Вёсен и Осеней – 7224–81 гг. до н.э.), в произведении «Чжоу Ли» упоминалось о переводе «История теории перевода в Китае». В Китае зарождение перевода связывают с проникновением буддизма. Настоящим началом переводческой деятельности считается перевод буддийских текстов на китайский язык, который относится ко второй половине династии Хань (I в. н.э.). С этого момента до династии Сун (960–1127 гг. н.э.) в течение 1200 лет в Китае переводились главным образом буддийские сочинения, и, по свидетельству историков, переводили не коренные китайцы, а буддийские миссионеры-выходцы из Парфии, Индии, Центральной и Средней Азии. IV–VI вв. в Китае называют «Золотым веком» переводной литературы. 96 переводчиков этого времени переводят на китайский язык 1087 сутр из 3437 глав. Конечно, перевод сутр был осуществлен в привычных для Китая формах: переводчики сокращали традиционные повторения сутр, что, к сожалению, приводило к потере художественных достоинств оригинала. И всё же благодаря переводам буддийских текстов переводоведение в это время получило обогащение и развитие, и образовалась первоначальная система теории и практики перевода.

В VII веке новую переводческую реформу проводит знаменитый путешественник и переводчик Сюань-цзан (602–664). Его способности оценивались настолько высоко, что император Тай-цзун предложил ему должность министра. По поручению императора Сюань-цзан осуществил перевод на китайский язык знаменитой книги «Дао Дэ Цзин» или «Книга о Пути и Силе» («Канон Пути и Благодати»). Надо сказать, что Сюань-цзан предложил наиболее совершенную систему перевода, но большинством школ китайского буддизма каноническими были признаны переводы Кумараджвы и его последователей. Дальнейшая переводческая деятельность способствует появлению соответствующих школ и концепций в Китае.

Со времён династии Сун переводческая деятельность постепенно ослабилась, и новый этап развития переводоведения начался только в эпоху Мин (1368–1644). В связи с необходимостью общения с внешним миром была создана специальная школа переводчиков, которая называлась «Си И». Чтобы привлечь западные научные достижения, в отличие от предыдущего этапа истории перевода, в Китае начали переводить произведения по геометрии, астрономии и медицине, а не буддийские тексты из Индии. Известный китайский ученый и переводчик Ли Шаньлань (1811–1882) вместе со своими европейскими коллегами перевели много книг и статей по естественным наукам, перевод проникает в сферу математики, физики, астрономии и ботаники. Имя Ли Шаньлань известно ещё тем, что он, переводив европейские научные работы, создал много научных терминов на китайском языке, которые употребляются до нашего времени.

С конца династии Мин и начала Чин переводческая деятельность Китая достигла второй вершины после династии Тан. Помимо распространения христианства западные миссионеры познакомили китайский народ с современной европейской наукой. В свою очередь передовые и прогрессивные деятели, такие как Сюй Гуанчи, Ли Чжицао и другие, начали активно переводить работы западных авторов по философии и этике.

После «Движения новой культуры» и создания нового Китая до культурной революции (1966–1976) в Китае появилось много выдающихся переводчиков и школ. В их кругу непрерывно обсуждались проблемы перевода, и сложилась хорошая научная атмосфера. Было переведено очень много работ и статей, что непосредственно способствовало развитию переводческой деятельности Китая. Особенность данного этапа перевода проявляется в том, что по инициативе известного китайского литературного критика Ху Ши (1891–1962) и писателя Лу Синя начали переводить на Байхуа – современный разговорный язык, а не на Веньянь (древнекитайский язык), и тщательно выбирать материал для перевода. В то время отсутствовали хорошие фундаментальные научные труды по теории перевода в Китае.

В 1978 году китайское правительство выдвинуло новый политический лозунг: «Реформы и открытость». Внешних контактов и возможностей сотрудничества Китая с другими странами становилось все больше и больше, что привело к

интенсивному развитию и процветанию переводоведения. Было создано большое количество научных журналов в данном направлении.

Главные идеи и школы китайской теории перевода в лицах

- *Янь Фу и его теория Синь Да Я (faithfulness, expressiveness, elegance)*

Данная теория принадлежит переводчику, педагогу и идеологу Янь Фу, о которой он заявил в переводе «Эволюция и этика человека» («Evolution and Ethics» Т.Н. Huxley, 1983): Синь-ПЯ точно отражает смысл ИЯ, т.е. точность, Да-ПЯ четко и понятно передает значение ИЯ, т.е. четкость или ясность, и Я художественный стиль и красота ИЯ сохраняется в ПЯ, т.е. оригинальность. По его мнению, Синь, Да и Я – это три самых сложных момента перевода. Первоначально эта теория была предназначена для перевода древнекитайского языка на современный китайский язык. Так как она содержала самые ключевые идеи и мысли китайских переводчиков нескольких поколений, ее считают главной идеей традиционной теории перевода Китая. До сих пор идут споры о её трёх категориях. Некоторые специалисты относят ее к переводческим стратегиям, а другие – к принципам перевода.

В последние 20 лет XX века в китайской традиционной теории перевода возникли новые тенденции. Под влиянием европейского переводоведения главные переводчики страны начали философски оценивать теорию «Синь Да Я». Многие критикуют её или не принимают как совершенную науку о переводе, а, соответственно, в новой обстановке заново рассматривают значение и роль данной теории в современном мире перевода. По мнению Дан Юань, с лингвистической точки зрения Синь – это семантическое соответствие, Да – это соответствие хода мысли оригинала и перевода, а Я – это функциональное единство. У Чуаньгунь считает, что у Янь Фу – целая и систематическая теория перевода. В ней, кроме принципов перевода, ещё были затронуты как отношение переводчика к оригиналу, его квалификация, так и многие другие вопросы перевода, которые имеют актуальность и на сегодняшний день. Чжао Сюмин подчеркивает важность красоты в данной теории, что очень ценно для определения хорошего перевода. Шень

Сужу считает, что теория Синь Та Я отражает объективный закон перевода, не являясь этим законом, она все же имеет большое значение для изучения общей теории и практики перевода, но, с другой стороны, в данной теории отсутствуют достаточная точность, глубина изучения и нормативность. Несмотря на вышеуказанные разногласия, данная теория считается визитной карточкой китайской традиционной теории перевода.

- ***Лу Синь и дословный (буквальный) перевод***

Участвуя в дискуссии о критериях перевода в 20-х гг. XX века, Лу Синь настаивал на методе «дословный перевод». Он был категорически против метода перевода, приукрашивающего подлинник, и, выступая против теории вольного перевода Чжао Тиньшэнь, неоднократно подчеркивал преимущества буквального перевода. Лу Синь призывал своих коллег заимствовать синтаксис иностранных языков и при необходимости делать перевод «европейским и модным». Нужно заметить, что в некоторой степени мнение Лу Синя о буквальном переводе выглядит категоричным, но если рассматривать данный вопрос с точки зрения развития и обогащения китайского языка, то его мнение соответствует тенденции развития современного переводоведения к переводу разных культур.

- ***Чэнь Сиин и 3 уровня (подобия) перевода***

Чэнь Сиин (1896–1970) развивал теорию Лу Синя и Мао Дунь о прямой передаче смысла оригинала в переводе и создал теорию «трех подобий»: ПЯ и ИЯ похожи на уровнях «формы, значения и духа». Данная теория дала начало развитию китайской современной теории перевода, так как она соединяет переводческую теорию и эстетику современной литературы и искусства и для будущего развития переводоведения Китая имеет глубокое значение.

История перевода русской литературы в Китае

Русская литература, которая известна всему миру именами Пушкина, Толстого, Достоевского, Горького, Чехова, Фадеева, Есенина, Лермонтова и многих других, играет огромнейшую роль в мировой литературе. Она также сильно

влияет на китайскую литературную жизнь и развитие страны. История перевода русской литературы в Китае делится на три этапа.

Начало перевода русской литературы в Китае

По историческим данным, в Китае русская литература впервые появилась в 1845 году. Царская Россия подарила китайскому правительству во время династии Цин первую в истории взаимоотношений двух стран партию русских литературных произведений, включая «Сборник стихов Крылова», «Стихи Дмитриева», «Сборник известных русских писателей», «Сто известных русских литературоведов» на русском языке. Так как эти произведения не были переведены в то время, первые годы XX века считаются началом появления русской литературы в Китае. В 1903 году в Шанхае вышел перевод Пушкина «Капитанская дочка», сделанный китайским студентом Цзи ИЦзюнь с японского языка на китайский во время учёбы в Японии. Тогда переводились русские художественные произведения не с русского оригинала, а с других языков. В 1906 г. Лу Синь издал «Сборник зарубежных повестей», в котором было собрано 16 иностранных сочинений, из них было 6 русских. Через год был выпущен перевод романа Лермонтова «Герой нашего времени».

Развитие перевода русской литературы на китайский язык

Великая Октябрьская революция разбудила китайский народ. Перевод русской литературы в Китае вышел на новый грандиозный этап, когда начали масштабно заимствовать и переводить русскую и советскую литературу. В 1920 г. в пекинском издательстве «Новый Китай» издана книга «Русские известные писатели и их рассказы» (первый том), где напечатаны статьи о произведениях «Станционный смотритель» и «Метель» Пушкина, «Коляска» Гоголя, «Сорока-воровка» Герцена. По статистике, с 1920 по 1927 гг. в Китае было издано 190 произведений иностранной литературы, из них 83 – русской или советской, что занимает более 40% от всей зарубежной художественной литературы. В 20-е годы прошлого века многие русские известные произведения уже были изданы на китайском языке. С 1922 года в

Китае было переведено много советских художественных произведений, таких как «Мать» Максима Горького, «Железный поток» Александра Серафимовича, «Уничтожение» («Разгром») Александра Фадеева и др.

Перевод русской литературы после создания нового Китая

В 1954 году после создания Китайской Народной Республики впервые в истории развития культуры Китая было создано собрание переводов. Все известные литературоведы и писатели приняли участие в данном событии. По статистике соответствующих государственных органов, в 1956 году в Китай было привезено приблизительно 11 500 произведений, в общем итоге 2,9 млн разных книг. Было переведено 2 400 произведений русских и советских авторов, количество изданий составило 26,3 млн экземпляров. Среди них было продолжение перевода русских классических художественных произведений. Переводились и советские литературные сочинения. Нужно отметить, что в это время китайская литература также масштабно вошла в жизнь русских читателей. В Советском Союзе начали знакомиться с такими китайскими писателями, как Лу Синь, Го Можо, Мао Дунь, Джао Шули и др.

К 80-м годам количество переводов русской литературы в Китае достигло своего максимума – непрерывно издавались отдельные произведения, появились разные варианты их перевода. Так, например, «Капитанская дочка», первый перевод которой сделан в 1903 году; до 90-х годов количество переводов уже превысило 15 вариантов, а в настоящее время их насчитывается более 20. Помимо книг, в то время были выпущены 4 специальных журнала о русской литературе: «Советская литература» (место издательства: Пекин), «Советская литература и искусство» (Пекин), «Русская и советская литература» (пров. Ухань), «Советская и русская литература» (Шаньдунь).

Роль перевода русской литературы в Китае

С давних времён Китай и Россия, благодаря удачному местоположению и похожей социальной обстановке, поддерживают тесные связи. В течение более 100 лет, особенно с начала культурного движения «4 Мая», русская литература оказывает сильное влияние на китайское общество.

- Знакомство с русской литературой продвинуло развитие и реформу китайского общества. Распространение русской культуры способствовало процессу создания КНР.
- Русская литература ускорила появление и развитие современной китайской литературной жизни, что отчетливо проявилось в развитии китайской современной поэзии.
- Переводы русской литературы изменили взгляд китайского народа на жизнь. Лу Синь русскую литературу называл огнём, служившим древним предкам человечества. Он также отмечал, что русская литература, начиная с правления царя Николая II, всегда существовала для человека. Её цель и главная идея была либо поиском, либо решением вопроса, либо раскрытием загадки, либо упадничеством, но все они являлись ключевыми моментами жизни русского народа, и в итоге главная идея русской литературы всегда представляла собой жизнь и только её [鲁迅 1981:432].
- Русская литература оказала влияние на несколько поколений китайской молодежи. Многие выдающиеся представители китайской интеллигенции выросли, читая роман Н. Островского «Как закалялась сталь», который до сих пор стоит в обязательном списке для чтения иностранной литературы в школах и вузах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.:Изд-во МГУ, 2004. 554 с.
2. Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1992. 796 с.
3. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта, 2003. 356 с.
4. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история с древнейших времен до наших дней). М.: Флинта: МПСИ, 2006. 416 с.
5. Новый большой русско-китайский словарь. Пекин, 1998. 1326 с.
6. Русско-английский фразеологический словарь / Под ред.

7. Д.И. Квеселевича. М.: Русский язык, 2000. 705 с.
8. Словарь иностранных слов / Под ред. А.В. Боброва. М.: Цитадель, 1999. 336 с.
9. Современный толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2002. 794 с.
10. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 5-е изд. С.-Пб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО Издательский дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ» , 2002. 416 с.

ПОЛЕЗНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

***

АСПИРАНТУ НА ЗАМЕТКУ

Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Издания, отмеченные звездочкой (*), не удовлетворяют всем необходимым условиям и включены в Перечень по 31.12.2010 года согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года № 6/6

1. Alma mater (Вестник высшей школы)
2. Hyperboreus: Классическая филология и история *
3. *Lex Russica
4. Manuscripta Orientalia, International Journal for Oriental Manuscript Research *
5. Mongolica *
6. Philologica *
7. Philologica classica *
8. T-Comm – Телекоммуникации и Транспорт
9. Turcologica / тюркологический сборник *
10. Turczaninowia (Турчаниновия)
11. XVIII век *
12. Александр Блок: Исследования и материалы
13. Американский ежегодник *
14. Антропологический форум
15. Аспирантский вестник Поволжья
16. Библиография *

17. Библиосфера
18. Библиотекведение *
19. Вектор науки Тольяттинского государственного университета
20. Вести высших учебных заведений Черноземья
21. Вестник Адыгейского государственного университета
22. Вестник Академии
23. Вестник АКСОР
24. Вестник Алтайского государственного аграрного университета
25. Вестник археологии, антропологии и этнографии (электронный журнал)
26. Вестник архивиста
27. Вестник Башкирского университета
28. Вестник Брянского государственного университета
29. Вестник Бурятского государственного университета.
30. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание
31. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии
32. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология
33. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация
34. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования
35. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика
36. Вестник ВЭГУ
37. Вестник Вятского государственного гуманитарного университета
38. Вестник Дальневосточного отделения РАН *
39. Вестник Евразийской Академии административных наук
40. Вестник Екатеринбургского института
41. Вестник ИГЭУ
42. Вестник Иркутского государственного лингвистического университета
43. Вестник истории, литературы, искусства *
44. Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова *
45. Вестник КрасГАУ
46. Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева
47. Вестник Красноярского государственного университета *
48. Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина
49. Вестник МГИМО-Университета

50. Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Информатика и информатизация образования»
51. Вестник Московского государственного лингвистического университета
52. Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика»
53. Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Педагогика»
54. Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки»
55. Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология».
56. Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки»
57. Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Экономика»
58. Вестник Московского государственного университета культуры и искусств
59. Вестник Московского университета Серия 18. Социология и политология
60. Вестник Московского университета Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация
61. Вестник Московского университета Серия 21. Управление (государство и общество)
62. Вестник Московского университета Серия 22. Теория перевода
63. Вестник Московского университета Серия 9. Филология
64. Вестник Московского университета Серия 10. Журналистика *
65. Вестник Московского университета Серия 12. Политические науки *
66. Вестник Московского университета Серия 13. Востоковедение *
67. Вестник Московского университета Серия 14. Психология *
68. Вестник Московского университета Серия 20. Педагогическое образование *
69. Вестник Московского университета Серия 6. Экономика *
70. Вестник Московского университета Серия 7. Философия *
71. Вестник НГАУ
72. Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
73. Вестник Нижегородского государственного университета Серия. Социальные науки *
74. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского
75. Вестник Новгородского государственного университета
76. Вестник Новосибирского государственного университета Серия: История, филология*
77. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально- экономические науки
78. Вестник Омского университета
79. Вестник ОрелГАУ
80. Вестник ОрелГИЭТ
81. Вестник Оренбургского государственного университета
82. Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования

83. Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология
84. Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия Экономика.
85. Вестник Поволжской академии государственной службы (Вестник ПАГС)
86. Вестник Поморского университета. Серия. Гуманитарные и социальные науки *
87. Вестник Поморского университета. Серия. Физиологические и психолого-педагогические науки *
88. Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
89. Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета
90. Вестник РГГУ
91. Вестник Российского государственного университета им. И. Канта
92. Вестник Российского университета дружбы народов
93. Вестник Русской христианской гуманитарной академии
94. Вестник Самарского государственного университета
95. Вестник Самарского государственного экономического университета
96. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика
97. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13 Востоковедение. Африканистика
98. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика
99. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения
100. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика
101. Вестник Северо-Восточного научного центра Дальневосточного отделения Российской академии наук
102. Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова
103. Вестник Ставропольского государственного университета
104. Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки
105. Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета
106. Вестник Тверского государственного университета
107. Вестник Тихоокеанского государственного университета
108. Вестник Томского государственного педагогического университета
109. Вестник Томского государственного университета
110. Вестник Томского государственного университета. Филология
111. Вестник Тюменского государственного университета
112. Вестник Удмуртского университета
113. Вестник Университета (Государственный университет управления)
114. Вестник Университета Российской академии образования

115. Вестник Уральского отделения РАН *
116. Вестник ЦМО МГУ Филология Культурология Педагогика Методика
117. Вестник Челябинского государственного педагогического университета
118. Вестник Челябинского государственного университета
119. Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств
120. Вестник Читинского государственного университета
121. Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.
122. Вестник Чувашского университета
123. Вестник экономики, права и социологии
124. Вестник экономической интеграции
125. Вестник Южного научного центра *
126. Вестник Южно-Уральского государственного университета.
127. Вестник Якутского государственного университета имени М.К. Аммосова
128. Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.
129. Византийский временник *
130. Вопросы когнитивной лингвистики
131. Вопросы культурологии
132. Вопросы литературы *
133. Вопросы образования
134. Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского
135. Вопросы филологии *
136. Вопросы языкознания *
137. Восток. Афро-азиатские общества: история и современность *
138. Временник Пушкинской комиссии *
139. Высшее образование в России
140. Высшее образование сегодня
141. Гуманизация образования
142. Гуманитарные и социально-экономические науки
143. Гуманитарные и социальные науки (электронный журнал)
144. Гуманитарные исследования *
145. Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке
146. Гуманитарные науки в Сибири
147. Гуманитарный вектор

148. Дом Бурганова. Пространство культуры
149. Достоевский: Исследования и материалы *
150. Древняя Русь. Вопросы медиевистики
151. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома *
152. Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences
153. Журнал социологии и социальной антропологии *
154. Журнал Экономическая социология (электронный журнал)
155. Журнал экономической теории *
156. Записки Института истории материальной культуры РАН *
157. Знание. Понимание. Умение
158. Из истории русской фольклористики *
159. Известия Алтайского государственного университета: научный журнал
160. Известия Волгоградского государственного педагогического университета
161. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки
162. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки
163. Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела
164. Известия Горского государственного аграрного университета
165. Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки»
166. Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Психолого-педагогические науки»
167. Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал)
168. Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН
169. Известия РАН. Серия литературы и языка *
170. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
171. Известия Российской академии образования
172. Известия Самарского научного центра РАН *
173. Известия Смоленского государственного университета
174. Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки *
175. Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры
176. Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки
177. Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки
178. Известия Южного федерального университета, Филологические науки.

179. Известия Южного федерального университета. Педагогические науки *
180. Индоевропейское языкознание и классическая филология *
181. Инициативы XXI века
182. Инновации
183. Инновации в образовании.
184. Иностранные языки в школе
185. Интеграция образования.
186. Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права *
187. Интеллигенция и мир.
188. Информатизация образования и науки.
189. Информатика и образование *
190. Информационная безопасность регионов.
191. Информационное общество.
192. Информационное право
193. Информационные войны.
194. Информационные ресурсы России.
195. Информационные системы и технологии.
196. Информационные технологии
197. Информация и безопасность.
198. Искусство в школе *
199. Искусство и образование *
200. Искусство кино *
201. Искусствоведение
202. Испанский альманах *
203. Историко-философский ежегодник *
204. Историческая лексикология и лексикография *
205. История науки и техники
206. Каспийский регион: политика, экономика, культура *
207. Качество. Инновации. Образование
208. Книжные центры Древней Руси *
209. Конфликтология.
210. Культурная жизнь Юга России *
211. Культурно-историческая психология .

212. Культурология *
213. Литейщик России *
214. Литература в школе *
215. Личность. Культура. Общество.
216. Логос *
217. Международный аспирантский вестник Русский язык за рубежом
218. Международный научный журнал.
219. Международный электронный журнал "Образовательные технологии и общество".
220. Мир и политика.
221. Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал.
222. Мир науки, культуры, образования.
223. Мир образования – образование в мире.
224. Мир России *
225. Мир русского слова.
226. Наука и образование *
227. Наука и школа.
228. Научная мысль Кавказа.
229. Научно-аналитический журнал Актуальные проблемы социально-экономического развития России.
230. Научные ведомости Белгородского государственного университета.
231. Научные и технические библиотеки *
232. Научные проблемы гуманитарных исследований.
233. Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования».
234. Научный и общественно-политический журнал "Социология власти"
235. Начальная школа
236. Начальная школа плюс До и После
237. Начальное образование
238. Новое в психолого-педагогических исследованиях.
239. Новое литературное обозрение *
240. Образование и наука. Известия УРО РАН.
241. Образование и общество.
242. Образование и саморазвитие *
243. Обсерватория культуры.

244. Общественные науки и современность *
245. Общество и экономика *
246. Общество. Среда. Развитие.
247. Одиссей: Человек в истории *
248. Омский научный вестник.
249. Отечественные архивы *
250. Открытое и дистанционное образование.
251. Открытое образование.
252. Педагогика *
253. Педагогика искусства (электронный журнал)
254. Педагогический журнал Башкортостана
255. Педагогическое образование и наука
256. Перспективы науки.
257. Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура.
258. Политика и общество.
259. Политическая лингвистика.
260. Преподаватель XXI век.
261. Приволжский научный журнал.
262. Проблемы истории, филологии, культуры.
263. Профильная школа.
264. Пушкин и его современники *
265. Пушкин: исследования и материалы *
266. Родина.
267. Россия XXI.
268. Россия и Британия *
269. Россия и Европа *
270. Россия и современный мир *
271. Россия и Франция XVIII-XX *
272. Русская литература *
273. Русский фольклор *
274. Русский язык в научном освещении *
275. Русский язык за рубежом.
276. Русское искусство *

277. Свободная мысль –XXI *
278. Северорусские говоры (слово в народных говорах Русского Севера) *
279. Сибирский педагогический журнал.
280. Сибирский филологический журнал.
281. Скандинавская филология - Scandinavica *
282. Славяноведение *
283. Славянский альманах *
284. Современная Европа
285. Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал.
286. Социальная политика и социальное партнерство.
287. Социальная политика и социология.
288. Социально-гуманитарные знания *
289. Социально-экономические явления и процессы
290. Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке.
291. Социология *
292. Социология образования.
293. Среднерусский вестник общественных наук.
294. Стандарты и мониторинг в образовании.
295. Структурная и прикладная лингвистика *
296. T-Comm - Телекоммуникации и транспорт *
297. Театр. Живопись. Кино. Музыка *
298. Театральная жизнь *
299. Телекоммуникации *
300. Теория и практика общественного развития (электронный журнал)
301. Традиционная культура *
302. Труды Института лингвистических исследований РАН – Acta Linguistica Petropolitana *
303. Труды отдела древнерусской литературы *
304. Труды отделения историко-филологических наук РАН *
305. Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки.
306. Ученые записки Орловского государственного университета.
307. Ученые записки Петрозаводского государственного университета.
308. Ученые записки Российского государственного социального университета.
309. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета.

310. Филологические науки *
311. Филология и человек.
312. Философия и культура.
313. Философия и общество *
314. Философия науки*
315. Философия образования.
316. Философия социальных коммуникаций.
317. Христианство и русская литература *
318. Человек и образование *
319. Этнографическое обозрение *
320. Этносоциум и межнациональная культура
321. Язык и культура.
322. Язык и речевая деятельность *
323. Ярославский педагогический вестник.

О зарубежных научных журналах и изданиях, в которых могут быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Высшая аттестационная комиссия Минобрнауки России информирует, что начиная с 21 апреля 2008 года к периодическим изданиям, включенным в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, относятся зарубежные издания, включенные в одну из трех систем цитирования Web of Science: Science Citation Index Expanded (база по естественным наукам), Social Sciences Citation Index (база по социальным наукам), Arts and Humanities Citation Index (база по искусству и гуманитарным наукам).

Список зарубежных научных журналов и изданий, включенных в одну из трех систем цитирования Web of Science, доступен в сетях общего пользования. В связи с этим указанный список не будет публиковаться на сайте ВАК в виде отдельной части перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

О приложениях к научным периодическим изданиям

В связи с многочисленными обращениями соискателей ученых степеней Высшая аттестационная комиссия министерства образования и науки Российской Федерации обращает внимание председателей и секретарей советов по защите докторских и кандидатских диссертаций, научных руководителей, соискателей ученых степеней, что приложения к научным периодическим изданиям из Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, не приравниваются к изданиям, входящим в Перечень. Исключение составляют приложения, включенные в Перечень самостоятельно как отдельные издания. 31.03.10

Президиум ВАК (Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/>).

Электронные лингвистические журналы

1. Philologica (рус/англ)

Двуязычный журнал по русской и теоретической филологии (английский – русский языки). Выпускается под редакцией И.А. Пильщикова и М. И. Шапира. «Philologica» публикует работы любого жанра и объема по самому широкому спектру гуманитарных проблем. Специфика издания определяется тем, что в области русистики это практически единственный журнал, рассматривающий вопросы культуры *sub specie philologia*.

Режим доступа: <http://www.rema.ru:8101/philologica/>.

2. Language and Literature (рус)

Журнал издательства Тюменского государственного университета. Первый выпуск журнала является

коллективной монографией, одной из основных итоговых работ кафедры английского языка факультета романо-германской филологии по общекафедральной теме исследования за 1991-1996 гг. «Интегративный анализ компонентов текста при обучении общению». В разделах монографии представлен структурный, системный, функциональный анализ единиц текста с позиции лексикографии, грамматики, поэтики, стилистики, социо- и психолингвистики, а также с позиций лингвометодической коммуникации и лингводидактики. На сайте также можно ознакомиться и с последующими выпусками журнала, которые, кроме лингвистического, содержат такие разделы, как «Поэтика» и «Методика».

Режим доступа: <http://www.tsu.tmn.ru/frgf/No1/journal.htm>.

3. Вестник гуманитарной науки (рус)

Журнал гуманитарной направленности, выпускаемый Российским государственным гуманитарным университетом. Хроника научных встреч, информация о конференциях и семинарах, в том числе международных, статьи и доклады, содержание номеров с 1996 по 2001 гг. Информация о новых изданиях РГГУ и новых книгах, изданных в России.

Режим доступа: <http://vestnik.rsuh.ru/>.

4. Восточный журнал (рус)

Журнал содержит рубрики «Языкознание», «Экзегетика», «История», «Археология». Автор, известный таджикский журналист, в своих статьях уделяет внимание проблемам языкознания в их соотношении с политикой.

Режим доступа: <http://www.ataev.net/GateRu/author.asp>.

5. Все образование в Интернете (рус)

Еженедельное обозрение образовательных проектов. Огромный сетевой ресурс: различные новости, события, так

или иначе связанные с образованием, информация о грантах, стипендиях и конкурсах, анонсы событий, интервью с известными людьми. В рубрике «Опрос» можно высказать свое мнение по тому или иному вопросу. В разделе «Цитаты» можно найти высказывания великих людей о самообразовании, образовании, воспитании и др. В рубрике «Кунсткамера» собраны новости об интересных и необычных событиях. Великолепно наполненный информацией сайт с удобной навигацией. На сайте есть большой каталог ссылок.

Режим доступа: <http://www.alledu.ru/>.

6. Прикладная и экспериментальная лингвистика (рус)

Реферативный веб-журнал. Основан при участии Московского государственного лингвистического университета, Межрегиональной ассоциации когнитивной, коммуникативной и контрастивной лингвистики, содержит информацию о рукописях, книгах, сборниках по прикладной лингвистике. Большой список статей и диссертаций. «Прикладная и экспериментальная лингвистика это перспективные, стремительно развивающиеся направления языкознания, в рамках которых занимаются исследованиями языковой способности человека с целью практического применения полученных знаний в различных сферах жизни общества. Кроме того, эти исследования находятся на стыке нескольких научных дисциплин: психологии, педагогики, когнитивной науки, семиотики, информатики, информационных технологий, искусственного интеллекта, компьютерной лингвистики».

Режим доступа: <http://www.geocities.com/ResearchTriangle/Node/9454/Webjmain.htm>.

7. Словесник (рус)

Еженедельное интернет-издание для студентов, преподавателей и просто любителей словесности. Основная цель данного сайта – помочь учиться студентам с ограниченными физическими возможностями (например, инвалидам, молодым мамам и др.). Тексты русской литературы, зарубежной литературы, много справочной информации; раздел «Лингвистика» содержит некоторые избранные статьи, есть список учебных пособий по русской и зарубежной литературе, по методике преподавания, по русскому языку. В разделе «Тесты» вы можете проверить свою грамотность. Для обмена мнениями существует рубрика «Форум».

Режим доступа: [http:// www.slovesnik.ru /](http://www.slovesnik.ru/).

8. Текстология (рус)

Электронный журнал. Обсуждение текстологических проблем, проблем палеографии, публикации (включая работы поисковые, спорные и студенческие) на темы психолингвистики, текстологии, стилеметрии и др.; есть раздел «Библиотека»; на сайте дается обзор некоторых книжных новинок; есть полезные ссылки; в раздел «Проекты» можно добавить интересующую вас проблему. Работают приложения «Уголок старейшего почерковеда» (любопытные случаи из экспертной практики), «Хранитель слов» – о проблемах правописания, «Вивлиофика» – публикации научной классики, по тем или иным причинам давно не переиздававшейся. На сайте можно подписаться на рассылку новостей. Из интересного можно отметить атрибутор текстов, лингвистический процессор для автоматического сравнения и классификации текстов по параметрам индивидуального авторского стиля. Первая версия программы настроена для сравнения художественных прозаических текстов, в основном романов (атрибутор позволяет сравнивать введенные в его поле тексты с имеющимися в базе данных авторами и выводит результаты схожести текстов). Также сайт «Текстологии» снабжен картой.

Режим доступа: [http:// www.textology.ru /](http://www.textology.ru/).

9. Ученые записки (рус)

Журнал «Ученые записки» был основан в 1941 году как печатное издание старейшего высшего учебного заведения Курска. С 2006 года существует только в электронной версии. Электронный научный журнал Курского государственного университета является электронным научным изданием, зарегистрированным Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия и Федеральным депозитарием электронных изданий ФГУП НТЦ «Информрегистр».

Режим доступа: [http:// scientific-notes.ru /](http://scientific-notes.ru/).

10. Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук (рус)

Цель журнала – публикация результатов научных исследований аспирантов, соискателей и докторантов. Режим доступа: [http: // publikacia.net](http://publikacia.net).

Ближайшие конференции на базе Института филологии и языковой коммуникации СФУ

С 24 по 25 мая Институт филологии и языковой коммуникации СФУ проводит научную конференцию «Просветительство в славянской культуре»: XI Славянские чтения. В ходе конференции планируется обсуждение следующих проблем:

1. Наставничество и его представление в русской (славянской) литературе, языке, истории.
2. Просветительская роль XVIII века в русской (славянской) культуре.
3. Проблемы российского просветительства в историко-политической науке.
4. Религиозное реформаторство как составная часть просветительства
5. Миссионеры русской (славянской) истории и культуры
6. Словари разного типа в образовательном процессе.
7. Религиоведение как компонент культурного просветительства.
8. Родной язык в формировании гражданина Отечества.

Памятка авторам «Siberia Lingua»

Приглашаем к авторскому сотрудничеству всех, чьи профессиональные интересы совпадают с проблематикой нашего издания. Просим учесть следующие требования к материалам, направляемым в наш электронный журнал:

- материалы присылаются в компьютерном варианте (в редакторе “Word для Windows 97-2003”) с приложением тщательно отредактированного отпечатанного текста (шрифтом Times New Roman, размер 12 pt, через 1,5 интервала с полями 2 со всех сторон);
- объем предлагаемого материала не должен превышать 10 страниц, включая примечания;
- заглавие набирается прописными буквами, жирным или полужирным шрифтом по центру строки;
- под заглавием в верхнем правом углу указываются инициалы и фамилия автора (авторов), под фамилией в скобках – название города, а для иностранных авторов также страны);
- расстояние между заголовочными сведениями и остальным текстом – два интервала;
- речевые иллюстрации набираются курсивом, выделения делаются жирным шрифтом;
- библиографические ссылки в тексте делаются в квадратных скобках, например: [Иванов, 2008. С. 54]: пояснения – в круглых скобках;
- знак тире отбивается пробелом с обеих сторон; знак дефиса печатается без пробелов;
- литература и примечания располагаются в конце текста под жирной чертой (см. материалы этого выпуска) и оформляются согласно общепринятым требованиям;
- сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами;
- к рукописи прилагаются сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, должность; место работы, место учебы (для студентов); адрес эл. почты, номер мобильного телефона, краткая рекомендация научного руководителя (для студентов и аспирантов), рецензия.
- статья должна начинаться с краткой аннотации на русском и английском языках (не более 6 строк).

К тексту статьи прилагается эл. фото автора (начиная со второго выпуска журнала).

Просим учесть, что **авторские тексты не возвращаются.**

Материалы, оформленные не в соответствии с перечисленными требованиями, к рассмотрению не принимаются.

Адрес редакции: 660047, г. Красноярск, пр. Свободный, 82А. Институт филологии и языковой коммуникации. Ауд. 242.

С нами также можно связаться по электронной почте: siberia_lingua@mail.ru